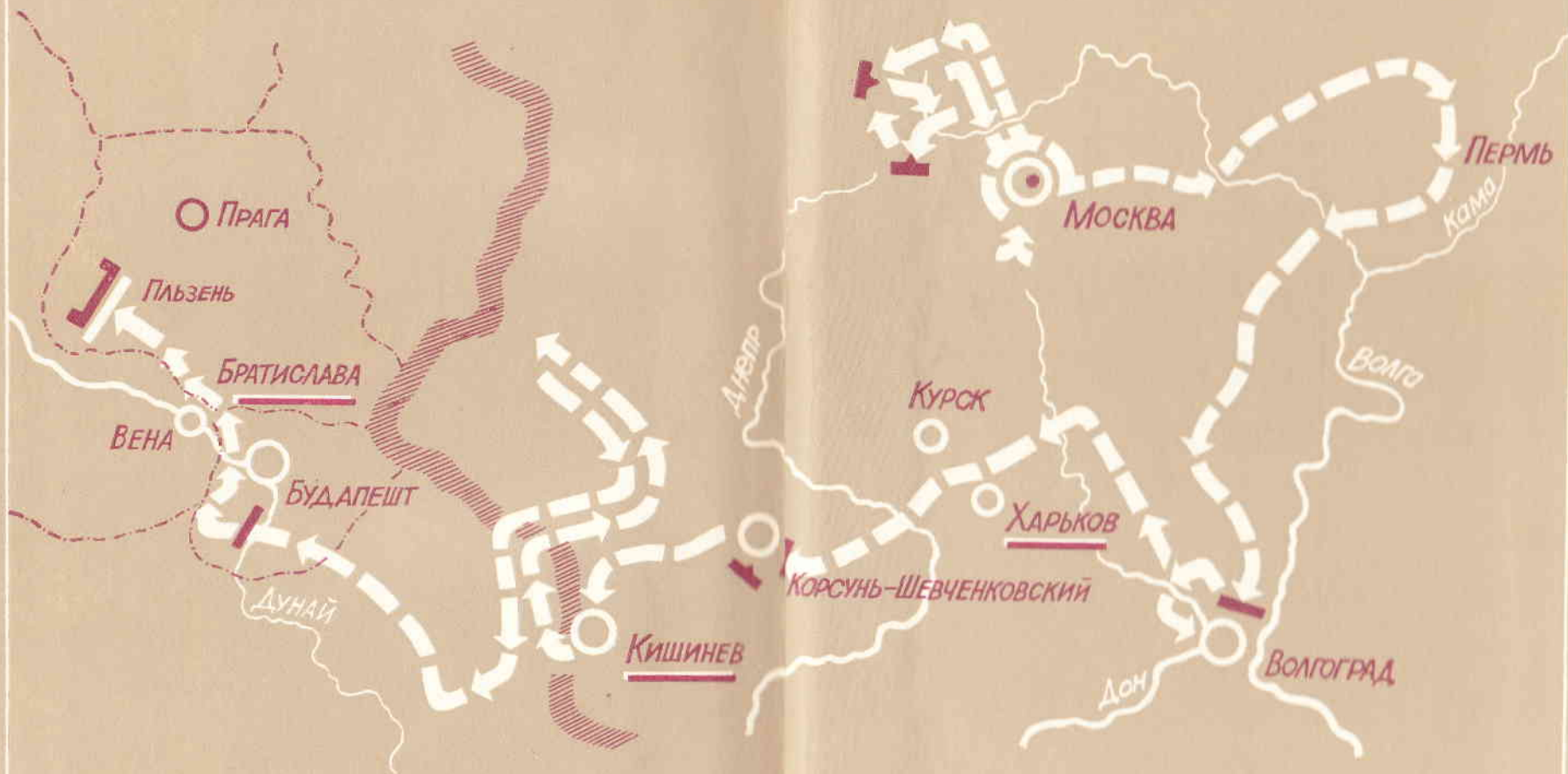

НАША
СТРЕЛКОВАЯ

НАША СТРЕЛКОВАЯ

ВETERАНЫ
252-й ДИВИЗИИ
ВСПОМИНАЮТ

Издание второе,
переработанное и дополненное

ПЕРМСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
1987

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

Книга эта — плод коллективных раздумий и воспоминаний. Идея написания ее родилась 9 мая 1975 года. Тогда с разных концов страны в Москву съехалось более 250 однополчан. На встрече и решили, что настало время поведать детям и внукам о славном пути нашей Харьковско-Братиславской Краснознаменной орденов Суворова и Богдана Хмельницкого 252-й стрелковой дивизии, о ее героях, живых и павших за Родину, о тех, кому довелось принимать участие в послевоенном возрождении страны, кто ныне находится в рядах активных строителей общества, борцов за мир, воспитателей подрастающего поколения.

Наш однополчанин — известный советский писатель Василь Быков — как-то сказал: «Для нас в одинаковой степени должны быть важны как воспоминания видных военачальников, так и скромные свидетельства рядовых участников войны...» В этой книге — свидетельства солдат и офицеров переднего края. Это — их краткие мемуары.

В книге нет ни строчки вымысла. Мы писали о том, что было: о горькой поре отступления в 1941 г., о боях в условиях окружения, о втором рождении дивизии на Урале, о жарких битвах под Сталинградом и Харьковом, на Днепре и Дунае, о нашей походной жизни, о фронтовой дружбе.

В конце книги приводятся краткие данные об авторах воспоминаний.

Составители

И. Г. Анисимов, А. К. Годовых, И. Г. Гребцов
Литературная обработка И. Г. Гребцова

Рецензенты

Ю. В. Плотников, А. Д. Пучнин, И. И. Шутёмов

ГРОЗНЫЙ ГОД

1

(ИЮНЬ 1941 — ИЮЛЬ 1942)

*Сороковые, роковые
Свинцовые, пороховые...
Война гуляет по России,
А мы такие молодые!*

Давид Самойлов

*До тебя мне дойти нелегко,
А до смерти — четыре шага.*

Алексей Сурков

ЕСТЬ 252-я!

252-я стрелковая дивизия была сформирована в первые дни Великой Отечественной войны, в грозное для Родины время. Враг сосредоточил у наших границ почти две сотни хорошо отмобилизованных дивизий, которым, несмотря на героическое сопротивление наших войск, удалось глубоко вклиниться на территорию страны.

По призыву Коммунистической партии и Советского правительства за первые дни войны в Вооруженные Силы влились многие сотни тысяч советских людей. В 252-й дивизии вместе с русскими плечом к плечу стояли украинцы, узбеки, белорусы, казахи, армяне, грузины, азербайджанцы, киргизы, туркмены, молдаване, латыши — представители всех народов многонационального Советского Союза. Наша стрелковая дивизия начала формироваться 28 июня 1941 года под Москвой.

...Вот молодые воины отрабатывают приемы штыкового боя. Чуть поодаль, прижавшись к земле, вперед продвигается группа разведчиков. Артиллеристы и минометчики занимают огневые позиции. Связисты с катушками кабеля за плечами устремляются к лесу — там наблюдательный пункт. Саперы «минируют» подходы к «переднему краю». Медики на «поле боя» перевязывают «раненых»...

От темна до темна — учеба. Самым распространенным изречением командиров становятся слова Суворова: тяжело в учении — легко в бою. Времени в обрез. За считанные дни каждый должен стать умелым бойцом.

Еще шло формирование, еще поступала материальная часть, а дивизия 11 июля получила приказ срочно грузиться в эшелоны и по железной дороге отправляться в распоряжение Западного фронта. Там, на фронте, она войдет в состав 29-й армии.

В пути, в районе станции Бологое, эшелоны дивизии подверглись нападению авиации противника, господство-

вавшей в то время в воздухе. Самолеты врага, сделав несколько заходов, бомбили эшелоны с небольшой высоты. Были прямые попадания. Еще не доезжая до фронта, дивизия понесла первые потери.

После выгрузки в районе станции Осташков дивизия совершила марш в направлении Андреаполь — Западная Двина. Первый бой произошел около населенного пункта Ильино...

Политорганы дивизии обеспечивали авангардную роль коммунистов и комсомольцев.

Дивизионная газета «Боевая красноармейская» писала о подвигах солдат и офицеров. После каждого боя партийные организации полков и дивизии принимали в ряды партии наиболее отличившихся воинов. Боевыми помощниками командиров и партийных организаций были комсомольцы. В июле 1941 года в армии вводится институт военных комиссаров. В полках появились комиссары, в ротах и батальонах — политруки.

Уже в июле 1941 года, в самом начале войны, только что сформированная 252-я стрелковая дивизия заявила о себе как о боеспособном соединении. Впереди — самый трудный год войны, первая славная победа под Москвой. Впереди — победы под Сталинградом, Харьковом, на Днепре, на Правобережной Украине и в Молдавии. Впереди — освобождение стран Восточной Европы от коричневой чумы — фашизма.

К концу войны 252-я будет называться Харьковско-Братиславской Краснознаменной орденов Суворова и Богдана Хмельницкого стрелковой дивизией;

ее 924-й стрелковый полк станет Кишиневским орденов Александра Невского и Богдана Хмельницкого;

ее 928-й получит почетное наименование Дунайский и будет награжден орденами Суворова и Кутузова;

ее 932-й станет Краснознаменным ордена Александра Невского стрелковым полком;

и, наконец, 787-й артиллерийский полк получит почетное наименование Кишиневский.

И еще. 13 лучших из лучших сынов дивизии будут удостоены звания Героя Советского Союза. Пятеро станут полными кавалерами ордена Славы. Тысячи бойцов и командиров будут награждены боевыми орденами и медалями.

Все это — впереди.

Е. Попов

ГРОЗНЫЙ ГОД

У ЗАПАДНОЙ ДВИНЫ

Под Осташковом на глухом полустанке разгружались эшелоны 252-й стрелковой дивизии. Дальше полки двигались походным маршем. Стояла июльская жара, небо дышало зноем...

После 10-дневного марша командир дивизии генерал-майор Забалуев приказал полкам занять исходные позиции. Слышался отдаленный орудийный гул — война была близко. Сквозь негустой лес заблестели воды Западной Двины. Возле деревни Хлебаниха саперы навели мост и переправили дивизию на противоположный берег реки. Километрах в 15 от нее находилось село Ильино. Там — узел шоссейных дорог, к нему прорвалась танковая колонна противника. Дивизии было приказано окружить, уничтожить ее и занять Ильино.

28 июля полки с марша вступили в бой. Фашистские цепи показались на дороге, по которой двигался 924-й полк. Бойцы батальона старшего лейтенанта Дымова встретили врага огнем.

— Вперед, за Родину! Бей гадов! — призывал Дымов, появляясь всюду, где разгорались жаркие схватки. И воины, увлеченные мужеством своего командира, дрались как львы. Вот красноармейца Исфасанова окружили три гитлеровца. Патроны кончились. И тогда Исфасанов схватил винтовку за ствол и могучими ударами начал отбиваться от наседавших врагов.

Из-за поросших кустарником холмов показались немец-

АЛЕКСАНДР АЛЕКСЕЕВИЧ ЗАБАЛУЕВ

Генерал-майор Забалуев командовал 252-й стрелковой дивизией с момента ее формирования по январь 1942 года. Член КПСС с 1932 года. Родился в 1906 году в городе Кашире Московской области.

В 1924 году 18-летним юношей Александр Забалуев становится купсантом всенно-пехотного училища, затем в течение нескольких лет служит помощником начальника погранзаставы и инструктором боевой подготовки пограничного отряда.

В 1933 году молодого командира назначают начальником штаба 55-го железнодорожного полка НКВД, а в 1937-м он становится командиром полка особого назначения.

А. А. Забалуев в 1940 году, в период финской кампании, командовал бригадой. Затем он получает назначение на должность начальника оперативного отряда Управления оперативных войск НКВД, а в начале

кие танки. Наша артиллерия открыла по ним огонь. Один снаряд попал в ближайшую машину, и из нее вырвалось пламя. Дрогнули цепи противника, не выдержали артиллерийского огня, повернули назад. Над полем перекачивалось красноармейское «ура», наша пехота устремилась в контратаку, а вскоре в тыл повели первых пленных. 924-й полк прошел вперед уже более четырех километров и ворвался на окраину Ильино.

Здесь произошла заминка. Остальные полки не успели подтянуться, противник ввел в бой новую колонну танков, свежие пехотные резервы, и 924-му было приказано отойти к деревне Иван-Труд. Но бой продолжался. Под напором превосходящих сил полки дивизии, оказывая упорное сопротивление, медленно отходили к реке. И тогда перед отступающими выросла фигура комиссара дивизии Ростовцева:

— Ни шагу назад! Родина послала нас бить врага, а не пятиться от него!

Ростовцев * собрал командиров, указал место для обороны каждой роты. Именно сюда устремился противник, пытаясь прорваться и с ходу форсировать реку, но натолкнулся на упорное сопротивление и не прошел. Под покровом темноты полки отошли к реке и начали закрепляться.

Так закончился первый бой дивизии с превосходящими

* Иван Никитич Ростовцев в ноябре 1942 года был назначен заместителем командира 15-го стрелкового корпуса по политчасти. 11 февраля 1943 года погиб северо-восточнее города Балаклея Харьковской области. Похоронен в Балаклее. Центральная площадь города носит имя комиссара Ростовцева.

Великой Отечественной войны становится командиром сформированной под Москвой 252-й стрелковой дивизии.

С января 1942 года он — заместитель командующего 30-й армией. Через несколько месяцев — слушатель Военной академии Генерального штаба.

С сентября 1942-го в течение ряда лет — начальник штаба Закавказского и Северо-Кавказского фронтов, а затем — начальник штаба Архангельского, Сибирского и Западно-Сибирского военных округов.

В 1946 году А. А. Забалуев был назначен старшим преподавателем Военной академии Генерального штаба. В 1947 году он ушел в запас по болезни.

За заслуги перед Родиной награжден орденом Ленина, двумя орденами Красного Знамени, орденами Кутузова I степени, Красной Звезды и медалями. Умер в 1949 году.

А. А. Забалуев

силами врага, его танками и автоматчиками. Дивизия понесла потери, но попытка гитлеровцев с ходу форсировать реку не удалась. Измотав врага, наши части заняли вдоль реки оборону, о которую позже разбилась не одна атака противника. Так у Западной Двины войны дивизии постигали суровую школу войны.

Весь август дивизия обороняла рубеж по северному берегу Западной Двины. Естественно, генерал-майор Забалуев не был удовлетворен ходом первого боя. Он видел промахи, допущенные при выполнении боевой задачи. Главный из них заключался в том, что силы врага не были достаточно изучены. Поэтому наши артиллеристы, действовавшие смело, не знали возможных направлений тан-

ковых атак. К тому же не было завезено достаточного количества боеприпасов. Обо всем этом генерал вел беседы с командирами полков и батальонов в перерывах между боями. Так в боевых условиях осуществлялась командирская учеба, устранялись недостатки.

29 августа враг снова предпринял попытку овладеть переправой на Западной Двине. Он обрушил на оборону 932-го полка артиллерийский и ружейно-пулеметный огонь. Густо падали снаряды, в каждой роте были потери. Редко была наша полковая артиллерия — вышли из строя многие бойцы орудийных расчетов. В это время гитлеровцы бросились к переправе. Командир полка подполковник Журавлев поднял бойцов в атаку, но тут же пошатнулся и упал. Комиссар полка старший политрук Антропов был рядом.

— Вперед, орлы! — крикнул он. — Отомстим за командира!

Бойцы со штыками наперевес бросились к реке. Пулеметчик Рахматулин залег на пригорке у берега и ударил по атакующему врагу. Гитлеровцы заметались, попятились назад.

Вскоре по приказу командования дивизия перешла в село Свиридово для ликвидации прорвавшейся в район Железово — Шатры группировки противника. 5 сентября 924-й и 928-й полки выступили из Свиридово на Шатры и вступили в бой с полком СС, усиленным танками. На следующий день к Шатрам подошел и 932-й полк. Гитлеровцы, закрепившись в Шатрах, превратили село в хорошо оборудованный узел обороны. Местность позволяла противнику держать все подходы к селу под перекрестным огнем. В местах, которые не просматривались, были расставлены танки.

Попытка взять Шатры в лоб не увенчалась успехом. Наступавший 924-й полк понес потери. Другой — 932-й полк, обойдя Шатры, пошел на соединение с 928-м полком, находившимся на правом фланге атакующих. Соединившись, полки стремительно вышли к реке у переправы против села Железово. Фашисты, поняв, что их обходят, перешли в контратаку. Основной их удар пришелся по стрелковому батальону 932-го полка под командованием старшего лейтенанта Григорьева. Располагая численным превосходством, противник хотел смять батальон и выйти во фланг наступавшего полка. Этот замысел врага был разгадан Григорьевым. Стойко встретили бойцы гитлеров-

цев. Прямой наводкой били орудия 787-го артиллерийского полка. Бой на этом участке продолжался до позднего вечера.

Когда стемнело, к командному пункту полка неожиданно прорвалось до роты фашистов. Тройное превосходство врага заставило всех, кто был на командном пункте, взяться за оружие. Бой был коротким, но ожесточенным. Враг, понеся большие потери, откатился назад. Значительные потери были и у нас. Нужно ли говорить о том, что на подобном горьком опыте учились наши воины бдительности и осмотрительности на марше и во время боевых действий.

Утром части дивизии заняли село Железово. Все силы были направлены на то, чтобы выйти к Шатрам, завязать бой по уничтожению вражеской группировки и в этом селе. Жители с радостью встречали советских воинов, показывали, где прячется враг. Скоро все село было очищено от гитлеровских разбойников, в тыл отправлены пленные. Танки, пушки, автомашины, пулеметы — все, чем располагал полк СС в Шатрах, — стали первыми боевыми трофеями нашей дивизии. Эсэсовский полк был полностью разгромлен.

БОИ ЗА ГОРОД КАЛИНИН

Гитлеровцы продолжали рваться к Москве. Они готовились обойти ее с юга и севера, пытаясь зажать в железные клещи своих танковых дивизий обороняющие столицу войска. Уже захвачен Калинин.

В эти тяжелые дни дивизия, вошедшая в состав 31-й армии, получила новое боевое задание: изматывая противника, отходить на восток. Затем прорваться к Калинин у совместно с другими частями штурмом овладеть им.

На подступах к Калинин у деревни Новинки дивизия вступила в бой с моторизованными и танковыми частями противника. Гитлеровцы вынуждены были спешно отойти за Волгу, а дивизия, не останавливаясь, двинулась дальше, к Калинин. В холодное дождливое утро 21 октября бойцы 924-го полка увидели наконец волжские берега. Начались бои за Калинин.

Генерал Забалуев и полковой комиссар Ростовцев все время находились на переднем крае, в полках. Изучались оборона противника, его силы, действующие на участке дивизии; наши части совершенствовали боевую выучку. Генерал сам производил рекогносцировку, обрабатывая

план предстоящего наступления, подробно ознакомился с донесениями разведки, изучал добытые саперами сведения о минных полях, беседовал с командирами и бойцами.

Однажды генерал присутствовал на занятиях стрелковой роты. Красноармеец Колясников обратился к нему:

— Разрешите обратиться, товарищ генерал. Тут кое-кто из нас в Осоавиахиме научился танки водить. А мы в последних боях захватили несколько немецких танков. Нельзя ли их подправить да на фашистах испробовать?

— Дело говоришь, — посветлев лицом, отозвался Забалуев. — Разрешаю.

Так был сформирован «самодеятельный» танковый отряд под командованием воентехника Недорищенко. В его состав вошло 5 трофейных машин противника.

Полки дивизии занимали рубеж в километре от берега реки, у сел Дмитровское и Черкассы. Вокруг была низменность, поросшая лесом. Командование дивизии знало, что в трех-четыре километрах от реки расположен немецкий аэродром, еще ближе проходит дорога в Калинин и Старицу, по которой непрерывно двигались автомашины, шли войска противника. Для обстрела дороги генерал Забалуев приказал выдвинуть лучшие, отличившиеся в боях артдивизионы капитана Белова и старшего лейтенанта Барыбкина. Белов был смелым, решительным и инициативным командиром, а Барыбкин — признанным мастером ведения огня прямой наводкой.

Совершая маневр, дивизия частью своих сил подошла к Калинину с юга. Впереди, в авангарде, шли трофейные танки, а за ними — стрелковая рота лейтенанта Песоцкого. В селе Щербово, как установила разведка, стоял сильный немецкий гарнизон. Открыв огонь из пушек и пулеметов, танки Недорищенко неожиданно ворвались в село. Следовавшие за танками бойцы Песоцкого достигли первых домов. Били пулеметы, глухо рвались гранаты. Закрепившись в крайних, отбитых у противника домах, красноармейцы завязали бой с немецким гарнизоном. Отделения стрелковых взводов действовали самостоятельно, выполняя общую задачу. Бой длился всю ночь. К утру фашистский гарнизон был уничтожен, и в село вошли наши основные силы.

Стали искать лейтенанта Песоцкого и политрука Поддубного, рота которых так успешно справилась со своей задачей. И только когда рассвело, в одном из догоравших домов бойцы нашли останки командиров. Оба они прибли-

Этот танк установлен на месте боев дивизии
в 1941 году на окраине города Калинина

зились к дому, где располагался немецкий штаб, и вынуждены были принять неравный бой с целым взводом гитлеровцев. Оба в этом бою погибли героями. Песоцкого и Поддубного похоронили с почестями. Весть о их гибели быстро облетела бойцов. Еще стремительней пошли они вперед, и уже никакая сила не могла остановить их на пути к Калинину.

И наступило 5 декабря 1941 года. В этот знаменательный день началось контрнаступление наших войск, начался штурм вражеской обороны Калинина. Дивизия имела боевую задачу: овладев противоположным берегом Волги, перерезать дорогу Калинин — Старица и занять юго-западную часть города.

Когда огонь нашей артиллерии был перенесен в глубинную оборону противника, с могучим русским «ура» ринулись в бой пехотинцы стрелковых полков. По льду реки сопровождали их пушки артполка. В это время по наступающим ударили вражеские пулеметы и минометы, а по нашим артиллерийским позициям открыла огонь немецкая артиллерия. На лед падали убитые, раненым тут же оказывали первую медицинскую помощь санитары под руководством неутомимого санинструктора Пушкина*.

Новые и новые цепи наступающих шли на штурм вражеского берега. Немецкая оборона держалась. Тогда во главе стрелков 924-го полка с гранатой в одной руке и с наганом в другой пошел боевой комиссар старший политрук Толмачев. И вот уже передние цепи бойцов достигли берега и залегли, готовясь к следующему броску. Но где-то слева строчил немецкий пулемет. С ним в поединок вступает бывший сормовский слесарь боец Шишкин. Два смертельных врага — русский рабочий, защищающий свою землю, и фашист. Враг начал менять диск, и тогда ударил по нему длинной очередью русский воин. Смолк немецкий пулемет.

Наступила ночь, а бой шел с еще большим ожесточением. Гитлеровцы подтянули подкрепление с других участков.

Прошел день, наступил второй, а бой над Волгой не смолкал. После бомбежки вражеской авиацией населенного пункта Черкасы вспыхнул дом, находящийся рядом со складом боеприпасов. Смело бросился в пламя красноармеец башкир Курамшин и потушил огонь...

Во время короткой передышки между боями заседала дивизионная парткомиссия.

— Заявление о приеме в партию подал красноармеец Сучков, — докладывает секретарь партбюро 932-го полка Лабовский. — Он прибыл к нам рядовым бойцом, а теперь за личное мужество в бою и умение руководить выдвинут командиром пулеметной роты. Есть предложение принять его в члены Коммунистической партии большевиков.

И вот уже жмут руку воину — коммунисту Сучкову. Потом принимают кандидатом в члены партии пулеметчи-

* От составителей. Сравнительно недавно нам удалось разыскать отважного санинструктора. Василий Андреевич Пушкин живет в Москве. За спасение многих десятков раненых на льду Волги он удостоен ордена Ленина.

ка Шишкина. С гордостью берет Шишкин кандидатскую карточку.

— Клянусь, что не запятнаю высокого звания большевика, — говорит он взволнованно.

15 декабря 932-й стрелковый полк одним из первых с боем ворвался в город Калинин. Майор Табачный, новый командир полка, и батальонный комиссар Антропов шли в рядах наступающих. Пушки Белова и Барыбкина подавляли вражеские огневые точки...

У свежей могилы героев боев застыли бойцы и командиры. Комиссар Ростовцев говорил:

— Мы отдаем последние воинские почести однополчанам, павшим в боях за наше святое дело. И мы в этой священной войне победим ненавистного врага, освободим нашу Родину, как ныне освободили город Калинин. Реет наше знамя над Калинином. В нем — наша кровь, в нем — любовь паша к родной земле, в нем — наша ненависть к врагу. Так поклянемся же, товарищи, всегда и во всем быть достойными этого красного знамени!

Раздался артиллерийский залп — последний салют героям, павшим в жестоких боях за город Калинин.

КРАСНОЕ ЗНАМЯ НАД СТАРИЦЕЙ

Враг отступал на Старицу поспешно, бросая боевую технику. По пятам за ним, по дороге Калинин — Старица, шла с боями и 252-я стрелковая дивизия.

Противник пытался задержать наше наступление у сел Опарино, Даниловское, Георгиевское. Дивизия опрокидывала вражеские заслоны и шла вперед. В бешенстве гитлеровцы уничтожали все, что могли, превращая мирные селения в «зону пустыни». В районе деревень Васильевское, Новое, Старое и Станишино немцы оставили крупные заслоны. Несколько суток шли бои, вражеские гарнизоны были почти полностью уничтожены. Забалуетцы, как теперь называли себя бойцы дивизии, на девятый день наступления приблизились к Холохольне — ближайшему населенному пункту на подступах к Старице.

Дивизия готовилась к штурму. 924-й полк, которому было приказано нанести главный удар, выдвинулся вперед и вел разведку боем переднего края обороны противника. Артиллеристы отмечали на карте огневые позиции врага. Лучший стрелок 928-го полка снайпер Волков ус-

пел сразить двух вражеских пулеметчиков. На его боевом счету было уже свыше 100 фашистов.

Приближался день штурма. Немцы ввели в бой авиацию. Над боевыми порядками дивизии появились «юнкеры», посыпались бомбы. 30 декабря орудия полковой и дивизионной артиллерии, перейдя на прямую наводку, открыли огонь. Точно в цель ложились наши снаряды — в воздух взлетали вражеские блиндажи и машины. Так продолжалось несколько часов. Гитлеровцы не выдержали массированного и точного огня артиллеристов, начали отходить. В результате стремительной атаки полки заняли Холохольню.

924-му полку с приданным батальоном была поставлена задача — форсировать Волгу и овладеть Старицей. Разведка полка установила, что в селе Дубровка, у самой Волги, немцы укрепились в домах и яростно обстреливают наступающих. Пушки полковой артиллерии открыли огонь прямой наводкой по Дубровке. Гитлеровцы были выбиты из домов и уничтожены пулеметным огнем. Очистив Дубровку, полк двинулся вперед.

Наступил последний день боев у Старицы — 31 декабря. С утра над нашей наступающей пехотой появилась фашистская авиация. До 30 бомбардировщиков кружилось над Холохольней, сбрасывая смертоносный груз. А наши войска все теснее сжимали кольцо вокруг Старицы. Полковой комиссар Ростовцев вечером пришел к пехотинцам. Почерневшие от ветра и мороза, утомленные лица бойцов были полны суровой решимости.

— Ваш полк решает судьбу всей операции, — сказал Ростовцев. — Генерал уверен, что бойцы не подведут!

Штурм начался. Подразделения 924-го первыми ворвались в город, очищая дома и улицы от гитлеровцев, и вот уже над городом взвилось красное знамя. Это было в 11 часов вечера 31 декабря 1941 года. Новый, 1942 год Старица встретила освобожденной.

Страна подводила итоги минувшего года. Было что вспомнить бойцам и командирам 252-й стрелковой, которая прошла с боями за полгода сотни километров. Только за 15 дней декабря дивизия уничтожила тысячи гитлеровцев, десятки танков и автомашин, захватила богатые трофеи — много пулеметов, орудий и другого военного имущества.

С волнением и гордостью читал каждый воин поздравление командования дивизии.

«Дорогой товарищ! — говорилось в нем. — В течение месяца вы беззаветно сражались за овладение Калинином и Старицей. Наша дивизия, не раз громившая немецких оккупантов, вписала много ярких страниц в историю Великой Отечественной войны. Вы — участник этой войны, доблестно сражаетесь, не щадя своих сил.

Особенно упорные и кровопролитные бои прошли на пути дивизии от Калинина до Старицы, где вы возвратили свободу и жизнь многим советским людям.

Наш успех зависит всецело от оперативного и точного выполнения приказов командования, беззаветного служения делу нашей ленинской партии.

Надеемся, что и в дальнейшем вы будете так же преданно работать, не считаясь ни с какими трудностями, до полного истребления всех немецких оккупантов.

За проведенные операции объявляем благодарность.

Призываем вас к новым победам!»

О славных делах героев нашей стрелковой дивизии была сложена песня, отразившая в себе и дни походов, и тяжесть испытаний, и радость победы:

По лесам Калининского края,
У истоков Волги и Двины,
Прошумела слава боевая —
Наша 252-я
Защищает честь родной страны!..

ВИКТОР КАЗИМИРОВИЧ УРБАНОВИЧ

Генерал-лейтенант Урбанович командовал 252-й стрелковой дивизией с января по август 1942 года. Член КПСС с 1918 года. Родился 21 мая 1898 года в городе Риге в семье рабочего.

В мае 1918 года он добровольно вступил в ряды Красной Армии. Участвовал в гражданской войне в должностях помощника командира взвода, командира взвода, роты, батальона и помощника начальника бронепоезда. По окончании гражданской войны учился на повторном отделении Орловских пулеметных курсов, был направлен в войска ВЧК на ликвидацию тамбовского контрреволюционного восстания. В 1924 году поступил в Военную академию имени М. В. Фрунзе, после окончания которой был зачислен в пограничные войска.

В боях Великой Отечественной войны В. К. Урбанович участвовал с августа 1941 года. Он командовал 257-й стрелковой дивизией. Затем работал начальником отделов оперативного и боевой подготовки штаба 29-й армии. С 5 января 1942 года он — командир 252-й, а с 30 авгу-

После ударов, полученных под Калинином и Старицей, гитлеровцы откатывались на запад. Только у Ржева, где противник заранее создал крепкий узел обороны, насытив его современными военно-инженерными сооружениями, противотанковыми препятствиями и минными полями, он остановился.

Нашей дивизии была поставлена боевая задача — ударом в юго-западном направлении прорвать немецкую оборону, выйти в тыл противника на железную дорогу Ржев — Вязьма и тем самым перерезать важнейшие коммуникации врага.

Дивизией, которая вошла в состав 39-й армии, теперь командовал генерал-майор Урбанович.

В первых числах января 1942 года полки стремительным ударом прорвали немецкую оборону в районе сел Ножкино, Кокошкино и повели наступление в направлении станции Сычевка, стремясь выйти на железную дорогу Ржев — Вязьма с запада. Гитлеровцы, почувствовав угрозу своим коммуникациям, бросили против дивизии крупные силы. С тяжелыми боями медленно продвигалась она вперед. Каждый день был отмечен жестокими схватками с противником, который контратаковал с применением танков.

20 января немцам удалось закрыть прорыв, образовавшийся в результате нашего наступления. Дивизия и другие части 39-й армии были отрезаны от своих тылов.

ста — 186-й стрелковой дивизии. 5 июля 1943 года назначен командиром 41-го стрелкового корпуса.

После окончания войны В. К. Урбанович командовал корпусом, учился на Высших академических курсах Военной академии Генерального штаба. В 1953—1957 годах работал старшим военным советником, затем в Генеральном штабе Вооруженных Сил СССР, откуда ушел в отставку.

В. К. Урбанович участвовал в боях под Калинином, в освобождении Орла, форсировании Днепра и освобождении Рогачева, в Бобруйской операции, форсировании Немана и Нарева, в боях на Рожанском плацдарме, в разгроме восточно-прусской группировки противника.

В конце 1941 года ему было присвоено звание генерал-майора, а в конце 1944-го — генерал-лейтенанта.

За заслуги перед Родиной В. К. Урбанович награжден двумя орденами Ленина, четырьмя орденами Красного Знамени, орденами Суворова и Богдана Хмельницкого II степени, Кутузова и Отечественной войны I степени, Красной Звезды, медалями. Умер в 1977 году.

В. К. Урбанович

Стояли крепкие морозы. Полки нуждались в пополнении людьми, не хватало продовольствия и боеприпасов. Отрыв от тылов лишил дивизию всего этого. Но он не лишил ее решимости сражаться. Люди дрались с ожесточением, беззаветной храбростью и мужеством. В тяжелых боях дивизия несла потери, но она сковывала резервы противника, а это облегчало положение наших войск у Ржева. Значит, надо продолжать борьбу всеми силами, — это понимал каждый боец и командир.

Изматывая противника в боях, дивизия в конце января начала отход на северо-запад, через населенные пункты Зуйки, Волосатики, Святителево. Здесь был партизанский край, и население охотно помогло нашим бойцам чем

только могло. По инициативе командира партизанского отряда в селах начались заготовки продовольствия и фуража, обозы полков пополнялись лошадьми и подводами.

На село Дворково, где стоял 924-й полк, немцы, подтянув танки, начали наступление, к отражению которого приготовилась рота бронебойщиков. Вперед со своим противотанковым ружьем выдвинулся красноармеец Седых. Боец хорошо выбрал позицию: если подбить головной танк, он загородит собой дорогу остальным машинам.

Расчет Седых оказался верным. Подбитый им танк загорелся и застыл на месте. За ним остановились и другие машины. Тогда командир полка капитан Красиков повел бойцов в контратаку. Ударили орудия батареи Бусыгина. До 200 гитлеровцев полегло от меткого огня артиллеристов.

В это время войска Калининского фронта в ходе наступления овладели городом и железнодорожной станцией Нелидово. Немецкое окружение было прорвано. Тяжелое испытание дивизия выдержала.

Приняв пополнение людьми и боеприпасами, наша дивизия приступила к выполнению очередной боевой задачи: наступая в направлении Святителево, прорвать немецкую оборону и соединиться с войсками 29-й армии.

Несколько дней шли тяжелые бои. В начале марта войска 29-й армии соединились с войсками 39-й армии и совместными ударами начали громить противника с тыла и флангов. Выполняя приказ, наша 252-я вышла в район станции Чертолино, где более двух месяцев занимала активную оборону. Этот период насыщен многими примерами стойкости и мужества бойцов и командиров.

Пятнадцать красноармейцев 924-го полка находились в боевом охранении под командованием старшины Астахова. Более полусотни немцев напало на наших бойцов, но они не дрогнули. Смертью героя погиб Астахов. Рубеж был удержан.

Немцы подтянули свежие силы, бросили в бой самолеты и танки. 3 мая на участке 924-го полка под прикрытием авиации в атаку пошли немецкие танки. Наши бойцы сражались за каждый метр земли, но силы были неравными. К вечеру полк отошел на 300—400 метров и снова укрепился, прикрывая села Матюки, Зуйки и Малиновку. На переднем крае, у Малиновки, заняла оборону рота пулеметчиков старшего лейтенанта Никонова. Дорогу, наибо-

лее доступную для прохода танков, под огнем противника минировали саперы старшего лейтенанта Гельмуддинова.

На рассвете до двух десятков немецких танков снова начали атаку. На Малиновку наступали вражеские автоматчики. Вот танки с ходу налетели на минное поле, несколько машин подорвалось и загорелось. В это время пулеметчики Никонова расстреливали вражескую пехоту.

Обороняясь, дивизия наносила врагу ответные удары. Поздней ночью рота младшего лейтенанта Пучкова внезапно атаковала противника, засевшего в деревне Тархово. В дзоты и блиндажи полетели гранаты, автоматчики метким огнем расстреливали заметавшихся гитлеровцев. Несколько десятков солдат, два дота, три дзота были уничтожены бойцами Пучкова. В полк доставлен «язык». Орудийный расчет старшего сержанта Дорохова уничтожил танк, пушку, пулеметное гнездо, повозку с боеприпасами и до трех десятков гитлеровцев.

Находчивость и инициативу проявил командир батальона 932-го полка Алексей Суворов. На одном из участков обороны батальона прослушивалось гудение моторов. «Видимо, танки противника», — решил комбат и сообщил об этом на соседнюю батарею. Вместе с артиллерийским офицером и связистом Суворов проник в глубь обороны противника. Разведчики обнаружили три танка, хорошо замаскированных ветками. По телефону сообщили ориентиры. Точным артиллерийским огнем танки были уничтожены.

Но самые тяжелые испытания выпали на долю нашей стрелковой дивизии в июльские дни 1942 года. Командир попавшего в окружение 924-го полка майор Змиев и комиссар Пономаренко подняли бойцов в атаку и мощным ударом прорвали кольцо окружения. В кровопролитных боях наши люди проявляли небывалые стойкость, мужество и героизм. Капитан Глибко, начальник штаба 932-го полка, возглавивший оборону на одном из участков, подпустил немцев на 100—150 метров и только тогда открыл огонь. В этом бою его бойцы истребили до 200 гитлеровцев. Командуя группой заслона, капитан Глибко умело организовал оборону и задержал противника, а потом стремительным маневром вышел со всеми бойцами из полукольца и соединился с полком.

Младший политрук Николаев находился в засаде, когда заметил, что взвод немцев скрытно по ложбине пробирается к командному пункту роты. Мужественный полит-

рук с двумя телефонистами метким огнем остановил врага. Комиссар батальона 932-го полка политрук Гайсен Исмаил поднял своих бойцов в атаку, и в штыковом бою они уничтожили многих гитлеровцев. Мужество и отвагу проявил военфельдшер Федоров. Он вынес с поля боя около 80 раненых. Умело били врага бойцы роты старшего лейтенанта Пархоменко, отразившие не одну немецкую атаку. Военврачи Зайцева, Корольков, Ремизов, Африкатова, военфельдшеры Пратусевич, Барановская оказывали медицинскую помощь раненым.

*И. Зайцев, Н. Ивашина,
Д. Мотовилов, В. Петльованный*

КОМИССАР АНТРОПОВ

С первых дней формирования нашей дивизии комиссаром 932-го стрелкового полка был Александр Иванович Антропов.

Вырос он в рабочей семье на Южном Урале, в городе Катав-Ивановске. В 15 лет стал рабочим, вступил в комсомол.

В 1929 году Антропов призван в Красную Армию, прошел путь от курсанта до полковника. Стал коммунистом.

В составе нашей дивизии, будучи комиссаром полка, участвовал в битве под Москвой, в боях за освобождение города Калинин.

В тяжелейших условиях на Западном и Калининском фронтах части дивизии громили врагов, как говорил мне Антропов, по-забалуевски. Дивизией в то время командовал генерал-майор Забалуев, комиссаром дивизии был полковой комиссар Ростовцев, а начальником политотдела — старший батальонный комиссар Васягин.

Такие комиссары, как Ростовцев, Васягин и Антропов, были на самых ответственных участках переднего края, среди бойцов и командиров. Опираясь на партийные организации и комсомольцев, они проводили большую воспитательную работу среди личного состава, укрепляли в наших воинах высокий боевой дух.

Комиссар Антропов, общительный по натуре, умел шуткой, а то и острым словом поддержать настроение воинов. Он всегда старался внимательно выслушать бойца и помочь ему, а если надо, то и потребовать. К комиссару обращались все и всегда находили поддержку. Он пользовался большим авторитетом еще и потому, что эта рабо-

А. И. Антропов

та с воинами была его призванием. В боях проявились лучшие черты уральца Антропова...

В дни тяжелых боев под Сталинградом вместе с комиссарами и политработниками мы давали клятву легендарным, поседевшим героям обороны Царицына не сдавать Сталинграда, драться до последнего дыхания, до последней капли крови. И эту клятву сдержали!

В поябре — декабре 1942 года, во время боев по окружению и разгрому группировки врага, комиссар Антропов был назначен командиром 932-го полка. Под его командованием полк вел успеш-

ные бои. В районе Пяти курганов в тяжелом, кровопролитном бою командир полка Антропов был ранен.

После госпиталя Антропов служил заместителем начальника отдела Генерального штаба Советской Армии. Он награжден орденом Ленина, другими орденами и медалями.

П. Кокшаров

ПИСЬМО О САМОМ ТРУДНОМ

Великая Отечественная застала меня в литовских лесах, в летнем лагере недалеко от границы. Это уже позднее, отступая от наших западных границ, я попал в 252-ю стрелковую дивизию...

Мы, саперы отдельного саперного батальона, строили укрепления, и в ночь на 22 июня были, что называется, застигнуты войной врасплох.

Зимние квартиры нашего батальона находились в городе Каунас, недалеко от реки Неман. Командиром батальона был капитан Николаев, командиром роты — лейтенант Иванов из Ленинграда, я был замполитом.

Тот путь, по которому я шел до города Вязьма, был путем ожесточенных боев, отступления, обороны, переправ через реки под огнем противника. Все было — и бессонные ночи, и насквозь промокшая одежда, и голод, и временами полная потеря ориентировки. От батальона остались малочисленные группы, которые вступали в бой с врагом. С боями мы отходили через города Каунас, Вильнюс, Двинск, Полоцк, Витебск, Рудня, Смоленск.

Помню такой случай в Витебске. Мост через Западную Двину был взорван. Мы только что вошли в город. И вдруг, не знаю откуда, появились два немецких танка. Позже выяснилось, что это была всего лишь разведка врага. Но панику они навели такую, что некоторые бойцы бросились в реку. Оба танка мы подбили недалеко от казармы. Подбили противотанковыми гранатами, ибо в то время горючей жидкости еще не было.

Самое суровое боевое крещение приняли в Рудне, перед Смоленском. Со своей группой мы заняли оборону в лесу недалеко от большака. Более двух суток обороняли подступы к городу. Бои были жестокие. Нас бомбили самолеты врага, обстреливала артиллерия, а к вечеру немцы ввели в дело огнеметы.

Дальнейшие бои разгорелись в самом Смоленске. Не сдержав натиска врага, мы в районе Красного Совхоза переправились через Днепр и отошли лесом на Вязьму. С боями оставили Вязьму и Ржев...

В это время я и был назначен политруком минометной роты 928-го стрелкового полка 252-й стрелковой дивизии. Командиром роты был лейтенант Кунжапов. Родом он с Кавказа. Это был человек исключительной храбрости, смелости и отваги, знал свое дело отлично и вскоре снискал уважение и любовь солдат-минометчиков.

Позднее мы заняли оборону в лесу недалеко от железнодорожного моста перед городом Калинин. В городе в это время были немцы. В результате ожесточенных боев многие из наших бойцов пали смертью храбрых на подступах к нему.

Наконец наша дивизия освободила города Калинин, Старица, ряд населенных пунктов и продвинулась в направлении на Ржев. В одном из боев погиб Кунжапов, и мне наряду с политработой пришлось принять на себя и командование ротой.

Подо Ржевом завязался ожесточенный бой с гитлеровцами. Рота подвергалась ураганному артиллерийскому

обстрелу. Били по нашим позициям и из танков прямо в упор. Мы понесли значительные потери. Несмотря на это, задание командования было выполнено — немцы не смогли остановить наступление батальона. Особенно отличился командир отделения москвич Копилов, которому в то время не было еще и двадцати лет.

Во второй половине дня 10 марта 1942 года нас обстреляли из минометов. В результате продолжительного и интенсивного обстрела многие минометы вышли из строя. Я в этом бою был тяжело ранен.

После ранения доставлен в госпиталь, где лечился почти год, и уволился из армии по инвалидности.

А. Инамов

ВЫРУЧИЛА ГРАНАТА

Мне довелось служить в различных частях. В начале же войны был связистом 252-й дивизии.

Вспоминаются кровопролитные и не всегда победные для нас в то грозное время бои. Мы отступали, оставляя города и села. Никогда не забуду, как порой с невысказанным укором смотрели на нас те, кому приходилось оставаться на оккупированной врагом земле.

Вот и в один из летних дней сорок первого года мы отходили на восток. Пехотинцы, оборонявшие наш рубеж, вынуждены были оставить свои окопы и оттянуться на запасные позиции. Я, сматывая кабель на катушку, замешкался.

Вооружен я тогда был карабином. В под сумке, как и положено, — запасные обоймы. Вот, собственно, и все, чем располагал на крайний случай.

Сматывая провод, неожиданно набрел на погибшего в бою нашего воина. Он, видимо, отстреливался и был сражен разорвавшейся рядом миной. На его ремне висела граната. Что меня толкнуло взять гранату — не знаю. Только буквально через несколько минут она спасла мне жизнь.

Линия связи пересекала небольшой овражек. Когда я стал подниматься на его гребень, услышал разговор подходивших сюда немцев. Сразу же залег в воронку от разорвавшегося снаряда.

Четыре немецких солдата шли в мою сторону, о чем-то между собой переговариваясь. Что делать? Стрелять из карабина? Но после первого же выстрела я неминуемо бу-

ду сражен из автоматов, которыми были вооружены фашисты.

Оставалось одно — точный бросок гранаты. Выдернул предохранительную чеку и бросил гранату под ноги врагам. После того как раздался взрыв, высунул голову из воронки. Трое фашистов остались лежать на месте, а четвертый, бросив автомат, побежал в сторону. Но и он вскоре упал.

...Когда в памяти оживает этот случай из фронтовой жизни, с болью в сердце вспоминаю о погибшем в тот день незнакомом, но таком родном и близком красноармейце, на ремне у которого висела спасшая мне жизнь граната.

Спасибо, солдат!

А. Иванов

ЕСЛИ ТОВАРИЩ В БЕДЕ...

В начале Великой Отечественной войны я был призван в армию. Как уже отслужившего срочную службу, направили в Уфимское пехотное училище, но мне хотелось быстрее попасть на фронт. Написал рапорт на имя начальника училища. Просьба была удовлетворена. 22 июля 1941 года я прибыл в 252-ю стрелковую дивизию и был назначен командиром стрелкового отделения 924-го полка.

За рекой Западная Двина мы вплотную сблизились с противником. Враг занимал позиции на опушке лесного массива. Мы располагались в поле, засеянном овсом. Наша задача — выбить немцев из леса.

Томительные минуты ожидания команды, после которой должен был последовать стремительный бросок вперед. Нужно ли говорить, что в эти минуты в сознании каждого из нас пронеслись годы. Все мы прекрасно понимали, что уже сегодня кого-то не будет, кто-то получит ранение.

Бойцы моего отделения лежали рядом со мной. Сразу же договорились о главном — не оставлять в беде друг друга. Взаимовыручка — это тоже наше оружие.

Наконец по лесу, где находился противник, был произведен артиллерийский налет. Первым поднялся в атаку политрук роты. Он крикнул:

— За Родину! Вперед, товарищи!

Мы побежали к лесу, но минометный огонь противника прижал к земле. Справа послышался стон: это ранило бойца отделения.

Всюду рвались мины. Раздалась команда: отходить. Перевязав бойца, я начал вытаскивать его с поля боя. Вскоре ко мне подоспел еще один красноармеец, и мы вынесли раненого в безопасное место.

Потом были не менее тяжелые бои. Мы отступали, нанося врагу ощутимые удары. Но был, как говорится, праздник и на нашей улице — освобождение городов Калинин и Старица. В одном из боев я был контужен и получил слепое пулевое ранение. На этот раз мне помог незнакомый боец. Он вынес меня с поля боя.

В. Черных

ПАМЯТЬ О НИХ СВЯЩЕННА

Очень трудно писать о боях на Калининском фронте, участником которых я был. Мы тогда отступали, порой в условиях полного или частичного окружения.

В такой обстановке особый вес приобретало слово нашей партии, обращенное к воинам. Часто мы видели на огневых позициях артиллерии политработника Юрия Григорьевича Розенберга.

Командиром 2-й батареи 787-го артиллерийского полка был мой добрый товарищ — старший лейтенант Гузеев. Артиллеристы не раз вступали в поединок с вражескими танками и пехотой, нередко выходя победителями. Нужно ли говорить, что личный состав батареи с каждым боем редел. Сам Гузеев всегда находился рядом со своими бойцами, умело руководил боем.

Когда мы приблизились к Нелидовскому большаку, Гузеев с группой красноармейцев вызвался идти в разведку. И хотя смельчаки не вернулись назад, перестрелка между ними и немцами, которую мы слышали, позволила командованию выбрать наиболее удачный участок для прорыва. Мы тогда вырвались из окружения. Женя Гузеев и его товарищи, видимо, погибли.

Уж потом, под Сталинградом, получил я письмо от матери Жени из Ярославля. Русская женщина, убитая горем, называла меня сыном и приглашала после войны приехать на Волгу. Она желала мне, другу ее сына, вернуться из пекла живым. Кто знает, может быть, я остался живым и потому, что на свете были такие замечательные люди, как мама Жени, как сам Женя...

Никогда не забуду командира 3-го дивизиона Василия Михайловича Бусыгина. Я у него учился искусству побеж-

дать. В калининских лесах, в оборонительных боях у Чертолино, Мончалово, Дворково, Тархово его 76-миллиметровые пушки успешно выводили из строя технику и живую силу противника.

Бусыгин был мужественным человеком. Он мог своим поступком, личным примером, словом предотвратить растерянность на батареях. Все мы прислушивались к его мнению. Авторитет его был непререкаем. Помню, еще на Калининском фронте у нас было в обиходе понятие «бусыгинская школа».

Погиб Бусыгин на подступах к Харькову. Для меня это была невосполнимая утрата. Я потерял наставника.

Еще на одном примере хочется рассказать и о большой человечности нашего командного состава в трудных боях на Калининском фронте.

Мы сдерживали натиск противника у реки Двинка. Враг применил коварный и бесчеловечный метод борьбы. Под угрозой оружия на плоты были согнаны старики, женщины и дети. На этих же плотках за спинами наших советских людей прятались фашисты. Так они намеревались форсировать реку.

Командир нашего дивизиона капитан Геннадий Петрович Белов принял правильное решение: огонь вести по скоплению вражеских солдат на противоположном берегу реки. Ни один снаряд не был выпущен по плотам.

— Разве могли мы стрелять по своим матерям и детям, — волнуясь, говорил он после боя. — Враг теперь до конца раскрыл свой хищный норов. Мы будем его бить там, где он появится.

Позднее Г. П. Белов стал заместителем командира полка и получил звание майора. Погиб он в 1942 году при выходе дивизии из окружения.

Я рассказал о трех офицерах нашего арtpолка, не вернувшихся с поля боя. Память о них для каждого из нас священна.

П. Седелкин

НАША КЛАВА

Впервые я встретила с Клавой в дни формирования нашей дивизии в Серпухове. Навстречу мне шагнула девушка с красивыми, добрыми, но немного грустными глазами. Она улыбнулась. Меня покорила приветливая и до-

брожелательная улыбка, которая и украшала ее, и располагала к себе.

Я узнала, что зовут девушку Клавой Степановой. Родилась она 12 сентября 1921 года. Жила в Москве, работала фельдшером, мечтала поступить в медицинский институт и быть детским врачом.

— А ты? — спросила она меня.

— Если война закончится быстро, — ответила я, — будем вместе поступать в институт.

Война затянулась. Клаву, как помню, назначили в терапевтический взвод медсанбата, а меня оставили при штабе дивизии.

Вскоре наша дивизия вступила в бои. Сведения о большом количестве выбывших из строя бойцов и командиров поступали из всех подразделений, и я поняла, что нужна раненым. Обратилась к генералу Забалуеву с просьбой перевести меня на передовую. И вот я в 928-м стрелковом полку, во 2-м санитарном взводе. Вместе с фельдшером Людой Сисюниной мы занимаемся эвакуацией раненых.

Бои шли жестокие. Раненых много. Мы работаем, что называется, без сна, без отдыха. А вскоре в дивизионной газете «Боевая красноармейская» я не без чувства гордости прочитала заметку, в которой говорилось, что «фельдшерицы Лисицкая и Сисюнина, находящиеся на передовых позициях, спасли жизни десяткам раненых бойцов и командиров». Мы были отмечены медалью «За боевые заслуги». На следующий день после вручения наград Люда погибла, и к нам прислали Клаву Степанову. Она сразу же включилась в работу: под непрерывным пулеметным и артиллерийским огнем и бомбежкой мы эвакуировали раненых.

Затем всех женщин отозвали с передовой в медсанбат. Меня назначили командиром эвакуовзвода, Клаву — фельдшером в мой взвод. Работы стало еще больше. У нас — сотни раненых... Транспорта своего нет. Стоим с Клавой на дороге, останавливаем попутные машины, загружаем их ранеными. Клава едет в госпиталь и, сдав раненых, возвращается. В те грозные дни об отдыхе только мечтали.

Вспоминается и такой случай. Наши части отступали. Медсанбат перебазировался, а мы с Клавой остались доэвакуировать раненых. Слышим гул немецких самолетов. За считанные минуты Клава перенесла раненых из машины в укрытие. Самолеты прошли над нами на бреющем полете и обстреляли машину, но раненые остались живы.

Можно было только удивляться: откуда у таких девушек, как Клава, брались столько сил, стойкости, старания.

Когда наша дивизия попала в окружение, нам удалось выйти, а Клава ждала ребенка и вынуждена была остаться. После рождения ребенка она устанавливает связь с партизанами и вместе с маленьким сыном вступает в отряд, выполняя обязанности врача, связного и рядового бойца.

Многое пережила за это время наша Клава. Она вместе с крохотным сыном ходила на задания — разносила по деревням и селам листовки, доставляла сведения о дислокации фашистских гарнизонов, выполняла роль связной между партизанскими отрядами. Пожалуй, самым трудным для нее заданием было доставить взрывчатку для уничтожения вражеского склада с боеприпасами и горючим. Взрывчатку приходилось заворачивать в пленки вместе с ребенком. Таким же способом Клава доставляла в отряд медикаменты.

В перерывах между заданиями «доктор Клава», как любовно звали Степанову в отряде, лечила больных и раненых партизан. Медикаментов было крайне мало, приходилось лечить травами. Изношенные рубашки, другие лоскутки после кипячения служили перевязочным материалом.

В отряде Клава Степанова пользовалась большим авторитетом и любовью. За стойкость и мужество она была награждена медалью «Партизану Отечественной войны».

После войны Клава возвращается в Москву и работает заведующей детскими яслями. Наша Клавдия Васильевна была полна сил и энергии. Она являлась членом совета ветеранов дивизии, разыскивала однополчан. Ее доброта, человечность не имели границ, к ней тянулись все и с горем, и с радостью. Жить бы да жить. Но тяжелая и продолжительная болезнь приковала к постели. Больше года за ее жизнь боролись врачи, однако спасти не смогли.

А. Лисицкая

ВЗРЫВЫ ЗА ПЛЕЧАМИ

После длительных боевых действий в тылу противника мы получили приказ на выход из окружения. В одну из июльских ночей нас подняли по тревоге. Помощник командира 932-го полка по тылу капитан Панкрушин отрядил две машины с вооружением и боеприпасами в штаб ди-

визии, а мне со связным приказал дожидаться дополнительного транспорта, чтобы погрузить и вывезти оставшееся в полковом артиллерийском складе имущество.

Наступил рассвет, машин не было, а к селению, на окраине которого располагался склад, подходила колонна немцев. Мы понимали: отдавать врагу боеприпасы нельзя. На этот счет был четкий приказ: взрывать. Но легко ли было нам — офицеру и солдату службы боепитания полка — решиться на такое? В условиях боевых действий в тылу врага каждый снаряд, каждая граната были на особом учете. Понимали и то, что в эти дни, когда мы с боями будем пробиваться к своим, наличие боеприпасов может стать одним из необходимых условий успеха нашего дела.

Так или примерно так размышляли мы со связным тогда. Однако время не ждало, немцы приближались к селу, надо было принимать какое-то решение. Не выполнить приказа я не мог, другого выхода — не видел. Склад был заранее заминирован. Оставалось только поджечь бикфордов шнур, что я и сделал.

Мы со связным укрылись в овражке. А когда грохнул взрыв, вызвав немалую панику в колонне немцев, по оврагу пробрались к дороге, по которой несколько часов назад уходили наши машины.

Взрывы за нашими плечами раздавались еще не раз.

В штабе дивизии, куда мы прибыли, я получил новое задание начальника артснабжения дивизии майора Колкова: доставить в подразделения 932-го полка боеприпасы. Выехал туда на загруженной снарядами, минами, гранатами и патронами машине. Ночью наша колонна, впереди которой была группа разведчиков, тронулась по направлению к фронту.

Дорога, по которой мы шли и ехали, обстреливалась из дальнобойных орудий противника. На обочинах стояли разбитые машины, валялись убитые лошади.

Вскоре поступила команда свернуть в лес. В глубине его мы наткнулись на сильно заболоченную местность. Начали рубить деревья, рассчитывая по их настилу перебраться на машине через болото. Но, убедившись, что теряем много времени и отстанем от других частей, двигавшихся к фронту, вынуждены были раздать воинам боеприпасы.

Что еще запомнилось из того грозного года? Все офицеры и сержанты, выходившие вместе с нами из окруже-

ния, как правило, не отвинчивали от гимнастерок и шинелей знаки отличия — «шпалы», «кубари», «треугольнички». Запомнилось лицо одного младшего лейтенанта. На груди его был орден Красной Звезды. Меня тогда восхищало то, что этот молодой человек с каким-то вызовом врагу носил свою высокую награду. Жив ли он? Сумел ли выйти из окружения? Ведь немало наших однополчан во время прорыва пало в бою.

Помнится, перед прорывом мы весь день сидели в лесу. Где-то неподалеку были тылы немецких частей, и костров мы, естественно, не разводили. Комиссар полка Антропов сказал, что впереди — передовые рубежи врага, за плечами — тоже немцы, преследующие 39-ю армию. И наша задача — во что бы то ни стало вырваться из окружений к своим.

Во второй половине дня началась стрельба поверх наших голов. Как узнал я впоследствии, стреляли наши автоматчики, чтобы поднять нас в атаку. И вот лавина воинов в несколько тысяч человек тронулась с места с криками «Ура! За Родину! За Сталина!» и пошла в прорыв.

Помню, пробежали через деревню, на окраине которой стояла зенитка врага. Мы ее опрокинули и очутились в немецких окопах. Откуда только силы взялись!

Вскоре прорвали кольцо окружения и оказались в расположении наших передовых частей. Нужно ли говорить о той радости, которой были охвачены все. Мы у своих!

А. Керцман

ПРОРЫВ

Политико-моральное состояние и дисциплина в частях дивизии поддерживались на высоком уровне. Это было обеспечено работой политорганов, руководимых начальником политотдела дивизии Семеном Петровичем Васягиным.

В конце мая войска Калининского фронта пробили в обороне противника новую брешь, через которую была установлена связь фронта с 39-й армией. В июне из состава армии были выведены некоторые части, в силу чего расширилась полоса обороны нашей дивизии, расположенной в первом эшелоне. Это резко снизило плотность огня перед передним краем, сократило глубину обороны, а также значительно уменьшило численность и состав резервов в полках.

Е. Н. Попов

зий противника, непрерывно поддерживаемых авиацией.

9 июля противнику удалось прорвать оборону армии на нескольких участках. Отступавшие войска сосредоточились в лесу в районе Егорье, где командующий 39-й армией генерал-лейтенант И. И. Масленников приказал пробиваться к своим. Орудия из-за отсутствия средств тяги пришлось вывести из строя, чтобы они не достались врагу. Во время 10-дневных скитаний по тылам противника часто приходилось вступать в ожесточенные схватки там, где он пытался преградить нам путь. Воины, у которых не было оружия, во время этих боев обзаводились трофейными винтовками и патронами. После таких стычек меняли направление отхода, чтобы не нести потери. Немцы пытались вести пропаганду при помощи громкоговорителей. Обращаясь к нам, гитлеровцы старались убедить в безнадежности нашего положения и предлагали сдаваться. Но на эту удочку никто не попался, и мы продолжали пробиваться к своим войскам, несмотря на сильный минометный обстрел. Почти все отходившие группы двигались в основном в северном направлении, с целью пробиться к войскам своего Калининского фронта в полосе Оленино — Нелидово.

К 20 июля в лесах возле населенного пункта Ивановка Калининской области сосредоточилось около 18 тысяч бойцов и командиров, входивших в состав 39-й армии.

21 июля, накануне дня атаки переднего края противника, заместитель командующего армией генерал-лейтенант Богданов собрал старший командный состав дивизий и объявил, что в 17 часов 22 июля начнется прорыв обороны противника между населенными пунктами Ивановка и Крапивня на участке четырех километров. Здесь же был назначен порядок боевых действий при прорыве. Вернувшись к своим частям, мы начали подготовку к этим тяжелым испытаниям. Бойцам, наступавшим в первых рядах, было приказано вести прицельный огонь по противнику, занимавшему окопы. Наступавшие во втором эшелоне должны были поддерживать огнем ряды атакующих.

22 июля строго по плану началось наше наступление. После упорного боя частям 39-й армии удалось прорвать фронт противника на всем участке и с боем пробиться в расположение своих войск южнее Нелидово. Наш удар явился неожиданным. Натиск войск был яростным, враг понес большие потери.

При выходе из окружения осколком мины был смертельно ранен генерал Богданов. Его направили в госпиталь в город Калинин, где 25 июля он скончался. За организацию прорыва 39-й армии из окружения генералу И. А. Богданову присвоено посмертно звание Героя Советского Союза.

Бойцы и командиры нашей дивизии, вышедшие из окружения, были направлены на Урал для пополнения.

Е. Попов

«БОЕВАЯ КРАСНОАРМЕЙСКАЯ»

По страницам дивизионной газеты

Дивизионная многотиражная газета «Боевая красноармейская» выпускалась с первых дней формирования нашей воинской части. Выходила она четыре раза в неделю. В редакцию входили: ответственный редактор, его заместитель, который занимался освещением на страницах газеты вопросов партийной жизни, ответственный секретарь, «загонявший» в набор статьи, зарисовки, заметки очередного номера многотиражки, и литературный сотрудник, собиравший материалы для газеты во взводах, ротах, батареях дивизии. Типография размещалась в небольшой крытой автомашине. Там были установлены кассы со шрифтом ручного набора и маленький плоскочечатный станок. В распоряжении начальника типографии (старшины) находились наборщик, метранпаж, печатник и шофер машины.

К сожалению, подшивка газеты за 1941 год и большая часть за 1942 год не сохранилась. И лишь в личных архивах однополчан были обнаружены вырезки из «Боевой красноармейской». Поэтому даты опубликования заметок в 1941 и 1942 годах указываются ориентировочно.

УДАР ПО ВРАГУ

На наблюдательный пункт прибыл командир части. Он обратил внимание на то, что многие орудия не стреляют.

— Почему мало огня? — обратился прибывший к командиру артиллерийского подразделения.

— Снаряды на исходе. А тут еще и связь с командным пунктом повреждена. Связисты ее исправляют. Вот и приходится приберегать снаряды для...

Артиллерист не успел договорить, как рядом, словно бы из-под земли, вырос политрук Ардашев.

— Я знаю, где есть снаряды, — сказал он, обращаясь к прибывшему командиру. — Со мной лошадь.

— Скачите на командный пункт и прикажите немедленно доставить снаряды на позиции артиллеристов.

Ардашев вскочил на коня и помчался к селу. Вскоре у край-

ней хаты появилась автомашина. Она шла к лесочку, где были установлены орудия.

А когда немцы перешли в атаку, все орудия дружно ударили по врагу. Атака противника захлебнулась.

*Сержант В. Романов
Август 1941 г.*

ПОЛИТРУК РУБАН

В одном бою, когда немцы атаковали наш передний край, политрук Рубан по овражку пробрался к немецкому орудью, очередью из автомата скосил расчет, развернул пушку во фланг наступавшего врага и начал стрелять.

Такая неожиданная огневая поддержка воодушевила наших бойцов-комсомольцев, они перешли в контратаку и отбросили противника на исходный рубеж.

А вскоре в подразделении, где политруком был товарищ Рубан, появилась кем-то написанная

песни. Пели ее бойцы. Вот два куплета из этой песни:

Днем осенним золотистым
Недалеко от реки
Шли в атаку на фашистов
Пулеметчики, стрелки.

Голос грубый слушать любо
Наших пушек и мортир.
Вел бойцов товарищ Рубан —
Политрук и командир.

*Старший политрук
Ю. Розенберг
Сентябрь 1941 г.*

ДОЛГ ВРАЧА

В бою у переправы через реку мы встретили самоотверженно работавшего под сильным огнем противника врача товарища Волкова. По его утомленному виду можно было определить, что доктор уже давно не отдыхал. На наше предложение об отдыхе врач ответил:

— Извините, этого позволить себе не могу. Когда всем нуждающимся будет оказана медицинская помощь и они будут эвакуированы в тыл, тогда можно и отдохнуть.

Товарищ Волков отдает все силы и знания нашему общему делу — достижению победы над врагом. В боях он показывает образец честного выполнения долга перед Родиной.

*Старший военфельдшер
А. Лисицкая
Август 1941 г.*

В ЧАСЫ ДОСУГА

Тишину вечера неожиданно разорвал гром аплодисментов. Это собравшиеся в сарае бойцы и командиры подразделения, где комиссаром товарищ Лабовский, аплодировали красноармейцу Вол-

кову за мастерское исполнение на гармони популярных мелодий.

Политрук Лабовский вызвал на эстраду хор под руководством младшего командира Козлова. Хор исполнил «Прощальную комсомольскую» и — с особым задором — «Конармейскую».

Рассказчика младшего командира Когана сменяют танцоры.

Большого успеха добился лейтенант Яковлев, исполнивший песню о тачанке, аккомпанируя на... карандаше.

Красноармеец Смирнов спел песню «Глухой неведомой тайгою», а младший командир Сорокин — колхозные частушки.

В заключение программы красноармейцы Богданенко и Романов сыграли на двух гармошках «Польку» и «Яблочко».

Хорошо отдыхают в перерывах между боями славные минюметчики этого подразделения.

*Замполитрук Конюков
Октябрь 1941 г.*

ИЗ ПЕРЕДОВОЙ СТАТЬИ

Примеры образцовой работы по оказанию помощи раненым показывают наши врачи и медицинские сестры. Врач М. А. Африкатова осуществила много сложных операций с положительным исходом, работала, не выходя несколько дней из операционной. Фельдшерицы тт. Лисицкая и Сисюнина, находившиеся на передовых позициях, спасли жизни десяткам раненых бойцов и командиров.

1941 г.

ТАШКЕНТ — ФРОНТУ

Здравствуйте, дорогие воины! Пишут вам незнакомые девушки из солнечного Узбекистана. Хотелось сказать вам, славные наши защитники, что мы, работая в тылу, всеми силами стремимся по-

мочь фронту. На заводах, фабриках и в колхозах сейчас все трудятся не покладая рук. Мы делаем все для того, чтобы вы, фронтовики, выстояли и победили в войне, навязанной нам фашистами.

Усиливайте свои удары по врагу. Гоните фашистскую нечисть с нашей родной земли. Мы гордимся вами, мы с любовью смотрим на вас, мы ждем вас.

Вернетесь с победой, и каждая жена, каждая девушка скажет своему любимому:

Ничего, что ты пришел усталый

И на лбу морщинка залегла —

Я тебя, родимый, ожидала,
Много слов горячих сберегла.

Маруся и Люба Обыденковы

ОТВЕТ ДЕВУШКАМ

Бойцы собрались в кружок и обсуждают только что полученное письмо от Маруси и Любы Обыденowych.

— Надо написать девушкам, — предложил парторг Василий Фомичев.

И бойцы написали:

«Дорогие Маруся и Люба! Шлем вам свой фронтовой привет и благодарим за проявленную заботу. Знайте, что каждая мина, сделанная вашими руками, будет направлена по назначению — в самое звериное сердце ненавистного врага.

Работайте по-стахановски, этим вы приближаете час нашей победы над врагом. С пламенным солдатским приветом.

*Младший лейтенант
Ник. Тимошенко,
рядовой М. Пивовар»
1942 г.*

ВТОРОЕ РОЖДЕНИЕ

2

(АВГУСТ — СЕНТЯБРЬ 1942)

*Урал!
Опорный край державы,
Ее добытчик и кузнец,
Ровесник древней нашей славы
И славы нынешней творец.
Когда на запад эшелоны,
На край пылающей земли
Тот груз, до срока зачехленный,
Стволов и гусениц везли, —
Тогда, бывало, поголовно
Весь фронт огромный повторял
Со вздохом нежности сыновней
Два слова:
— Батюшка Урал...*

Александр Твардовский

ИДЕТ ПОПОЛНЕНИЕ

Урал... Это слово всегда вызывает во мне, уроженце земли пермской, добрые чувства и будит воспоминания.

Вот и сейчас поезд подходит к станции, памятной мне еще с лета грозного 42-го года. Тогда ее пути были забиты военными эшелонами, санитарными поездами, цистернами, товарным порожняком. Всюду мелькали серые шинели, кителя и гимнастерки, создавая и подчеркивая, в сочетании с серо-зелеными закопченными станционными зданиями, незабываемый колорит сурового времени. Люди шли во всех направлениях — через виадуки, вдоль путей, лезли через тамбуры и под вагоны. Паровозы издавали зловещие гудки и выбрасывали вместе с дымом клубы сажи...

Теперь эта нешумная линейная станция выглядела благоустроенной и помолодевшей. Я всматривался из окна вагона в проплывавшие мимо дома, и в памяти оживали события тех далеких дней.

...В начале августа 42-го года я сошел с поезда на этой станции в Пермской области с вещевым мешком за плечами. В кармане лежали справка военного госпиталя, подтверждающая пригодность к строевой службе, и предписание штаба артиллерии Уральского военного округа о явке для прохождения дальнейшей службы в 252-й стрелковой дивизии.

Штаб дивизии размещался в центре зеленого городка. Оперативно работали дивизионные кадровики, возглавляемые капитаном Пенкиным. Они с ходу выдавали направления. Меня отослали в штаб артиллерии.

Был вечер, но артиллеристы трудились. Помощник начальника штаба лейтенант Лобанов, просмотрев мои документы, спросил:

— Где и когда ранены? В какой должности воевали?

— Под Старой Руссой, в начале мая, — ответил я и добавил: — В то время командовал батареей.

— Так. Ясно. Завтра в девять утра будете представлены командованию. Получите направление в дом приезжих, — закончил разговор лейтенант.

В гарнизонном доме приезжих меня разместили в 10-местной «лейтенантской» комнате без стола и стульев. На соседней койке сидел лейтенант с интендантскими петлицами.

— В какую часть прибыл, лейтенант?

— В противотанковый дивизион, — удовлетворил я его любопытство.

— Ничего себе допнаек, — пошутил интендант.

Мы разговорились. Оказалось, что лейтенант Зайцев — ветеран дивизии. Служит в дивизионном обменном пункте, а ночует здесь, в «лейтенантской».

— Нет смысла искать квартиру. Долго не задержимся, а переночевать и тут можно, — объяснил лейтенант свое пребывание в доме приезжих.

Он коротко рассказал о боевом пути дивизии и трудностях, выпавших на ее долю в 41—42-м годах.

— А почему ты думаешь, что здесь долго не задержимся? — поинтересовался я.

— Да обстановка не та. Сегодня передавали, что фашисты подошли к Сталинграду. — Зайцев сообщил, что дивизия быстро пополняется свежими силами: — Приезжают команды курсантов военных училищ — пехотных и артиллерийских. Вчера прибыл еще один эшелон. Сотни слушателей Военно-морской медицинской академииполнили дивизию.

— Зачем дивизий столько медиков? — удивился я.

— Одни пошли санитарными инструкторами в роты и батареи, другие направлены автоматчиками в стрелковые полки, в артиллерию, в разведку. Много подъезжает сибиряков и уральцев, да и бойцов из братских республик — казахов, узбеков, якутов. Едва успеваем кормить в день прибытия, — закончил свой рассказ лейтенант.

Перед сном поужинали его интендантскими запасами, устроив стол тут же на кровати. Наутро расстались хорошими знакомыми.

Командующий артиллерией дивизии полковник Сергей Яковлевич Соловьев прибыл из Сибирского военного округа, а начальник штаба майор Иван Антонович Пименов — из артиллерийской академии. Они приняли нас дво-

З. С. Шехтман

их вместе — капитана Михаила Григорьевича Кухарчика, назначенного командиром 110-го отдельного истребительно-противотанкового артиллерийского дивизиона, и меня, прибывшего на должность начальника штаба этой части.

Выяснив ряд вопросов, касающихся нашей прежней службы, командующий поставил задачу:

— Немедленно начать боевую подготовку бойцов и командиров вне зависимости от их числа. Учить, как действовать в бою днем и ночью, в условиях степи, леса, населенных пунктов. Практически учить, как правильно оборудовать огневые позиции, рыть окопы, ходы сообщения, землянки, маскировать орудия и людей. Не забывать и о физической закалке. Все это сочетать с политической подготовкой. Вопросы есть? — закончил полковник.

— Вопросов нет. Разрешите выполнять? — спросил капитан Кухарчик.

— Да. Можете идти, — разрешил полковник Соловьев.

Майор Пименов приказал мне получить в штабе документы. Выдали штатное расписание, учебный план боевой подготовки, табель срочных донесений и карту района.

Место дислокации нашей части находилось северо-западнее районного центра. Шли туда тропой, протоптанной тысячами ног, через леса и пашни. На полях стояли созревшие хлеба, лишь кое-где женщины жали серпами, а дети складывали снопы по-уральски — в суслоны. Тропа вывела на проселочную дорогу, и по ней мы попали в большую деревню, расположенную вдоль опушки лесного массива, у берега небольшой речки. Деревянные дома с высокими крытыми крыльцами, дворовыми постройками, с бревенчатыми банями в огородах говорили о том, что леса тут хватает на все.

Пятистенный дом на углу переулка занимал штаб дивизиона. Мы трое — капитан Кухарчик, я и пришедший с нами лейтенант интендантской службы Сопрыкин — вошли в дом. В проходной комнате находилось несколько человек.

— Я командир дивизиона. Кто старший? — резко спросил капитан Кухарчик.

Поднялся, как мне показалось, заспанный человек:

— Писарь штаба красноармеец Косых, а это свободные от нарядов красноармейцы. Товарищ капитан, разрешите доложить?

— Не разрешаю, — отрезал Кухарчик. — Позовите старшего из командиров. Штаб дивизиона — не комната отдыха, — сказал он красноармейцам, усаживаясь за стол.

Вскоре вошел командир батареи лейтенант Андрианов, прибывший вместе с остатками дивизиона с Калининского фронта. После представления и официального рапорта он, приглашенный сесть, доложил, что дивизион получил 12 человек пополнения, в том числе двух младших лейтенантов и красноармейца Косых, вызвавшегося вести учет. Боевая подготовка пока не проводится, люди заняты на хозяйственных работах. Докладил и о том, что личный состав состоит на продовольственном и вещевом снабжении в 787-м артиллерийском полку, расквартированном в этой же деревне.

— Кажется, пополнение прибыло, — промолвил лейтенант Андрианов, подходя к окну.

Все вышли за капитаном Кухарчиком. Перед крыльцом выстроилась большая, пестрая по обмундированию группа.

— Смирно! Равнение на середину! — стройный лейтенант шел навстречу командиру дивизиона.

— Товарищ капитан, команда пополнения в количестве 54 человек прибыла для прохождения службы во вверенной вам части. Начальник команды лейтенант Лавренчук, — лихо доложил он.

Оказалось, что Лавренчук прибыл в наш дивизион командовать ротой противотанковых ружей.

На другой день рано утром был объявлен подъем. После физзарядки произведено распределение людей по подразделениям. Потом — завтрак. И начались занятия по боевой подготовке. Дивизион стал жить по строгому распорядку.

Шло пополнение. Прибыли комиссар дивизиона старший политрук Николай Максимович Ермаков, политруки подразделений и парторг части. В памяти моей не сохранились их имена, они убыли из дивизиона во время Сталинградской битвы по разным причинам. Пришли командиры батарей лейтенанты Ануфриенко и Афанасьев и командиры огневых взводов. Приехали из Горького 18 водителей автомашин во главе с техником-лейтенантом Алексеем Яровиковым — бывшим испытателем автомобильного завода. Вместе с ним приехал старший фельдшер лейтенант медицинской службы Василий Немов.

Закончили комплектование штабных отделений. Хозяйственное отделение возглавил пермяк Алексей Некрасов, а в отделение разведки я отобрал молодых, физически

ЗИНОВИЙ САМОЙЛОВИЧ ШЕХТМАН

Гвардии полковник З. С. Шехтман командовал 252-й стрелковой дивизией с августа по декабрь 1942 года. Член партии с 1926 года. Родился в 1901 году в городе Чернигове.

В годы гражданской войны Зиновий Шехтман — красноармеец-чекист. В 1919 и 1920 годах он принимает участие в борьбе с контрреволюционными элементами, дезертирами, спекулянтами, назначается младшим командиром. После окончания пехотных курсов красных командиров становится командиром взвода, пулеметной роты и, наконец, начальником штаба батальона 130-го Богунского полка.

В 1937 году З. С. Шехтман — командир отдельного батальона, а через два года — командир полка 146-й стрелковой дивизии. В пред-

сильных парней. Помню среди них Мирона Деревянко из Чимкентской области, Хасана Хусаинова из села Татарское Маклаково Горьковской области, Петра Шаламова из Челябинска. В это отделение был зачислен и писарь Косых.

Прошло пять дней, как капитан Кухарчик стал командовать дивизионом, а воинская часть уже жила полноценной жизнью.

Днем и ночью проводилась боевая подготовка бойцов и командиров. Командир и комиссар дивизиона во многом дополняли друг друга, работали дружно. Их контакт чувствовали в подразделениях, и это улучшало дело. В короткое свободное время проводилась большая организационно-партийная работа. Были образованы партийная и комсомольская организации, на общих собраниях обсуждены задачи коммунистов и комсомольцев. Коммунисты избрали своих товарищей — Кухарчика и Ермакова — делегатами на дивизионную партийную конференцию. В выходные дни все бойцы и командиры дивизиона помогали местному колхозу убирать урожай. Время летело быстро.

Неожиданно прибыла комиссия, состоявшая из представителей Уральского военного округа и штаба дивизии. Она проверяла выполнение распорядка дня, ход боевой подготовки, присутствовала на политзанятиях, просмотрела штабную документацию. Одним словом, комиссия вникала во все наши дела.

Проверка закончилась построением части и смотром строевой подготовки подразделений. В строю стояли бодрые, загорелые бойцы и командиры в новом пригнанном обмундировании и начищенных до блеска сапогах. Комис-

военный период он командует мотострелковым полком, работает старшим руководителем тактики Фрунзенских повышенных курсов Среднеазиатского военного округа.

В начале Великой Отечественной войны З. С. Шехтман в качестве командира полка 8-й гвардейской Панфиловской дивизии принимает участие в боях на подступах к Москве.

С 1943 года служил на различных командных должностях, в том числе — командиром дивизии.

В 1954 году ушел в отставку.

За заслуги перед Родиной З. С. Шехтман награжден орденом Ленина, тремя орденами Красного Знамени, орденами Суворова III степени, Отечественной войны I степени и медалями. Умер в 1974 году.

сия отметила хорошую строевую подготовку и дружное исполнение походного артиллерийского марша.

Проверяющие сделали несколько незначительных замечаний и рекомендовали изучить с командным составом инструкцию по перевозке войск по железной дороге.

По всему было видно, что скоро — снова на фронт.

В ночь на 8 сентября дивизион был погружен в эшелон и начал свой путь к Сталинграду...

Проезжая мимо знакомых мест пермского лесного края, с благодарностью вспоминаю его добрых людей, помогавших Родине собирать своих сынов под боевые знамена.

В. Пичугин

КУРСАНТОВ ОТЧИЗНА ЗОВЕТ

В аудиторию вошли начальник Военно-морской медицинской академии бригадный врач Иванов, военком полковой комиссар Погодин и начальник политотдела полковой комиссар Алексеев.

Начальник нашего курса подполковник Дмитриев командовал:

— Сми-и-и-и-рно!

Все вскочили, вытянулись.

— Вольно, — сказал начальник академии.

— Вольно, — повторил начальник курса.

Мы сели. Алексей Иванович Иванов внимательно обвел глазами курс и сказал своим негромким грудным голосом:

— Товарищи курсанты, получен приказ. Настало время отложить учебники в сторону и с оружием в руках бороться за право учиться. Мы уверены, что воспитанники Ленинградской академии с честью пронесут традиции флота, не посрамят флага академии. и, как только наступит подходящий момент, вы опять вернетесь к учебе.

Комок в горле готов был вырваться наружу, внутреннее волнение достигло наивысшего предела, мы вскочили с мест, могучее «ура» сотрясло крепкие стены аудитории.

В тот августовский день 42-го года у нас был улучшенный обед, усиленный ужин. Девушки-официантки подарили нам ложки-сувениры. В 19 часов курс построили. У каждого за плечами вещмешок. Впереди духовой оркестр.

— Курс, внимание! Смирно! Напра-во! Шагом марш! — грохнула команда.

Во главе со своими командирами мы тронулись к вокзалу. А по бокам — девушки, дети, чьи-то родители. Не может сдержать слез мать Матвея Святковского, позднее погибшего на Дону. Рядом со строем идет мать Платона Климова.

Мы идем широким флотским шагом. Павел Гандельман, Георгий Данилочкин, Борис Волчегурский бодро запевают:

Так дай нам скорей приказание,
Пошли в сокрушительный бой!
Одно в моем сердце желанье:
Сразиться за город родной.

Эшелон тронулся. Прощай, тыловая Вятка, приютившая и согрешая нас после холода и голода безжалостной ленинградской блокады! Увидимся ли мы снова с тобой?..

По прибытии в Пермскую область все были в тот же день направлены в распоряжение учебного батальона. Марш протяженностью около 20 километров совершен за 3 часа 20 минут, отставших не было.

В течение следующего дня произведена разбивка курсантов по обучаемым специальностям, укомплектованы роты минометчиков, взводы автоматчиков, противотанковых ружей, пулеметчиков, стрелков. Наши старшие товарищи — Валентин Поляков, Павел Осминкин, Николай Жмайлов, Георгий Данилочкин и Александр Мишин — были назначены на должность командиров взводов (Буркалов — на должность начальника химслужбы) и представлены к присвоению звания лейтенанта.

Завершая передачу нас 252-й стрелковой дивизии, подполковник Дмитриев построил курс в две шеренги, развел шеренги на три шага, повернул одну шеренгу лицом к другой, приказал положить у ног вещевые мешки, снять флотское обмундирование и получить армейское.

Командиры взводов Данилочкин, Поляков, Осминкин, начхим Буркалов принимали вещи по счету. Но... почти у каждого «не оказывалось» ремня, бескозырки или тельняшки.

Доложили Дмитриеву. Он потребовал немедленно сдать флотскую одежду, говорил, что понимает наши чувства, но приказ есть приказ.

После этого еще раз прошлись командиры вдоль шеренг, но все равно тельняшек, флотских ремней, бескозырок не хватало.

Строй распустили. Провели экстренное комсомольское собрание с одним вопросом «О сдаче обмундирования». Фронтвики говорили, что воевать на суше лучше в армейской форме, она маскирует, она удобней...

Снова построили нас в две шеренги, снова Дмитриев ходил по курсантскому коридору. И опять-таки нескольких тельняшек, ремней не хватило.

Итак, мы стали принадлежать отдельному учебному батальону дивизии — учбату. Командир учбата старший лейтенант Орловский и батальонный комиссар Творогов провели смотр нового пополнения. Остановились перед взводом ПТР, в который попали Леонид Алексеев, Сергей Буренков, Петр Гапеенков, Василь Панченко, Виталий Цыганов, я и другие ребята.

Орловский, еще совсем молодой, стройный, худощавый, с приятной шевелюрой, с умным интеллигентным лицом, спросил нас браво:

— Ну что, бронбойщики? Или грудь в крестах, или голова в кустах?

— Лучше первое, чем второе, — услышался голос из строя.

— Я тоже так думаю... Хороший народ к нам прибыл. Одним словом — моряки! — сказал Орловский, обращаясь к Творогову.

Творогов напоминал комиссара времен гражданской войны — он был в кожанке, говорил с большой силой убеждения. Ему шел тридцать пятый год, в партии с семнадцати лет, коммунист ленинского призыва. В армию пришел с должности секретаря Прокопьевского горкома ВКП(б).

На второй день пребывания в учбате состоялось комсомольское собрание. Творогов рассказал о нашей дивизии:

— Товарищи курсанты, товарищи комсомольцы, вы должны знать, в какое соединение прибыли, и высоко нести знамя 252-й стрелковой дивизии. Она формировалась в первые дни войны и в июле вступила в бой с врагом, — комиссар рассказал о боевом пути дивизии на Калининском фронте.

Собрание шло по накатанным рельсам. Но неожиданно его ровное течение взбаламутил Ваня Крузин, красивый умный парень, но с изрядным гонорком. Выступая в прениях, он бросил фразу:

— Мы, курсанты-моряки, прибыли помочь Красной Армии, мы разобьем врага... — и далее в том же духе.

Тут же после него слово взял Орловский. Журналист по довоенной профессии, он говорил свободно, образно, хлестко:

— Конечно, моряки — народ славный. Я не хочу вас обижать. Но не преувеличиваете ли вы, небольшая группа курсантов, свое назначение? Это кому вы готовы снисходительно оказать помощь? Двадцати восьми панфиловцам? Или героям московского наступления? Нет, вы у них должны учиться мужеству и мастерству. Вы прибыли в дивизию, чтобы исполнить свой солдатский долг, а не в благотворительных целях. И я думаю, что вы с честью этот свой долг исполните. Знания у вас есть, кое-какой опыт приобретен, но его, конечно, недостаточно. Мы многому научились за год войны. Легкой жизни в учбате не ждите...

И действительно, легкой жизни не было. Были горы перекопанной земли. Были ежедневные ползания по-пластунски, ежедневные марш-броски на 20—30 километров. Были занятия по тактике оборонительного и наступательного боя в масштабе взвода и роты. Муштры не было, но нагрузка — основательная. И как отдых воспринималась помощь соседнему колхозу — после занятий мы выходили на уборку урожая.

Материальную часть оружия мы освоили быстро. В нашем взводе на изучение противотанкового ружья выделили 48 часов. Курсанты выучили все за два часа. Командир взвода младший лейтенант Колесников, маленький, круглолицый, с веселыми глазами, прозванный нами почему-то «огурцом», говоривший всегда озорно, с прибаутками, на этот раз нам не поверил:

— Не может быть, морячки, обманываете.

— Примите экзамен, коли не верите, — слышались голоса.

Принял экзамен и широко заулыбался:

— Ну, морячки! Ну, молодцы!

Наша память, натренированная латынью, прочно удерживала нехитрые оружейные термины.

Оставшееся время мы посвятили изучению других видов оружия. В боях это нам здорово пригодилось.

Надо сказать, что с Колесниковым у нас установились довольно дружеские отношения. Фронтовик с первых дней войны, он видел моряков в деле и относился к ним с нескрываемой симпатией.

На первом же занятии по огневой подготовке удивле-

ние начальства вызвали Коля Баньковский и Юра Толстенко, оба попавшие в пульроту. Им дали по три патрона. Прогрели шесть выстрелов из винтовки. Три десятки — у Коли, три десятки — у Юры. Орловский, наблюдавший за стрельбой, приказал:

— Дайте еще по пять патронов.

У Коли — сорок девять очков, у Юры — сорок восемь.

— Где вы научились так стрелять?

— Еще в десятом классе.

— Запишите их в снайперы, — приказал Орловский.

Однако инструктора-снайпера в учбате не оказалось. Пришлось ребятам заниматься со всеми по общей программе.

Занятия шли своим чередом. Мы уже втянулись в учбатовскую сверхнагрузку, хотя здорово уставали и все время хотели спать. Не могли только привыкнуть к армейскому завтраку — к утреннему супу вместо любимой нашей белой булки с маслом.

Творогов был вездесущ. Он ежедневно во всех подразделениях проверял ход боевой подготовки, следил за выпуском боевых листков, проведением и действенностью политинформаций, его интересовали вкусовые качества пищи и многое другое. Он смотрел всегда прямо, пронзительно в глаза собеседнику, вопросы задавал, что называется, в лоб и требовал таких же четких ответов. Словом, это был, по единодушному мнению курсантов, комиссар с большой буквы.

Ко мне, узнав о моих стихотворных опытах, он относился хорошо, использовал эту способность максимально, требовал, чтобы в каждом боевом листке на каждое событие в учбате были стихотворные отклики. Запомнился только один. Заснул на посту Володя Воротеляк. Заснуть после невероятно напряженных занятий было немудрено. Но никаких скидок на объективные обстоятельства Творогов не допускал. Экстренно созвано комсомольское собрание, экстренно выпущен боевой листок...

Владимир Воротеляк, худенький, жгуче черноволосый парень из Днепропетровска, стоял как пришибленный. А потом, потом он храбро воевал, был тяжело ранен, вернулся в свой родной город с искалеченной рукой, заведовал райздравотделом.

Как я уже сказал, Творогов относился ко мне хорошо. На комсомольских собраниях, на заседаниях бюро он обычно спрашивал:

— А что думает по этому поводу товарищ Соколовский?

И отвертеться, отделаться общими фразами, смягчить словами без всяких оснований проступки друзей под его строгим взглядом было невозможно.

Но для Творогова важнее всего было конкретное дело: написал действенные строчки в боевой листок — хорошо, выбил из винтовки 42 из 50 возможных — хорошо, попал в цель из ПТР — хорошо, а вот стоило мне промазать при стрельбе из пулемета — отношение резко изменилось: взгляд посуровел, исчезла теплота в голосе.

В начале сентября в учбат прибыл офицер из штаба 787-го артполка, обратился к строю курсантов:

— Есть ли среди вас артиллеристы?

— Есть, — услышался радостный возглас Василия Панченко, который мечтал снова вернуться к любимым своим пушкам.

— А еще есть?

— Есть, — отозвались Шворень и Штерензон.

Все трое — участники войны с белофиннами, ребята опытные, боевые. Панченко награжден медалью «За отвагу». Грустно расставаться со своими однокашниками, но рано или поздно это предстоит, а воевать лучше с тем оружием, к которому больше всего душа лежит. Панченко стал командиром орудийного расчета, а Шворень и Штерензон попали в топографический взвод штабной батареи...

7 сентября поздно вечером нас построили в походную колонну, с вещмешками и шинелями в скатку. Снова быстрый марш. Погрузка в эшелоны. Учеба кончилась. Позади Пермская область. Впереди — самое главное.

Спустя полмесяца в очередном письме из дома я узнал, что 8 сентября утром приезжала из Перми мама с моим одиннадцатилетним братом. Приезжала попрощаться. Ведь впереди — фронт. Представляю себе ее состояние, когда ей сказали, что нас здесь уже нет...

Наш эшелон неся с большой скоростью по «зеленой улице» к фронту. Почти без остановок. Вместе с нами летел на всех парах туда же, на запад, эшелон с самолетами. То мы его обгоним, то он окажется впереди нас.

Коля Баньковский дал телеграмму в Куйбышев матери. К счастью, там была небольшая остановка. Однако напрасно Коля бегал вдоль эшелона, на вокзал и обратно. Мы отправились дальше. Коля напряженно смотрел из

открытой двери теплушки на перрон: вдруг появится? Не появилась. Телеграмма пришла на день позже.

Ехали мы бодро, много шутили и пели. Я сочинил на мотив известной в тридцатых годах «Песни 27-й дивизии» слова «Песни о бронейщиках». Вот как вспомнился потом, спустя много лет, этот эпизод:

Стучали: «На-до, на-до, на-до!
Ско-рей! Ско-рей!» — колеса нам...
К багровым вспышкам Сталинграда,
Рассеченного пополам, —
Мы ехали. В теплушке тесно,
Махрой надымлено — до слез.
Но бились в стены наши песни
И убыстряли ход колес.
Комбат Орловский нас проведаль,
Тушенкой с нами отобедал.
Наш хор старанье приложил,
И громыхнули в заключение
Мы песню местного значенья,
Что здесь, в теплушке, я сложил.
Слова ее просты, как сводка:
«Громи врага прямой наводкой!
Рви танки связками гранат!
Круши в осколки самоходки...»
Серьезно слушал нас комбат.
И тут же, вызвав адъютанта,
Продиктовал такой приказ:
«Есть в части лит- и музталанты,
Учесь их, как боезапас». —
А мне вручил подарок ценный:
Две пачки табаку «Дюшес».
Как рядовой страды военной,
Скажу: то был широкий жест.
Бойцы отставили консервы,
Тянули руки прямо с пар,
Курили власть мой самый первый
И самый высший гонорар.

Такой же гонорар получили и Матвей Святковский с Борей Могутиным — они написали «Марш автоматчиков».

У меня до сих пор хранится маленькая вырезка из дивизионной газеты «Боевая красноармейская». Буквы смазаны, расплылись, но текст «Песни бронейщиков» все-таки можно прочитать. Это самая дорогая моя публикация. Жаль, не сохранился «Марш автоматчиков».

...Эшелон шел на юг.

А. Соколовский

В феврале 1942 года я, уже немало потрудившийся в промышленности, а после окончания института — на преподавательской работе, был призван в армию и направлен на курсы усовершенствования офицерского состава по специальности общевойскового командира-пулеметчика. В начале августа закончили курс обучения. Мне присвоили звание старшего лейтенанта и в составе группы офицеров отправили в Пермскую область, где пополнялась 252-я стрелковая дивизия.

Назначение получил в 928-й полк заместителем командира 1-й пулеметной роты. Командиром был Залозаев. Сразу же стало поступать пополнение. Рота разместилась в длинном сарае. С раннего утра до позднего вечера мы обучали солдат, да и сами учились теории и практике боевых действий со станковым пулеметом. Здесь же я был временно назначен начальником сборов по подготовке ручных пулеметчиков дивизии.

Как помню, на эти сборы были зачислены и представители бурятской национальности — замечательные охотники и отличные стрелки. Плохо зная русский язык, они хорошо действовали ручными пулеметами.

В этот период велась большая партийно-политическая работа. Я был секретарем партбюро роты. Различные формы партийной пропаганды, личный пример коммунистов и комсомольцев — все это воодушевляло воинов, вселяло в них уверенность, позволяло добиваться значительных успехов в боевой и политической подготовке.

Наконец отправка на фронт. Последние 200 километров шли пешком, скрытно, только по ночам. Днем отдыхали в перелесках. В дивизию по пути влилась группа матросов Тихоокеанского флота.

И вот мой первый и последний бой. Он мне запомнился и таким фактом. Несмотря на строгие указания полностью переодеть всех матросов-дальневосточников в форму пехотинцев, прибывшие пошли в бой в полосатых тельняшках, проявляя образцы мужества и бесстрашия.

В первом же бою, в балке Грачевая, я был тяжело ранен разрывной пулей. Хорошо помню, операцию мне делала в медсанбате дивизии доктор Зайцева. Во время операции бомбили немецкие самолеты. Палатку опрокинуло взрывной волной. Но врачи ни на минуту не отходили от

раненых. Отбомбив, самолеты улетели. Палатка была быстро восстановлена, операция продолжалась.

После лечения в госпитале, в марте 1943 года, как ограниченно годный, я был направлен в распоряжение Пермского облвоенкомата. Свои знания и опыт передавал допризывникам. А в мае 1947 года получил назначение на должность преподавателя военного училища. В 1963 году, в звании майора, ушел в отставку и работал в системе гражданской обороны.

М. Айзенберг

ЕДЕМ НА ФРОНТ

Итак, мы отъезжаем на фронт.

Дальняя дорога всегда наводит на размышления, воспоминания. Под стук колес память легко уносит меня во времена юности, учебы, светлой мечты. Почему-то вспомнились годы тридцатые. Трудные годы, но и радостные. Газетные заголовки пестрели тогда сообщениями: строится, открыто месторождение, вступает в строй, совершен перелет...

В 36-м году поступила в педагогическое училище. Любимый предмет — математика. Все мы увлечены занятиями в различных кружках. Почти у каждого на груди значки ГТО, ГСО, ПВХО, ворошиловского стрелка, парашютиста.

А спустя три года состоялся мой первый урок в 42-й школе города Перми. Естественно, волновалась под взглядами сорока двух пар пытливых детских глаз. Не покидало желание продолжить учебу. В апреле 41-го была зачислена на заочное отделение физмата Пермского университета.

Воскресенье — 22 июня — такое солнечное, спокойное, мирное. Вдруг врывается сообщение: «Утром, без объявления войны...». Ошеломлена. Как могло такое произойти? Не верилось, что мирная жизнь неожиданно оборвалась.

На следующий день почти все учителя собрались в школе. Мужчинам проще — они ушли на призывные пункты. А что можем мы?.. В сентябре школьные занятия возобновились, а по вечерам мы, молодые учителя, занимались на курсах медсестер. В декабре получила свидетельство об окончании курсов и временное военное удостоверение...

А память высвечивает все новые и новые события.

Вспомнилось, как в марте 42-го провела свой последний урок, как нелегко расставалась с милыми первоклассниками. На руках путевка РК ВЛКСМ. Место назначения — госпиталь. Новая работа. Беспокойно: справлюсь ли? Но здесь, как и в школе, с первых дней меня окружает дружный и доброжелательный коллектив медицинских работников.

В августе кончился срок временного военного удостоверения. Иду в военкомат. Вопрос военкома, желаю ли я поехать на фронт, вызвал недоумение. Можно ли в такое трудное для Родины время считаться с желанием? Мое глубокое убеждение — каждый должен находиться там, где он более всего нужен! Это было сказано военкому. Улыбнулся: понимаю.

Вскоре нас призвали в армию. Ожидаем сопроводительные документы. В нашу группу зачислили и Лелю Коваленко — будущего санинструктора одного из полков 252-й стрелковой дивизии, в которую также получили назначение я, Аня Трясына, Катя Красулина, Лена Румянцева.

И вот мы — в дивизии, среди тех, кто более года был в действующей армии, участвовал в тяжелейших сражениях на Калининском фронте, выходил из окружения, но сохранил бодрость, уверенность, веру в победу. Это неунывающие Паня Загулова, Вера Артемова, Шура Воркутова, Шура Беликова, Люда Барановская, Коля Королев, Нина Данилова — на первый взгляд, очень строгая, но добрейшая душой.

Назначение в госпитальное отделение получила вместе со мной и Катя Красулина. Нас встретила старшая медсестра лейтенант медицинской службы Анфиса Нестеренко, милая, голубоглазая, с мягким говором. Ее отличали какая-то внутренняя доброта, приветливость. Позднее, во

К. И. Зыкова

время боев, ее деловитость действовала на всех успокаивающе...

Однако память возвращает меня снова в Пермскую область. Все наше время заполнено учебой, политзанятиями, практическими занятиями по разворачиванию медсанбата. От нас требуется полная собранность, ответственность, дисциплина. Нас окружают боевые товарищи. Мы видим в них пример мужества, стойкости, учимся у них, как надо действовать в боевой обстановке. Они помогают нам обрести уверенность в том, что и мы сможем вынести тяготы фронтовой жизни.

В свою очередь я рассказывала своим новым друзьям об Урале, о моем родном городе, о школе. Вместе читали нашу областную газету «Звезда». В те суровые для страны дни, когда враг рвался к Сталинграду, газета рассказывала о героях труда, о женах, проводивших своих мужей на фронт и заменивших их у станков на уральских заводах. Кузница страны работала для фронта, для победы. Мы с глубочайшим уважением относились к великим труженикам тыла — женщинам и подросткам, которые порой по 12 часов не отходили от станков. В газете сообщалось и о том, что некоторые мастеровые по велению сердца не выходили из своих цехов и здесь же, в короткие часы отдыха, спали. Прямо скажу, такие газетные сообщения звали нас скорее на фронт, скорее вступить в борьбу с гитлеровцами...

Наконец мы отправляемся. 8 сентября проезжаем Пермь. Мысленно посылаю весточку своим родным. Поезд мчит нас почти без остановок. Уверена — под Сталинград.

По дороге в один из вечеров Аня Марошек рассказала нам о себе. Жила в Минске. Вместе с сестрой училась в школе. В сорок первом закончила десятый класс. Как и у всех — мечта о дальнейшей учебе, но помешала война. Родители спешно отправляют Аню с сестрой на восток. Идут в потоке беженцев. Лавина немецких войск опережает их, и дневные переходы становятся опасными. Идут ночью лесом, проселочными дорогами. Голодные, оборванные. Иногда попадают под бомбежки, обстрелы. В одну из таких кошмарных ночей Аня теряет свою сестру. Идет одна. Иногда встречает выходящих из окружения бойцов...

С дрожью в голосе рассказывала Аня о пережитом, виденном, о тех зверствах, которые чинили фашистские изверги над нашим мирным населением, и об особой жестокости к защитникам Родины. За время скитания по ты-

лам врага она видела десятки разрушенных, сожженных деревень и сел. Все пережила: холод, голод, опасность попасть в руки врага, но дошла до своих. Ее направили в санитарный поезд, а затем к нам в дивизию — медсестрой сортировочного отделения медсанбата.

Рассказ Ани многих потряс. Ненависть к лютому врагу охватила каждого из нас. Скорей бы на фронт!

Были в пути и литературные вечера. Леля Шапиро читала прозу, Аня Марошек — стихи, другие пересказывали содержание прочитанных книг.

Мы приближались к фронту.

К. Зыкова

«БОЕВАЯ КРАСНОАРМЕЙСКАЯ»

По страницам дивизионной газеты

ИЗ БОЕВОГО ОПЫТА *

Командир поставил задачу: — Противник занимает гребень высоты. Перед гребнем, на скате, установлена долговременная огневая точка, имеющая три амбразуры. Правее дота, в тридцати метрах, — станковый, а левее, в пятидесяти метрах, — два ручных пулемета. Необходимо скрытыми подходами выйти к доту и блокировать его. Ставлю конкретные задачи. Поддерживающему танковому взводу двумя танками закрыть лобовую и левую амбразуры, третьему танку — утюжить стрелковые ячейки, что находятся справа и слева от дота. Приданным орудиям по сигналу открыть огонь, ослепляя и поражая дот до подхода танков. Отделению пулеметчиков вести огонь по лобовой и левой амбразурам до подхода танков. Штурмовой группе быть на рубеже атаки; как только танки подойдут к доту, вперед выдвигается специальное отделение и с возможной для броска дистанции бойцы бросают дымовые шашки к доту. Под прикрытием дымовой завесы стрелки и автоматчики, обтекая дот справа и слева, уничтожают соседние с ним огневые точки и сразу же продвигаются вперед. Саперная группа подползает к доту вплотную и взрывает его.

Задача была доведена до каждого бойца.

Вспыхнула зеленая ракета. Ударили орудия, где командирами расчетов старшина Фаюстов и сержант Федосеев. Снаряды то

и дело взметали пыль вокруг дота. И сразу же застрочили пулеметы. Меткими очередями по лобовой амбразуре бил пулеметчик сержант Пшеничный. Пулемет Лысого во время боя замолк. Оказалось, что пулеметчик не протер патроны и получился разрыв гильзы. Эта задержка была быстро устранена.

К доту подошли танки. Заслонив амбразуры, они открыли огонь. Третий танк утюжил соседние окопы. Огонь орудий и пулеметов был перенесен на гребень высоты. Вокруг дота стояла непроницаемая стена дыма.

Рассыпавшись в цепь, стрелки и автоматчики обходили дот справа и слева, уничтожая уцелевшие огневые точки врага.

— В атаку — вперед! — подает команду командир отделения Витарь.

Бойцы Бабыян и Прокудин быстро выдвигаются вперед. За ними — остальные. Отделение Почтаренко отставало от соседей. Боец Тимошенко двигался сзади всех. В Уставе сказано: надо равняться по передовым. Прямо к доту ползли саперы. Заминировав, они отползли и взорвали его.

Майор Н. Костецкий

ПОМНЮ СЛОВО МАТЕРИ *

Когда я уезжала на фронт, моя 65-летняя мать, провожая меня, говорила:

— Дело твое не простое. Лекарь лечит, сестра выхаживает больного, к жизни его возвращает.

* Здесь и далее звездочкой обозначены заметки, опубликованные ориентировочно в августе — сентябре 1942 г.

Вот уже много дней я сестрой работаю, а слова матери вспомню — задумаюсь: как бы еще больше пользы принести. Лежали у нас больные. Мы, девушки, старались каждого заботой и вниманием окружить, вернуть силы.

Уходили недавно бойцы, один мне руку крепко пожал.

— Спасибо, — говорит, — Клавдия. Вы такая молодая, а вроде как мать к нам относились.

Правду скажу, обрадовалась. И теперь могу смело матери написать, что ее слова помню и наказ выполняю.

Медсестра К. Зыкова

ТРУЖЕНИКИ МЕДИЦИНЫ *

Наши медицинские работники во фронтовых условиях прошли большую школу. Многие, казалось, непреодолимые трудности остались позади, и нет у нас ни одного врача, ни одного фельдшера, который считал бы себя в боевой обстановке новичком.

Быстрый темп наступления наших подразделений по бездорожью, бои на открытой местности, трудности в работе автотранспорта — все это заставляло искать новые пути, новые методы для обеспечения бесперебойного обслуживания подразделений. Выделение передовых групп медработников, работа хирургов непосредственно в подразделении, ведущем бой, правильная организация с учетом местных особенностей медпунктов, широкое применение новейших средств и способов лечения — вот основные пути, обеспечивающие выполнение поставленных перед нами задач.

Лучшие наши врачи — Зайцева, Демидович, Евтихьева — ведут научную работу, обобщая приобретенный опыт. Их доклады, представленные конференции, имеют большое научное и практическое значение.

Труженики медицины отдают все свои знания сохранению жизни бойцов, возвращают их в строй.

Военврач II ранга О. Добриков

БОЙЦАМ — СЫТНУЮ И ВКУСНУЮ ПИЩУ *

На днях состоялись сборы поваров. На этих сборах повара изучили нормы суточного довольствия военнослужащих и те санитарные требования, которые предъявляются к каждой кухне. В конце занятий силами участников сбора был приготовлен показательный обед из положенных военнослужащему продуктов. Представители командования обед признали отличным, а порции его — вполне достаточными.

Из этого следует, что при честной и радивой работе доставщиков продуктов и поваров приготовляемая в подразделениях пища всегда может и должна быть сытной и вкусной.

Выяснились некоторые недостатки в снабжении бойцов горячим чаем. Нашим хозяйственникам надо позаботиться об увеличении количества термосов, для того чтобы в полной мере снабжать бойцов горячим чаем.

*Капитан медслужбы
Н. Тендетников*

ПИСЬМО АВТОМАТЧИКУ

Дорогой боец!

Тебе пишут девушки, которые собирают твоё оружие — автомат. Когда ты получишь новенький сверкающий автомат, вряд ли представишь себе, сколько девичьих рук над ним трудилось.

Наша бригада занимается сборкой оружия. Мы пришли на завод в начале войны, в большинстве своем из школы, и совсем не были знакомы с производством.

Сознание того, какую важную продукцию мы будем выпускать, придает нам силы и окрыляет.

Наша женская бригада сборщиц очень дружная. По вечерам после работы мы часто собираемся вместе, шьем белье для детей фронтовиков, иногда ходим в театр, в кино, читаем книги и газеты. Недавно, например, в газете «Комсомольская правда» мы прочитали статью, в которой описывалось, как оружие, сделанное работницей Тосей Филимоновой, попало в руки доблестному воину и он истребил из автомата много врагов. Нам хотелось бы, чтобы боевая работа автоматов, сделанных нашими руками, была такой же. Желаем тебе счастья и боевой удачи.

*Бригадир Блистанова,
члены бригады — Новикова,
Шевцова, Князева, Ушакова*

ОТВЕТ ОТ ИМЕНИ АВТОМАТЧИКОВ

За автомат, за письменце — за все,
Что сделали заботливые руки,
Спасибо вам, далекие подруги, —
Его мы с честью в битвах

пронесем.

Клянемся всею силою души,

Всей силой автоматного накала —
Захватчиков без усталы крушить,
Чтоб вашу благодарность

заслужить,

Чтоб дружба наша всех нас
окрыляла.

Она, как свежий ветер у окна,
Волнует, освежает, силы множит,
Она, как долгожданная весна,
Зовет вперед и победить поможет!

Младший сержант И. Гребцов

БЕРЕГИ КОНЯ!

Скоро снова в бой. А в бою,
как известно, нам, артиллеристам,
надо вовремя перевезти орудие
на новую позицию, поддерживая
тем самым наступательный порыв
матушки-пехоты. Поэтому заботливый уход за конем, сбережение его — наша главная задача.

С любовью относятся к своим лошадям ездовые Лавро, Горбаченко, Марченко, Тимошевский. Упряжь у них всегда исправная, чистая, тщательно подогнанная. Лошади сыты, напоены, почищены. Ковочный кузнец ефрейтор Царьков регулярно контролирует состояниековки, устраняет недостатки,

*Старший лейтенант
А. Гарьковенко*

ОТ ВОЛГИ ДО ДНЕПРА

3

(ОКТАБРЬ 1942 — СЕНТЯБРЬ 1943)

*И без кожуха
Из сталинградских квартир
Бил «максим»,
И Родимцев оцупывал лед.
И тогда*

еле слышно

сказал

командир:

*— Коммунисты, вперед! Коммунисты,
вперед!*

Александр Межиров

ЗДЕСЬ И ЗЕМЛЯ ГОРЕЛА

После марша в сторону Сталинграда от станции Неткачево, где разгружалась дивизия, наша 8-я батарея 787-го артполка расположилась в домиках опустевшего села. Здесь продолжалась учеба, приближенная к фронтовым условиям. Нас, еще необстрелянных бойцов, обучали участники боев на подступах к Москве офицеры Бурцев, Бусыгин, Седелкин, а также понюхавшие пороху в то грозное время рядовые Солянков, Киселев и другие. Через четыре-пять дней батарея в составе третьего дивизиона продолжила марш к фронту.

Автомашины еще не поступили, и тяжелые гаубицы приходилось везти изрядно уставшим лошадям. На подъемах все мы, что называется, впрягались, помогая вытянуть одно орудие за другим, а на спусках — придерживали трехтонную гаубицу, чтобы она не подавила коней. На коротких привалах каждый из нас буквально валился с ног, многие тут же засыпали, предпочитая сон куреву. Офицерам и сержантам было приказано после каждого привала строго проверять наличие бойцов в строю и у орудий.

После последнего ночного марша мы были в назначенном месте — в небольшой ложбине у балки Грачевой. Сразу же отрыли щели и окопы. К полудню нас обнаружила «рама» — немецкий самолет-корректировщик, а через час наши позиции подверглись удару авиации противника. Щели и окопы выручили — потерь не было, ни одно орудие не вышло из строя.

С наступлением темноты заняли огневые позиции в балке Грачевой, в боевых порядках 66-й армии. За ночь отрыли окопы, оборудовали укрытия для орудий.

Наблюдательный пункт был оборудован в боевых порядках одного из стрелковых батальонов. Мы установили

линию связи и участвовали в пристрелке орудий. Руководство осуществляли офицеры Бурцев и Поздеев. На наблюдательном пункте работали разведчики Павел Семенченко, Дмитрий Каширин, а также связисты Василий Силин, Алексей Бурейко и Алексей Гагарин.

И вот на рассвете 19 октября 1942 года после проливного дождя наши орудия и минометы открыли ураганный огонь по противнику. Через некоторое время взвилась ракета — сигнал для атаки. Из балки вышли танки и пехота и атаковали гитлеровцев. Враг встретил нашу атаку сильным артиллерийским, минометным и пулеметным огнем.

Мощь его огня нарастала с приближением подразделений пехоты к переднему краю обороны. Дым от разрывов снарядов и горящих танков, которые достигли линии немецкой обороны, все закрывал пеленой. Наши пехотинцы стремительным броском ворвались во вражеские траншеи и вступили в рукопашный бой. Противник был отброшен на 300 метров.

Господствующая высота взята, но бой не утихал. Немцы непрерывно бросались в контратаки. Группа за группой летели немецкие самолеты, сбрасывая смертоносный груз и обстреливая из пулеметов на бреющем полете наши позиции. Три дня горела земля от этой бомбежки. Гитлеровцы стремились нас отбросить, но у нас был девиз: ни шагу назад, за нами — Волга.

С наступлением темноты мы сменили наблюдательный пункт. Он теперь был оборудован под обгоревшим танком. Выкопали глубокие траншеи, установили круглосуточное дежурство в танке, вели наблюдение через стереотрубу, засекая огневые точки противника.

В кровопролитных боях в балке Грачевой все мы в полной мере оценили значение исправно работавшей связи. Должны сказать, что служба связиста требует большой выдержки, смелости и зрительной памяти. Только за первый день боев нам пришлось добрый десяток раз бегать и ползать по линии связи под непрерывным огнем врага, скручивая перебитый снарядами и минами провод. В бою смертью героев пали три наших связиста и комбат старший лейтенант Бурцев.

Н. Костин, П. Шмогов

Я служил минометчиком в 924-м полку. Как помню, наша и другие дивизии должны были ударами по гитлеровцам отвлечь часть их сил от Сталинграда, принять, как говорят в таких случаях, огонь на себя, действовать по-суворовски: сам погибай, а товарища выручай.

Наши боевые позиции располагались возле нескольких подбитых танков. Мы быстро окопались и продолжали вести по врагу минометный обстрел. Оставшийся в живых командир взвода корректировал из башни танка огонь батареи, который мы вели, несмотря на большую усталость. Но при этом можно было легко ошибиться — поднести к стволу миномета новую мину еще до вылета предыдущей. Бывали и осечки, тогда мина оставалась в стволе миномета. Если бы на нее упала новая мина, вся установка взлетела бы на воздух.

По ночам было спокойнее, только немецкие шестиствольные минометы не умолкали и продолжали молотить наш передний край. Осколки мин продырявили некоторые солдатские котелки с кашей, стоявшие на бруствере окопа. Вспоминаю и такой случай. Под прикрытием темноты мне вместе с солдатом Файзудиновым довелось выносить с ничейной полосы тяжелораненого бойца, который уже вторую ночь звал на помощь. Он оказался моим земляком. Мы укрыли его за танком. Там было не так опасно, и вскоре подоспели санитары...

Утром отражали танковую контратаку противника. К нам обратился за помощью офицер-артиллерист, у которого почти полностью вышли из строя расчеты двух 45-миллиметровых пушек. Он получил в свое распоряжение отделение минометчиков, и мы вручную перетащили пушки и ящики со снарядами на новую огневую позицию. Вот здесь-то и пригодилась выучка. В военном училище мы изучали разные виды оружия и свободно могли с ними обращаться в боевой обстановке. Мы открыли огонь по танкам.

Пулей в голову был убит командир-артиллерист, и я забрал его автомат — их в то время было еще маловато. Вскоре был ранен в руку и я; к счастью, пуля только слегка задела кость. Оторвав рукав нижней рубашки, я наскоро перевязал руку и поспешил к своим товарищам. Вдруг возле пушки раздался взрыв.

Когда я очнулся, вокруг никого не было, а моя нога

была перебита осколком снаряда. Передвигаться в таком состоянии я не мог, и вот здесь пригодился автомат. Перевязав бинтом из индивидуального пакета ногу, я привязал ее к автомату — получилась самодельная шина, и смог ползти, подтягивая за автомат ногу.

После нескольких часов передвижения я наткнулся на наш наблюдательный пункт. Два бойца положили меня на плащ-палатку и, пользуясь темнотой, волоком потянули к месту расположения минометной роты. В пути мы неоднократно попадали под автоматный и минометный обстрел, под бомбежку, но в конце концов я оказался на батальонном перевязочном пункте, а затем и в госпитале.

Так в балке Грачевой, под Сталинградом, закончилось мое участие в войне.

Я. Каминский

ТАМ, ЗА БАЛКОЮ ГРАЧЕВОЙ...

В октябре наша дивизия прибыла под Сталинград. Я уже побывал в боях, как говорится, обстрелянный, но все равно, после лесистой местности на Северо-Западном фронте, в степях Сталинграда воевать было значительно труднее. Да и бои шли ожесточенные, непрерывно действовала авиация противника, а с воздуха в степи все видно.

После непродолжительной артподготовки полки нашей дивизии пошли в наступление в районе Грачевой балки. Я со своим санитарным взводом в составе санинструктора Ефремова, двух санитаров и двух одноконных повозок поднялся на гребень балки и направился за боевыми порядками одной из рот. Противник открыл по наступающим сильный ружейно-пулеметный, минометный и артиллерийский огонь. Наши подразделения залегли, и тогда повозки пришлось развернуть и отправить в сторону балки. С повозками я направил туда и санинструктора Ефремова, а сам с санитарями остался в роте.

Местность, по которой наступала пехота, была открытая. Наши бойцы для защиты от огня противника пользовались лишь бугорками да ямами, овражками да еще подбитыми танками. Поэтому появились раненые, их было много. Огонь противник вел сильный: мины и снаряды рвались всюду, ранения у бойцов были в основном осколочные.

Мы с санитарями расползлись в разные стороны. Встать нельзя, передвигались только ползком. Стали ока-

зывать помощь раненым — делать перевязки, направлять их в укрытия. Многих выносили, вернее сказать, вытаскивали волоком, как придется, только бы спасти. Большинство раненых вели себя мужественно. Страдания переносили без лишних стонов, многие выходили, выползали с поля боя самостоятельно, что называется, сгоряча. Среди таких были и тяжелые: с ранениями в грудь, в голову, в живот, с переломами верхних конечностей.

Труднее было с ранеными в ноги, их приходилось выносить. Перевязки раненым делали и другие бойцы. Они же помогали им выползти в укрытие. Сколько пришлось перевязать и вынести раненых, я не считал, но по расходу перевязочного материала полагаю, что не один десяток.

Сумку перед боем я наполнил до предела, но вскоре она опустела. Перевязал еще одного раненого в плечо, указал ему, куда идти, а сам двинулся где ползком, где бегом в направлении наблюдательного пункта командира батальона, который находился в расположении роты, у подбитого танка. Здесь-то и нашел меня санитар, посланный санинструктором Ефремовым. Он доложил, что в отроге балки, где стояли повозки, скопилось много раненых, которым надо делать перевязки и отправлять их в тыл. Я сообщил об этом командиру батальона и попросил его связаться с полком и вызвать дополнительно подводы за ранеными. Комбат тут же вызвал подводы, а мне приказал отправиться в балку и организовать эвакуацию.

Раненых там собралось много. Их надо было поить, поправлять им повязки. Санинструктор Ефремов действовал быстро, но один не успевал. Вдвоем у нас дело пошло увереннее.

Возвратились наши повозки, а через некоторое время прибыли подводы из полка. Это было как нельзя кстати. Мы загружали на них раненых до предела — кого укладывали, кого усаживали. Тех же, кто мог идти, направляли с повозками под наблюдением ездовых, которые знали более скрытный путь движения. До пункта медицинской помощи было недалеко, и эвакуация пошла быстрее.

Одному из своих ездовых я поручил, чтобы он после передачи раненых раздобыл в санроте или на кухне батальона два-три термоса с водой и привез их нам. Я понимал, как нужен раненому глоток воды. Ездовой Никитин, человек уже в возрасте, был на первой мировой войне, на гражданской, имел ранение, и к раненым относился с боль-

шой осторожностью. Он-то и привез два термоса, а на другой день — железную бочку воды.

В первый день боев поток раненых не прекращался до вечера. С наступлением темноты обстрел немного уменьшился. Выбрав момент, я пошел на наблюдательный пункт комбата, доложил обстановку. Комбат и комиссар были довольны действиями санвзвода. Комбат просил передать благодарность личному составу.

Затем я возвратился в отрог балки. Раненые продолжали поступать и ночью. Это были в основном те, которые не могли выйти с поля боя днем. Мы с Ефремовым перевязывали и эвакуировали их. Нервы были напряжены до предела, отдыхать некогда, есть не хотелось. Санитары и ездовые в относительно свободное время копали щели и готовили укрытия для раненых.

На другой день бой начался с новой силой. К минометному и артиллерийскому обстрелу добавились еще и налеты авиации. Немецкие самолеты с небольшими интервалами бомбили нашу передовую. Поток раненых снова усилился, но их все же было меньше, чем в первый день: за ночь бойцы смогли углубить окопы и стали лучше использовать складки местности. Тяжелораненых мы перевязывали и эвакуировали немедленно.

В этот день к нам пришел корреспондент из дивизионной газеты вместе с работником политотдела. Разговаривать с ними у нас не было времени, и я сказал: смотрите сами, что и как мы делаем. Появились тяжелораненые после очередной бомбежки. У одного бойца осколком раздробило всю нижнюю часть лица, трудно было что-либо придумать с перевязкой, но Ефремов сумел ее сделать. Потом этого раненого мы положили на повозку на живот, голову приподняли и в таком положении отправили на пункт медицинской помощи.

Днем я снова побывал на НП батальона. С местностью уже освоился, использовал для передвижения овражки. На обратном пути попал под бомбежку, забрался к бойцам в окоп, расположенный под подбитым танком. Там перевязал раненых и помог им добраться до нашего медпункта.

Эвакуацию мы наладили хорошо. Подводы подъезжали регулярно. Сделано было так, что одна подвода была на нашем пункте, а другие ожидали в глубине балки. Поэтому на пункте более пяти раненых не скапливалось. Некоторых тяжелораненых отправляли немедленно по одному

М. В. Новиков

на повозке. Старший врач полка Петр Иванович Татаринов через ездовых высказал удовлетворение работой батальонного медпункта.

Бои не утихали и в последующие дни. Они по-прежнему были ожесточенными и кровопролитными. Авиация почти непрерывно бомбила наши позиции. Немцы, чтобы нагнать страху, сбрасывали с самолетов даже пустые бочки с дырами, издававшие при падении душераздирающий свист. По этому поводу ездовой Никитин возмущался и говорил: «Это не война, а хулиганство». Его реплика в какой-то мере развеселила нас.

Мы к бомбежкам и обстрелам уже притерпелись, для укрытия нарыли окопы, зарылись, как говорят, в землю. Продвинуться на значительное расстояние вперед нам так и не удалось, но действия дивизии и соседних частей сковали силы противника, в том числе и авиацию. Все понимали, что своими действиями облегчали положение сражающихся войск в самом Сталинграде.

Потери мы понесли большие. Только через наш батальонный медпункт прошло много десятков раненых. Я и мои товарищи по взводу делали все, чтобы помочь воинам облегчить их страдания. И на нашем пункте, и в пути при эвакуации не было ни одного смертельного случая. Мы были рады этому, и я уверен, что многие из тех воинов, которым оказывали первую медицинскую помощь в Грачевой балке под Сталинградом, потом вернулись в строй и громили врага с еще большей силой и большим умением. Это касается и одного из командиров батальона нашего полка Героя Советского Союза Михаила Васильевича Новикова. Высокое звание он получил еще в 1940 году. В Грачевой балке 21 октября был ранен. Не исключаю возможности, что кто-то из нас оказывал ему медицинскую помощь. После госпиталя Новиков воевал в другой части. Умер он в 1978 году в Таганроге.

Возможно, я или мои товарищи оказывали медпомощь и минометчику нашего полка сержанту Ивану Шафрановскому, раненному под Сталинградом. Позднее Иван Георгиевич, инженер по образованию, был направлен в мастерские полка, а в 1943 году назначен начальником артиллерийско-ружейных мастерских дивизии. Рядом с ним тогда трудились мастера Батурин, Тепикин, Зайченко, Чалый.

Работа санузвода по оказанию помощи раненым в районе Грачевой балки получила высокую оценку командования. Санинструктор Ефремов был повышен в должности, ездовые и санитары отмечены благодарностями командования, я награжден орденом Красной Звезды. Это была моя первая боевая награда.

Орден мне вручили в ноябре 1942 года, в перерыве между боями. Прикололи его не к гимнастерке, а к телогрейке и велели так и носить, чтобы другие видели, что у нас оказание помощи раненым, борьба за спасение их жизни приравнивается к боевым подвигам. Сам я не находил в этом особого подвига, просто выполнял свой служебный и человеческий долг, но, конечно, был рад награде, и теперь горжусь первым орденом, полученным при обороне Сталинграда.

Весь последующий период Сталинградской битвы я носил этот орден на телогрейке. Был и такой случай. Шел бой. От сильного минометного обстрела и бомбежек крепко досталось и нашему медпункту. Свистели осколки и сыпались комья земли. А потом, когда утих обстрел и улетели самолеты, товарищи указали на мой орден. У него оказалась отбитой эмаль на двух углах звезды. Мне предлагали подремонтировать его, но я не стал этого делать, а так и ношу орден, полученный под Сталинградом и «раненный» под Сталинградом.

А. Годовых

ГРАЧЕВАЯ БАЛКА

Грачевая балка — овраг неприметный,
Осенние ночи, промозглые ветры,
Огонь шестиствольных и грохот железа,
Бурьян, как косой, пулеметами срезан.
Дрожат, осыпаясь, отвесные скаты.
Опять на заре захлебнулась атака.
Оружие чистят сурово солдаты,
Мерцают сигарки на склонах оврага.

Война здесь тогда обошлась с нами круто,
Швыряла в нас тонны свинца и тротила.

Почти полдивизии за трое суток

Она, как бурьян, беспощадно скосила.

Мы, зубы сжимая, друзей хоронили,

Грачевую балку ни в чем не винули,

Но после, когда мы ее вспоминали,

То «балкою смерти» всегда называли.

Сергей Тельканов

О ДРУЗЬЯХ-ТОВАРИЩАХ

В моем письменном столе хранится тетрадь, прошедшая со мной по военным дорогам от Волги до Дуная. Там же, на листке бумаги, наклеены фотокарточки малых размеров, подаренные фронтовыми друзьями, в большинстве связистами 176-й отдельной роты связи нашей стрелковой дивизии. И когда бывает трудно, когда невеселые думы обуревают меня, вынимаю из стола эту тетрадь и фотокарточки, и вспоминаются те далекие годы, в которые, думается, многие из нас, запечатленных на пожелтевшей от времени фотобумаге, сделали свое самое главное в жизни дело — выстояли и победили.

Я не претендую в этих заметках на стройность изложения событий. В рамках нескольких страниц трудно уместить воспоминания о многих друзьях-товарищах, с кем свела война, о ком я, оставшийся в живых, не могу не рассказать.

Впервые мы, что называется, «понюхали порох» под Сталинградом, в районе Грачевой балки. Глубокий и широкий овраг (по-местному — балка) простирался на несколько километров. Выберешься из оврага наверх — начинается сравнительно ровное поле, на котором и происходили жаркие бои. Впереди простирался район, получивший наименование «танковое поле». Подбитые во время боев стальные машины и явились поводом к такому названию. Туда следовало дать связь, обеспечивая ее бесперебойность и днем, и ночью.

Здесь закалялось наше товарищество. Не знаю ничего прочнее фронтовой дружбы, когда и кусок хлеба пополам, и самокрутка на двоих, а если потребуется, и жизни за друга положить не жалко. Каждый из нас, конечно же, понимал, что бои у балки Грачевой будут жаркие, что кто-то там, впереди, сделает, возможно, свой последний шаг.

Говорят, первая потеря всегда воспринимается тяжелее. Видимо, в этом есть свой резон. Но к потерям друзей невозможно привыкнуть. Поэтому и первая, и последующие неизбежные в условиях войны потери воспринимаются остро и больно.

Для меня такой первой потерей была гибель сержанта Василия Перевозчикова. Среди нас, связистов, он вроде бы ничем и не выделялся. Разве только тем, что к делу относился более серьезно, всегда был сосредоточенным, порою даже, как мне казалось, молчаливым. Если память не изменяет, был он с Урала. Алеша Агеев, Сергей Журавченко, Георгий Пушкин, Павел Живодеров — все они были сибиряками. А Перевозчиков — уралец.

Будничны дела у связистов. Размотал катушку провода, устроился поудобнее в окопе или, если повезет, в блиндаже, и кричи себе в трубку: «Береза», «Береза», я — «Сосна», как слышите?» Подзывай, когда надо, командира на связь с вышестоящим начальством. Следи, чтобы линия работала исправно. Не зевай, если атака противника достигнет твоего рубежа. Вот, собственно, и все.

Но снаряды и мины не спрашивали разрешения, где им падать. Падают и там, где проложена «нитка» связи. Она, естественно, рвется. И тогда...

— Перевозчиков, на линию!..

— Кузьменко, устранить порыв!

И Василий Перевозчиков, Владимир Кузьменко, где ползком, а где и во весь рост, если складки местности позволяют, отправляются на линию связи.

Бывали случаи, когда за час многие из нас по несколько раз уходили, как мы говорили, «в неизвестное», отыскивали место повреждения связи, находили концы, отброшенные взрывом, а еще хуже, смотанные гусеницами танков, и скручивали их. Потом подключались к проводу и проверяли, работает ли связь в оба конца...

Никогда не забуду день гибели Васи. Вечером я возвращался с наблюдательного пункта командира дивизии, куда давал связь. Повстречался Перевозчиков. Он шел на наблюдательный пункт.

Поговорили мы с ним о том, о сем. Потом Вася протянул мне руку и проговорил чуть надтреснутым голосом:

— Ну, мне пора. Прощай...

— Почему прощай — до свидания, — ответил я.

Мог ли я думать тогда, что через полчаса, вернувшись в Грачевую балку, узнаю о гибели своего товарища?

— Только что сообщили с НП, что осколком разорвавшегося снаряда убит Василий Перевозчиков, — с трудом произнес Дмитрий Филатов.

Эта весть больно ударила по сердцу. Припомнилось последнее «прощай». Резанула мысль: неужели предчувствовал?

Перевозчикова похоронили мы в балке. В память о товарище в моей тетради тогда появились стихи, заканчивающиеся так:

Он был хороший паренек,
Он честно послужил.
Он молодую жизнь отдал,
Чтоб ты счастливо жил.

Выше я уже назвал имя Дмитрия Филатова. Самый маленький среди нас, он, как правило, стоял в строю на левом фланге.

— Я маленький — меня пуля не достанет, — бывало, шутил он.

Но пуля достала Филатыча, как любовно называли мы Дмитрия. Случилось это на Днестре, на противоположном его берегу, на нашем пяточке — отвоеванном у врага плацдарме.

Ранение у Дмитрия оказалось не очень сильным, кажется, в руку. Уходить ему от нас не хотелось. Понимал: если попадет в госпиталь — прощай, рота. Поэтому паренек начал хитрить и добился, чтобы его не отправляли в госпиталь, а оставили в медсанбате дивизии. Оттуда, известное дело, можно и в свою роту вернуться. Так оно и случилось.

Коль скоро разговор зашел о Днестре, не могу не рассказать о Евгении Сластенине. Прибыл он в нашу роту связи весной 43-го года на должность командира взвода. Требовательность и доброта отличали этого высокого лейтенанта.

Когда дивизия подошла к Днестру и десантниками был отвоеван пяточок песчаной земли на правом берегу, Сластенину приказали проложить постоянную проволочную связь через реку. Нужно ли говорить, что это было высокое доверие, оказанное командованием молодому офицеру и его группе. На дно реки с лодки ночью был опущен кабель, который в течение многих дней обеспечивал надежную связь штаба дивизии с десантными подразделениями.

Тысячи километров прошагал Сластенин со своим взво-

дом по дорогам Украины, Молдавии, Румынии, Чехословакии. За умелые действия и мужество награжден орденами Отечественной войны, Красной Звезды, многими медалями, в том числе «За отвагу».

Забегая вперед, отмечу, что после войны Евгений Владимирович вернулся в Куйбышевский инженерно-строительный институт, из которого был призван в армию, успешно закончил его и аспирантуру, защитил кандидатскую диссертацию и работает на одной из кафедр этого вуза.

Припоминается и такой случай. Сержант Пустовитов и рядовой Филатов тянули связь и незаметно для себя и врага оказались на окраине деревушки. Потом, когда они расположились у крайней хаты, поняли: в деревне гитлеровцы. Пустовитов сообщил об этом по телефону командиру роты связи майору Макарову и его заместителю капитану Цибутовичу. Они подключили Пустовитова к артиллеристам.

— Можете указать, где сосредоточился противник? — спросили их.

— Можем.

— Тогда корректируйте огонь нашей артиллерии.

Удар артиллеристов был точен, и вскоре немцы бежали из деревни.

Позднее Макаров и Цибутович погибли. Память о них для меня и моих товарищей священна.

И в заключение расскажу о самом старшем из нас, солдат и сержантов роты связи, — о Павле Васильевиче Живодерове.

Он был, если память не изменяет, старшиной роты. И если нам тогда было не более девятнадцати-двадцати лет, ему около сорока.

Как-то в дни сталинградских боев увидел я у Павла Васильевича красивый кисет, вышитый чьими-то умелыми руками.

— Красивый кисет, — заметил я.

— Да... Кисет, можно сказать, мировой. Дочурка вышила и прислала мне на фронт в подарок.

Живодеров замолчал. Вытянул из кармана клочок газеты, ухватил из кисета щепоть махорки и свернул самокрутку.

— Было это в конце сорок второго года под Сталинградом, — затянувшись и выпуская колечки дыма, начал свой рассказ Павел Васильевич. — Зима стояла морозная,

лютая. Да ты и сам помнишь. На что уж я — привычный к холодам сибиряк, и то поеживался под ветрами. Вот в такой день и принесли мне маленькую посылку, а в ней оказалось теплое белье, шарф, рукавицы, кисет и самодельная фляжка с водкой. И еще была записка от дочки и жены. Вот эта записка — можешь прочитать.

Павел Васильевич бережно вынул из нагрудного кармана гимнастерки сложенную вчетверо бумажку и протянул мне.

«Дорогой папочка, скоро тебе исполнится 40 лет, и мы с мамой сговорились послать тебе эту посылку. Будь здоров, любимый папочка, береги себя ради нас...»

— Останусь жив, приеду домой, выну кисет и вот эту записочку и скажу: сохранил я, милые мои люди, этот памятный подарок, а вместе с ним и любовь к вам. Помогало мне это в самые трудные минуты...

У каждого солдата есть что-то такое, что постоянно — в боях и походах, в хмурую и счастливую минуту — напоминает о родном доме. У одного на груди хранится фотокарточка матери или невесты, у другого — письмо или кисет, у третьего... И когда на солдатском пути встают трудности, эти памятные предметы становятся той незримой нитью, которая связывает человека с его Родиной. Вспоминаются комнатка, где часами сиживал над книгой, пруд, школа, березовая рощица... Да мало ли что может припомниться в такую минуту, — и теплота вливается в душу твою, облегчая тревожную солдатскую жизнь.

Вот и для меня теперь фронтовая тетрадь и маленькие фотокарточки друзей военных лет, о которых упоминал в начале этих заметок, словно бальзам, словно привет изда-лека.

И. Гребцов

ВЫДЕРЖКА

День 18 ноября 1942 года выдался на редкость ясным, что позволило противнику применить авиацию в районе станции Клетская, где после жарких боев в Грачевой балке была сосредоточена наша дивизия. В землянке передового узла связи людно. У коммутатора дежурили телефонисты Георгий Пушкин и Юрий Бутыркин. Здесь же находились заместитель командира отдельной роты связи Цибутович и командир штабного взвода Солодовников. На земляных нарах отдыхали четыре человека.

Во время очередного налета авиации произошло прямое попадание небольшой авиабомбы в землянку. Она прошла перекрытие в два наката, угодила в проход между нарами, на которых отдыхали связисты, ушла в землю и... не взорвалась. На поверхности осталось хвостовое оперение.

На лицах многих появился страх. Установилась гробовая тишина. А вокруг землянки раздавались частые взрывы бомб. Там опасность была не меньшая. Вдруг один из связистов сорвался с места и устремился к двери землянки.

— Назад! — послышался спокойный и требовательный голос Цибутовича. — Всем сидеть по местам и продолжать работать.

Это подействовало отрезвляюще. Работа в землянке возобновилась.

И. Осипенко

ВЫЗЫВАЮ ОГОНЬ НА СЕБЯ

Боевое крещение красноармеец Фазы Садыков получил на Дону неподалеку от Сталинграда. День 19 ноября 1942 года запомнился пареньку из Челябинской области на всю жизнь. С наступлением рассвета многие сотни орудий обрушили свой смертоносный металл на врага. Вперед пошла царица полей — пехота.

В одном из боев отличился и связист Садыков. Линия связи работала исправно. Садыков внимательно слушал поступающие с наблюдательного пункта по телефону команды, передавал их командиру орудийного расчета.

Но вот противник, видимо, засек орудие. Неподалеку разорвался один снаряд, второй, третий... И уже залп доброй батареи обрушился на позиции наших артиллеристов. Черные фонтаны дыма поднимались вверх. В это же время немецкая пехота приближалась к месту расположения орудия. Кончались снаряды.

Садыков, не раздумывая, не ожидая приказа, пополз в соседнюю ложбину, где были ящики со снарядами. Вскоре он появился у орудия, волоча за собой ящик. Атака врага была отбита.

В другом бою, когда был ранен командир орудия, Садыков взял командование на себя. Немцы готовили атаку при поддержке танков. Надо было срочно менять позицию орудия с таким расчетом, чтобы встретить атакующие тан-

ки противника на прямой наводке. Орудие замаскировали у опушки небольшой рожицы.

— Стрелять будем с близкого расстояния, — приказал Садыков. — Наша задача — подбить головной танк с первого выстрела.

Сказалось мастерство наводчика. Танк был подбит первым снарядом. Но фашистская пехота сумела просочиться и оказалась неподалеку от пушки. Садыков понимал: промедление смерти подобно. Он соединился по телефону с командиром батареи и попросил, чтобы другие орудия ударили по его позиции.

— Как по твоей позиции? — переспросил комбат.

— Немцы в сорока-пятидесяти метрах от меня. Медлить нельзя. Мы укроемся в окопах.

Последовал залп. Разорвавшиеся снаряды точно накрыли скопление немцев. Расчет, к счастью, не пострадал. А вскоре и орудие Садыкова ударило по отходящему врагу.

Д. Бородавка

МЫ — КОММУНИСТЫ ШТАБА

Начальником штаба 924-го стрелкового полка был молодой образованный капитан Погребной. Командир полка подполковник Володащик, чувствовалось, был доволен начальником штаба, поддерживал его. Следует отметить, что штаб полка работал в тесном контакте с партийным бюро.

В штаб заходил по делам инструктор партбюро полка заместитель политрука Грачев, в прошлом — комсомольский и партийный работник. В полк он пришел на Урале, в период пополнения дивизии.

С Грачевым мы встретились на первом партийном собрании коммунистов нашего полка, когда выбирали партбюро. Встрече были очень рады, так как оказались земляками, из Бродокалмакского района Челябинской области. Грачев быстро сходил с людьми, с уважением относился к ним, располагал их к себе. Люди тянулись к нему. Он все время находился в ротах, батальонах, батареях, помогал созданию парторганизаций, налаживал их работу, добивался того, чтобы они активно влияли на повышение боеготовности подразделений. Грачев завоевал большой авторитет среди коммунистов и личного состава полка.

В начале ноября 1942 года наша дивизия в результате ночных переходов оказалась под Клетской. Здесь полк

участвовал в боях за освобождение населенных пунктов Платонов, Цимловский, Верхне-Бузиновка, Верхне-Голубинский, Вертячий, Песковатка, Илларионовский. Особенно памятны бои в районе высот Казачий курган и Пять курганов. Враг стремился вырваться из кольца окружения. День и ночь шли ожесточенные бои.

В этих боях мы потеряли многих боевых товарищей. Погиб комиссар полка майор Владимиров. Он был душой коммунистов, наш бесстрашный комиссар. Похоронили мы его в Вертячем. Здесь был тяжело ранен заместитель командира батальона капитан Тимошенко. Здесь же я потерял друга — Мишу Старосельского. Очень тяжелой утратой для меня была гибель Грачева. Он пал смертью храбрых в первые дни нашего наступления, во время танковой контратаки врага в районе Верхне-Бузиновки. На родине, в селе Бродокалмак, именем Якова Михайловича Грачева названа улица.

2 февраля 1943 года закончилась битва под Сталинградом. Была одержана беспрецедентная победа над сильным, коварным врагом.

После окончания битвы на Волге я был направлен в штаб нашей стрелковой дивизии, где пришлось служить вместе с заместителем начальника четвертого отдела капитаном Стариченко и лейтенантом Седышевым.

Капитан Стариченко был эрудированным штабистом, обладал большой работоспособностью, уравновешенным, добрым характером. С ним легко работалось — всегда внимательно выслушает, даст хорошие советы, поддержит и поможет.

К нам в отдел заходил, когда была возможность, работник политотдела, а затем дивизионной газеты старший лейтенант Сергей Тельканов. Мы с ним были знакомы еще по Уралу. С Сергеем Алексеевичем Телькановым встречаться было всегда интересно — человек одаренный, он нам первым читал свои стихи. Писал он для «Боевой красноармейской». Мы оба — уральцы и делились друг с другом новостями с Урала.

Во время боев на Днепре мне часто приходилось переправляться на захваченный плацдарм, где наши части вели ожесточенные, кровопролитные бои. Бывал я во всех полках, и, конечно же, в своем, 924-м. Однажды, находясь на плацдарме недалеко от командного пункта полка, попал под сильный артоналет. Кругом рвались снаряды, но меня спасла глубокая воронка от бомбы. Во время артна-

П. И. Манько

Затем к нам, в четвертый отдел штаба дивизии, пришел майор Пилипенко — молодой, энергичный, душевный человек. С его приходом работа отдела стала еще более слаженной.

Во время Яско-Кишиневской операции в отдел прибыл коммунист старший лейтенант Палагушкин, который до этого работал начальником строевой части штаба 932-го, а затем 924-го стрелковых полков. Он отличался исключительным трудолюбием, был исполнительным офицером, хорошо освоившим штабную работу.

Несколько позднее в нашу дивизию прибыл еще один мой земляк — майор Петр Иванович Манько. Работал он в Челябинске начальником политотдела Южно-Уральской железной дороги. После ликвидации политотделов на дорогах страны Манько был направлен на высшие курсы усовершенствования политработников РККА, а затем стал заместителем начальника политотдела нашей дивизии. Его можно было часто видеть в стрелковых подразделениях. После войны он вернулся на Урал.

Я рассказал только о некоторых боевых товарищах — коммунистах штаба 924-го полка и штаба нашей дивизии. Их было много, и все они были в первых рядах, на переднем крае борьбы с гитлеровскими захватчиками. Многие

лета контузило старшего инженера полка, погибло несколько работников штаба. В этот же день я был у капитана Погребного, а спустя три дня с плацдарма передали, что Погребной погиб от близкого разрыва мины. Мы потеряли одаренного офицера, коммуниста, боевого товарища. Похоронили его на левом берегу Днепра, в хуторе Рошевец, на самом высоком месте. Дали прощальный салют из автоматов. Всем было очень тяжело. У него остались мать, жена, ребенок, его ждали, но война, навязанная фашистами, вырвала его из наших рядов.

из них отдали свою жизнь ради нашей победы, ради счастья советских людей.

П. Кокшаров

НЕ ЗАБУДУ НИКОГДА

Стоял, как мне помнится, ноябрь, а может быть, и начало декабря 42-го года. Мы теснили врага в сталинградской степи.

В тот день рано утром был короткий, но жестокий бой. Гитлеровцы отчаянно цеплялись за господствующую высоту, но были выбиты с нее в результате нашей стремительной атаки. Враг бежал. И то, что мы увидели на обратном склоне этой высоты, нас потрясло.

Возле траншеи мы обнаружили обгоревший труп красноармейца. Он был в ботинках и обмотках, на нем была более чем наполовину сгоревшая шинель. В воздухе — запах бензина. Снег вокруг трупа притоптан множеством ног. Видимо, фашистские изверги облили бензином мертвого, а возможно, и тяжело раненого бойца, и грелись в этом страшном пламени.

Мы стояли над обгоревшим трупом нашего солдата, и лютая ненависть буквально душила каждого из нас. Рядом со мной был уже немолодой политрук.

— Запомните это, товарищи, — сказал он, обращаясь к нам. — Врага, вторгшегося на нашу землю, мы будем бить. Но никогда не опустимся до такого вандализма...

Помню, политрук говорил нам о талантливом немецком народе, о его великих мыслителях, поэтах, композиторах.

— Человеконенавистническая идеология Гитлера сделала возможным и такое надругательство, — закончил тогда политрук. — Пройдет время, мы выметем с нашей земли всю эту нечисть, и я уверен, что лучшие сыны немецкого народа предадут проклятью фашизм.

П. Стороженко

СМОТРЕТЬ БЫЛО СТРАШНО

Окруженные под Сталинградом гитлеровцы метались в котле, как хищные звери в клетке. Наши войска действовали смело, решительно и продолжали все туже и туже сжимать кольцо окружения, громить фашистскую нечисть.

Отступая под натиском наших войск, враг в бешеной, бессильной злобе уничтожал все — сжигал села и хутора,

грабил ценности, творил чудовищные зверства над людьми.

Лично мне довелось видеть такое, о чем и сейчас, спустя много лет, вспоминать без содрогания невозможно.

Наш 924-й стрелковый полк наступал в направлении Госпитомника, что неподалеку от Сталинграда. В полосе наступления оказался лагерь советских военнопленных. Когда из этого района были выбиты гитлеровцы, перед нами предстала страшная картина.

Лагерь — открытое место, обнесенное рядами колючей проволоки, с вышками для часовых, — был расположен в балке. В одном углу виднелся навес. Там находился пищеблок. В котлах мы обнаружили замерзшие картофельные и другие очистки-отходы. Это то, чем кормили военнопленных.

На скате балки в норах-землянках в грязи и сырости ютились военнопленные, в большинстве своем больные и раненые. Медицинская помощь им не оказывалась.

Когда воины нашего полка освободили лагерь, мне довелось быть там. На территории лагеря, на снегу и под снегом, валялись раздетые трупы. Это были скелеты, обтянутые кожей. В норах-землянках, которые мы осматривали, освещая фонариками, ползали, лежали вместе с мертвыми полуживые, истощенные люди.

После изгнания гитлеровцев и освобождения лагеря были приняты срочные меры по оказанию помощи всем, кто был еще жив. В лагерь прибыли медицинские работники и другие специалисты, началась эвакуация людей.

Наш однополчанин Сергей Алексеевич Тельканов писал в своей поэме «Дорога на Сталинград»:

...И каждый воин зимний день запомнил.
Речушку в балке, мелкие кусты...
Когда был нами занят Госпитомник
И лагерь в нем, внизу, у высоты.
Лежали трупы черные, худые,
Как призраки рядами на снегу.
Когда-то в прошлом люди молодые.
Простим ли мы заклятому врагу?..

Что и говорить, смотреть на все это было страшно, хотя мы повидали многое. Солдаты рвались в бой.

А. Габозух

Нас было пятеро. Все из Кунгурского района Пермской области. Все были молодыми, а четверо так и остались молодыми навсегда.

Рассказ этот начну с Михаила Корягина. Он первым выбыл из строя.

...Вспоминается морозная декабрьская ночь 42-го года. Наш 928-й стрелковый полк находился в обороне. Под утро, под прикрытием артиллерийского огня, немецкая пехота и танки атаквали наши боевые позиции. Неподалеку от нас, минометчиков, находилась батарея 45-миллиметровых орудий. Там был мой друг.

Батарея вела огонь. Вспыхивали вражеские танки. Но и личный состав батареи выходил из строя. К этому времени Михаил был ранен. Однако от орудия не отходил. Командир орудийного расчета Корягин сделал еще один выстрел, и фашистский танк, находившийся неподалеку, загорелся. Вдруг рядом разорвался снаряд. Михаил, как подкошенный, упал. Подоспевшие товарищи вынесли его с поля боя и отправили в медсанбат.

С тех пор я ничего не знаю о своем друге. Видимо, по пути в госпиталь он скончался и об этом, по каким-то причинам, не сообщили его родным. После войны встретился с отцом Михаила, рассказал ему о предновогоднем бое, о том, как мужественно сражался его сын.

Таким же молодым, двадцатилетним остался в моей памяти Григорий Загородских. Он был минометчиком 924-го стрелкового полка. Сохранилось одно из его писем: «Дорогая мама, пишу я вам из сталинградских степей. Идут бои, нет ни одной минуты спокойной. Но я жив, здоров, бью врага...»

Да, Григорий Загородских храбро сражался. Он, помощник командира минометного взвода, был награжден орденом Красной Звезды и медалью «За отвагу». В Грачевой балке Гришу тяжело ранило в руку. Госпиталь. После излечения попал в другую дивизию. Так же храбро сражался и там...

Передо мной извещение, которое хранится у матери — Валентины Григорьевны и отца — Михаила Афанасьевича: «Старший сержант Загородских Григорий Михайлович в боях за социалистическую Родину, верный воинской присяге, проявил героизм и мужество и пал смертью храбрых 19 декабря 1943 года».

Иван Лебедев также был минометчиком, но 932-го полка. У матери Ивана — Таисии Ивановны — сохранилось несколько писем. Вот что писал в одном из них ее сын: «За меня, мама, будь спокойна. И еще помни — русскую землю мы отстоим, она наша». В другом письме, будучи раненным в руку, он, нарисовав свою ладонь с пальцами на листке бумаги, приписал: «Помни, мама, это твоя материнская кровь». Матери не довелось обнять сына — он не вернулся с фронта.

Самым старшим среди нас был Василий Филиппович Ашихмин. До войны он работал директором начальной школы в селе Блины. Воевали мы бок о бок. Сразу же договорились: если что случится с кем, сообщить домой.

Василий Филиппович был женат. Когда проезжали по Пермской области на фронт, он через односельчанина передал жене, Клавдии Антоновне, письмо, приколов к нему армейскую звездочку. «Клава, — писал он, — дети вырастут, может, меня и не будет. Передай им эту звездочку. Пусть помнят, что их отец уезжает защищать родную землю, чтобы они, мои дети, лучше жили».

Василий Филиппович был тяжело контужен и отправлен в госпиталь. После этого ни Клавдия Антоновна, заменившая мужа на посту директора сельской школы, ни я о его судьбе ничего не знаем.

Я — пятый из нашей группы. Мне повезло, я отделался лишь ранением в руку. После госпиталя был направлен в другую дивизию.

Вспоминаются два случая из Сталинградской битвы, когда я воевал в составе родной дивизии. Наша батарея вела огонь по атакующему противнику. Пехотинцы 928-го полка отбили у врага высоту. Потом она несколько раз переходила из рук в руки.

Кончились боеприпасы. Повозочные были убиты. Положение создавалось критическое. Комбат приказал мне любой ценой подвезти мины. Я отполз с огневой позиции, добрался до обоза, поймал лошадь и помчался на пункт боепитания. Под сильным огнем мины были доставлены к нашим минометам. Атака врага отбита. Высота — наша. Полк выполнил боевую задачу.

Второй памятный случай произошел 19 ноября 1942 года. После артподготовки начались бои по окружению войск противника в районе Сталинграда. Нам, минометчикам, надо было перебраться на другую сторону Дона. У самого берега наша повозка провалилась под лед, и мы

очутились в холодной воде. Под сильным обстрелом вытащили из воды минометы и боеприпасы. И — вперед. Какая была радость — ведь началось сталинградское наступление наших войск.

А. Овчинников

ИЗ НЕМЕЦКОГО ТАНКА — ПО ВРАГУ

Так получилось, что после ранения я, в прошлом пулеметчик, стал артиллеристом 3-й батареи 1-го дивизиона 787-го артполка.

Шел декабрь 42-го года. Наша дивизия подошла к Казачьему кургану. Крайне малочисленные батальоны 924-го стрелкового полка вынуждены были до подхода подкрепления сдерживать натиск противника, пытавшегося вернуть господствующие высоты.

Враг наседал. Подкрепление задерживалось. И поступил приказ: отрядить из каждой батареи артполка по два бойца и направить их на передний край обороны. Рядом со мной в траншею оказался артиллерист соседней батареи Александр Скородумов.

Двое суток держали мы оборону. На третий день фашисты численностью до роты вновь пошли в атаку. Мы отразили одну, затем вторую и третью попытки немцев сбить нас с высоты. Когда же и третья атака захлебнулась, на нашем участке обороны из семи бойцов в живых осталось только двое — я да Саша Скородумов.

Фашисты вновь поднялись в атаку.

— Гаврил, прикрой меня пулеметом, — крикнул Саша. — Я — к немецкому танку.

Неподалеку от нас стоял подбитый немецкий танк. К нему и пошел Скородумов. Танк был совершенно исправным. Только гусеницы перебиты. Саша через передний открытый люк забрался в машину, развернул башню в сторону врага и открыл огонь по наступавшим немцам. Фашисты сначала залегли, а потом отошли на исходный рубеж. Опускался вечер, и изрядно потрепанная рота противника перешла к обороне.

Утром следующего дня в полк прибыло подкрепление, мы с Сашей вернулись в свой дивизион.

Потом были другие бои. За это время я многое узнал о Саше. В часы затишья он рассказал мне, как, вернувшись со срочной службы на флоте, женился, а через не-

сколько месяцев началась война, разлучившая его с любимым человеком.

На подступах к Харькову Александр Скородумов погиб.

Г. Камнев

К СТАЛИНГРАДУ

Записки командива

4 декабря 1942 года я получил предписание Военного совета 65-й армии вступить в командование 252-й стрелковой дивизией.

Прибыл принимать дивизию в ночь на 5 декабря и застал ее командира, гвардии полковника Шехтмана, в маленькой земляночке, поспешно вырытой на склоне какого-то оврага. Прием произведен за несколько часов: боевой порядок частей принят по карте, личный состав — по ведомости на 5 декабря, вооружение и материально-техническое обеспечение — по устным докладам командующего артиллерией полковника Соловьева и заместителя командира дивизии по тылу майора Кузнецова.

Донеся о приеме дивизии Военному совету армии, я использовал остаток ночи, чтобы пройти по ближайшим подразделениям, расположенным в районе командного пункта, и узнать, как живут и о чем думают бойцы и офицеры. В одном из окопов у ручного пулемета покурировал в рукав боец.

— Как настроение? — спрашиваю.

— Боевое, товарищ полковник! Наша дивизия успешно наступала от Клетской. Теперь скорее бы добить врага в самом Сталинграде.

— Как с питанием, табаком?

— Курево есть, а вот горячая пища — не всегда, а чашек — и подавно.

В ходе дальнейших бесед с командирами и бойцами выяснилось, что стрелковые роты и батальоны понесли ощутимые потери, многие станковые и ручные пулеметы выведены из строя и сданы в тылы полков. Плохо были налажены разведка и наблюдение за противником на переднем крае. Несколько лучшее положение было в артиллерийских подразделениях.

Весь день 5 декабря также был посвящен обходу командных пунктов батальонов и полков первого эшелона. Обходя полковые участки, я обратил внимание и на то,

Г. И. Анисимов

что гитлеровцы днем и даже ночью, освещая поле боя ракетами, вели огонь из станковых пулеметов. Наши позиции на огонь врага, как правило, не отвечали. На мой вопрос: «Почему не стреляете?» — пулеметчики обычно ссылались на отсутствие приказа.

Командование дивизии решило собрать партийный актив, чтобы срочно мобилизовать всех воинов на повышение боеготовности частей и подразделений. За эту работу энергично взялись парторганизации под руководством политотдела дивизии.

По строевой линии мной был отдан приказ.

«Заместителю командира дивизии по тылу, — говорилось в нем, — организовать три раза в день регулярную

доставку горячей пищи и чая во все подразделения, вплоть до переднего окопа. Используя временную передышку в боевых действиях дивизии, в течение ближайших двух-трех дней в полках первого и второго эшелонов отрыть окопы и траншеи, хотя бы для стрельбы с колена. Командирам полков в течение 48 часов отремонтировать все станковые и ручные пулеметы, требующие ремонта, укомплектовать их расчетами. На каждый выстрел врага по нашим позициям отвечать двумя-тремя выстрелами, добиваясь выполнения основного правила боя — последний выстрел по противнику должен быть нашим. Заместителю командира дивизии по тылу и начальнику медслужбы обойти боевые порядки полков, провести необходимый осмотр воинов и организовать помывку людей в бане».

Вместе с заместителем командира дивизии по политической части полковником Б. И. Бириним мы побывали в медсанбате дивизии, побеседовали с ранеными и особо отличившимися в боях представили к наградам.

12 декабря наши полки, совершив марш из района станицы Песковатка в район хутора Илларионовский, вошли в состав 21-й армии, сменили части 293-й стрелковой дивизии и заняли полосу ее обороны. Боевые порядки дивизии располагались на открытой, ровной местности у

ГЕОРГИЙ ИВАНОВИЧ АНИСИМОВ

Генерал-лейтенант Г. И. Анисимов командовал 252-й стрелковой дивизией с декабря 1942 года по октябрь 1943 года. Член КПСС с 1942 года. Родился 18 мая 1897 года в городе Смоленске в крестьянской семье.

В сентябре 1918 года добровольно вступил в Красную Армию. В годы гражданской войны, будучи командиром стрелкового батальона, участвовал в боях против петлюровских банд и белополяков. В одном из боев был контужен.

По окончании гражданской войны служил начальником дивизионной школы младшего комсостава, повторных курсов комсостава, помощником командира полка, командиром стрелкового батальона. С 1922 по 1924 год учился в Высшей тактической школе имени III Коминтерна (курсы «Выстрел»), по ее окончании был начальником штаба полка, старшим помощником начальника оперативной части и начальником разведки штаба корпуса. С 1933 года работал инспектором физподготовки штаба Белорусского военного округа, начальником штаба дивизии, начальником курсов усовершенствования комсостава запаса Белорусского военного округа. С 1940 года он — слушатель Военной академии Генерального штаба, которую окончил в 1941 году.

После окончания академии назначается начальником Управления

подножия сильно укрепленных противником Пяти курганов. Немцы сидели на этих курганах довольно прочно.

Произведя рекогносцировку и оценив сложившуюся боевую обстановку, я пришел к выводу, что дивизия понесет неоправданно большие потери, если эти курганы не будут нами взяты, так как немцы с них хорошо просматривали все расположение нашей обороны. При движении даже одиночных людей они открывали огонь.

На совещании с командирами стрелковых подразделений и артиллерийских частей поддержки был выработан смелый и простой план атаки Пяти курганов. Он состоял в следующем: ночью на лыжах выкатить для стрельбы прямой наводкой дивизион 76-миллиметровых пушек и с рассветом, после 30-минутного артогня по засеченным огневым точкам противника, пехоте атаковать курганы. Одновременно заградительным артиллерийским и минометным огнем по восточным скатам курганов воспрепятствовать немцам перебросить сюда свои резервы.

С этим планом я и поехал к командующему 21-й армией гвардии генерал-майору И. М. Чистякову, в штаб которого были вызваны все командиры дивизий, входивших в нее. Совещание началось с доклада комдивов о положении на их участках. Я докладывал последним:

боевой подготовки воздушно-десантных войск РККА. Войну начал в 1941 году под Москвой в составе этих войск.

В конце 1942 года Г. И. Анисимов — командир 212-й, а затем 252-й стрелковых дивизий. В сентябре 1943 года он назначается командиром 75-го корпуса. С января 1944 года и до конца войны командовал войсками 123-го, 7-го и 98-го стрелковых корпусов. С 1946 по 1963 год работал начальником основного факультета академии Генерального штаба имени К. Е. Ворошилова, откуда ушел в отставку.

Георгий Иванович Анисимов участвовал в обороне Москвы, в боях под Сталинградом, на Курской дуге, в освобождении Белгорода и Харькова, Левобережной Украины, форсировании Днепра, снятии блокады Ленинграда, в боях на Карельском перешейке, в Польше, Восточной Пруссии.

За успешные боевые действия Г. И. Анисимову в январе 1943 года было присвоено звание генерал-майор, а в феврале 1944-го — генерал-лейтенант.

За заслуги перед Родиной Г. И. Анисимов награжден двумя орденами Ленина, четырьмя орденами Красного Знамени, орденом Суворова II степени, двумя орденами Кутузова II степени, орденами Александра Невского, Красной Звезды, медалями, а также орденами «Крест Грюнвальда», «Виртути Милитари» и двумя медалями Польской Народной Республики. Умер в 1974 году.

— Необходимо как можно быстрее выбить врага из траншей, расположенных в районе Пяти курганов. Прошу разрешить мне сделать это.

Внимательно выслушав всех командиров дивизий, командарм приказал:

— Всем дивизиям, за исключением 252-й, активно вести боевую разведку на своих участках с обязательным захватом пленных. Что касается Пяти курганов, то с этим делом надо подождать: атака курганов 293-й дивизией была неудачной.

Убежденный в своей правоте, я твердо решил захватить курганы и начал готовить к этому бою части дивизии. Через несколько дней генерал Чистяков разрешил атаковать врага в районе Пяти курганов и овладеть ими.

Атака была слаженной и дружной. Начался упорный бой. Трижды приходилось делать мощные огневые налеты на позиции врага, чтобы сломить его сопротивление. Артиллерийский дивизион бил прямой наводкой. Враг дрался на курганах упорно и зло. Стрелков 2-го батальона 932-го полка, которые первыми добрались до одного из курганов, немцы встретили гранатами. Бойцы залегли, но повторная атака, возглавляемая коммунистами, решила исход боя в нашу пользу, и к 13 часам 19 декабря 924-й и 932-й полки овладели четырьмя курганами из пяти. Были захвачены пленные и трофеи.

Прибывший в район боя командующий 21-й армией наблюдал, как били прямой наводкой артиллеристы 787-го артполка. Он наградил орденами весь оружейный расчет сержанта Данилюка, подбивший два танка, уничтоживший два дзота и до двух взводов пехоты противника. Умело действовал в этом бою и расчет 76-миллиметрового орудия наводчика Николая Гулакова.

Дивизия получила благодарность от Военного совета 21-й армии.

Наступил новый, 1943 год. В период со 2 по 10 января дивизия, получив пополнение людьми, готовилась к решительному штурму вражеской обороны в районе Сталинграда.

9 января командующий Донским фронтом генерал К. К. Рокоссовский обратился к немецкому командованию окруженных в Сталинграде войск с предложением сдаться. Но враг пренебрег разумным предложением нашего командования. В 10 часов утра 10 января заговорила артил-

лерия. Начались боевые действия по окончательному разгрому окруженной 6-й армии немецко-фашистских войск.

12 января дивизия получила приказ атаковать противника в направлении хутор Жирноклеевка — Госпитомник и к исходу дня 13 января овладела указанными пунктами. Враг оставил большое количество военной техники и, преследуемый нашими частями, начал отход на восток, к Сталинграду. Железная дорога Сталинград — Поворино стала очередным рубежом на нашем пути.

В это время было получено обращение Военного совета 21-й армии, в котором отмечались отвага и умение личного состава 252-й стрелковой дивизии, проявленные в боях по уничтожению вражеских войск под Сталинградом. «Части вашей дивизии, — говорилось в обращении, — заслужили высокую оценку командования. Сейчас Родина поручила нам решительным штурмом завершить полный разгром вражеских частей под Сталинградом.

Мужественно и дерзко атакуйте врага, боритесь за честь первыми водрузить свое боевое знамя на улицах героического города.

Старт — железная дорога северо-западнее Сталинграда.

Финиш — Сталинград».

В период с 16 по 25 января дивизия продолжала наступление. Утром 25 января наши полки подошли к высоте 112,5, которая служила ключом к овладению северо-западной окраиной Сталинграда. Высота была укреплена бетонными огневыми точками с броневыми колпаками.

Первая попытка овладеть ею с хода результатов не дала. 26 января мы перегруппировали свои силы, и на следующий день части дивизии пошли на штурм высоты 112,5.

Атаку дотов противника повели наши штурмовые группы. На каждый дот была сформирована штурмовая группа в составе взвода стрелков, одной-двух 76-миллиметровых пушек для стрельбы прямой наводкой по его амбразуре, отделения саперов с подрывными зарядами и дымовыми шашками, одного-двух танков для поддержки и прикрытия штурмовых групп. За ними шли атакующие цепи стрелковых рот и батальонов.

Благодаря героизму воинов дивизии, бесстрашно атаковавших бетонированные огневые точки противника, и особенно умелым действиям штурмовых групп, железобетонный оборонительный пояс врага на северо-западной и западной окраинах Сталинграда 29 января был прорван. До-

ты уничтожены, а противник в беспорядке отступил в город.

Поле боя, где дралась дивизия, представляло незабываемую картину: в многочисленных балках, идущих с запада к Сталинграду, стояли заметенные снегом сотни брошенных немцами автомашин, бронетранспортеров, орудий и тягачей, застыли трупы вражеских солдат и офицеров. Над всем полем боя крутилась зимняя поземка, мороз доходил до минус 30 градусов. Не было ни одного кустика, деревца или какой-либо постройки, которые можно было бы использовать для разведения костров и обогрева солдат. И наши воины жгли резину от трофейных автомашин, чтобы согреться. Ведь уже много дней им приходилось укрываться лишь в снежных окопах, вырытых на скорую руку и сверху прикрытых трофейными одеялами.

Туго было и с продовольствием, так как наши части снабжались по железной дороге в первую очередь боеприпасами, военной техникой и горючим. Поэтому приходилось высылать команды от каждого полка в тыл за 30—40 километров и косить несжатую пшеницу, оставшуюся в поле, перерабатывая ее в крупу. О горячей картошке солдаты только мечтали.

Трудности, лишения, невзгоды походной жизни — все это преодолели воины дивизии, упорно тесня врага, образно говоря, сжимая ему горло.

А массовый героизм! Сотни лучших воинов были награждены орденами и медалями. Командир батареи старший лейтенант Георг Акоюн принял решение выкатить свои орудия на прямую наводку. Массированным артогнем были расстреляны огневые точки и пехота противника, что обеспечило успех всего боя. Более двухсот гитлеровцев уничтожили пулеметчики взвода младшего лейтенанта Алексея Ширяева. Оба офицера умело руководили боем и проявили при этом образцы личной храбрости. Оба они удостоены ордена Ленина.

А вот как действовал в бою на высоте 112,5 комсомолец снайпер Семин. Когда атака нашей пехоты была задержана огнем вражеских снайперов, Семин уничтожил двух из них и расчистил путь пехоте. Во время атаки он лично огнем сразил до двух десятков гитлеровцев.

29 января начался штурм обороны противника, засевшего в Сталинграде. Враг, потеряв последние перед городом позиции с железобетонными огневыми точками, оказывал упорное сопротивление в самом городе.

30 января наши подразделения вели бои в Сталинграде, к 14 часам овладели его центральной частью и вышли на рубеж улиц Карская и Каспийская, Совнаркомовская, Голубинская и Историческая, выполнив тем самым поставленную командармом перед наступлением боевую задачу.

31 января бои в городе продолжались и сопротивление гитлеровцев было окончательно сломлено. Части дивизии очищали от врага Чапаевскую, Карскую, Сальскую, Совнаркомовскую, Голубинскую, Невскую, Двинскую улицы. Были захвачены большие трофеи и 966 пленных.

1 февраля весь день наши полки вели отдельные бои с противником, оборонявшим дома, подвалы больших зданий. К вечеру артиллерийская и пулеметная стрельба в центре города и на его южной окраине прекратилась. Только в северной части слышалась канонада. Уже был пленен командующий 6-й немецкой армией генерал-фельдмаршал Паулюс. Остатки его армии в северной части Сталинграда ликвидировались нашими частями.

Рассвет 2 февраля встретил всех участников Сталинградской битвы абсолютной тишиной. Казалось невероятным, что десятки тысяч воинов, тысячи орудий и минометов вдруг прекратили свою боевую работу.

Какая большая радость наступила для всех нас! Наглый враг, рвавшийся к Волге, был разгромлен.

В боях за Сталинград дивизия взяла в плен более четырех с половиной тысяч вражеских солдат и офицеров, захватила большое количество трофеев, освободила из плена более 500 красноармейцев.

За успешные боевые действия по окружению группировки врага и активное участие в ее разгроме нашей дивизии дважды была объявлена благодарность в приказах Верховного Главнокомандующего. Дивизия получила хорошую боевую характеристику от Военных советов 65-й (командующий — генерал-лейтенант П. И. Батов) и 21-й (командующий — гвардии генерал-лейтенант И. М. Чистяков) армий.

Г. Анисимов

С МАНДАТОМ ЗА ЛИНИЮ ФРОНТА

Январь 1943 года был на исходе. На окраине Сталинграда шли ожесточенные бои. Группировка Паулюса на требование нашего командования сложить оружие отве-

тила отказом. Нужны были новые попытки склонить немецкие части к капитуляции.

Утром 27 января меня, инструктора политотдела дивизии по работе среди войск противника, вызвал командир дивизии полковник Аписимов и сообщил, что ему звонил командующий 21-й армией и дал указание направить к противнику парламентариев.

— Мы решили направить вас, — сказал полковник.

В состав группы вошли старший лейтенант Орловский, возглавлявший разведку дивизии, и сержант, командир отделения разведроты, фамилию которого, к своему большому огорчению, не могу вспомнить.

Мы доложили комдиву, что к выполнению задания готовы. Заместитель командира дивизии по политчасти полковник Бирин, напутствуя нас, сказал, что главное — сделать так, чтобы содержание предложений нашего командования стало известно солдатам и офицерам противника.

Нам вручили мандат на ведение переговоров от имени командующего 21-й армией и инструкцию об условиях капитуляции. Войскам дивизии и нашим соседям была дана команда прекратить огонь на 40 минут. Через 10 минут после вручения документов мы уже шли к намеченному месту перехода. В руках сержанта был белый флаг. Между собой мы договорились: под огнем неприятеля не ложиться, так как продвижение перебежками опаснее. И нам повезло: участок до траншей противника был успешно преодолен. Подойдя к окопу боевого охранения, я в приказном тоне обратился к находившимся в окопе немецким солдатам:

— Я — капитан Дробрки, сопроводите меня в штаб.

Психологический расчет оказался правильным, сработал автоматизм в выполнении приказа. Находившийся в окопе ефрейтор отчеканил:

— Слушаюсь, господин капитан, — и тут же связался по телефону, видимо, с ближайшим командным пунктом. Потом он вышел из окопа и сопровождал нас до подхода вышедших навстречу по ходу сообщения двух офицеров и фельдфебеля.

Я снова назвал себя и объяснил цель нашего прихода. Один из подошедших офицеров, обращаясь к другому, видимо старшему, заметил:

— Какие могут быть с ними разговоры, есть приказ генерала Шмидта — выстрел в затылок.

Однако старший ответил, что их дело — доставить нас в штаб полка, там разберутся.

Нам завязали глаза и проводили в штаб. Там мы предъявили документы. Командир полка с помощью переводчика познакомился с ними и, позвонив по телефону, заявил, что для переговоров он не имеет полномочий и доставит нас в высший штаб.

40 минут, в течение которых не было огня, истекли. Стрельба возобновилась. Штаб, куда нас привели, был заполнен офицерами. Немецкий полковник принял наш мандат и инструкцию, сказал, что доложит руководству группы войск. Время ожидания прошло в разговорах с офицерами. Один из них, подполковник, рассказал нам, что они зачитываются книжкой воспоминаний австрийского военнопленного, прошедшего несколько лет в Сибири. Он процитировал то место из книги, где рассказывалось о великодушии и доброжелательности сибиряков. Тем временем наш сержант объяснил, как мог, ситуацию солдатам и младшим чинам штаба.

Явился полковник, ездивший с докладом в штаб группы войск. Нам вручили конверт с ответом, в котором указывалось, что решение будет принято и немецким подразделениям будут даны соответствующие указания к утру 28 января. Тем же путем мы вернулись обратно и доложили командованию дивизии о выполнении возложенного на нас задания.

Утром 28 января войска дивизии принимали капитуляцию противостоящих частей противника.

С. Драбкин

ГРИВАСТЫЕ ПОМОЩНИКИ

В одну из безлунных осенних ночей 1942 года наш 932-й стрелковый полк, в котором я начинал войну старшим ветеринарным врачом, снялся с временного места дислокации на Урале и направился к ближайшей железнодорожной станции. Комиссар полка Антропов за несколько дней до отъезда на фронт сказал мне, что, хотя лошадей пока в полку нет, укомплектовать ветеринарный лазарет необходимо. Среди личного состава полка при опросе нашелся ветеринарный фельдшер Саченко. Через день объявился младший ветфельдшер Шарахов, а затем в штат ветеринарного лазарета был зачислен на долж-

ность кузнеца рядовой Старцев. Командир полка подполковник Былинкин приказал, чтобы в батарее 45-миллиметровых пушек был ветфельдшер, а в батальонах — по ковочному кузнецу.

Нелегкий труд, постоянная опасность выпали на долю наших добрых помощников — лошадей. В дни боев в балке Грачевой к нам поступило несколько раненых лошадей, часть из которых была эвакуирована в дивизионный ветеринарный лазарет. Вместе с тем, объезд батальонов показал, что лошади укрыты надежно.

Утро 19 ноября было пасмурным. Густой туман плотно окутал лес. Видимость плохая. Нашему конному обозу предстояло переправиться через Дон в районе Клетской. В это время раздался могучий рев артиллерии всех калибров. Послышались веселые голоса: «Началось!» Туман, точно испугавшись артиллерийских залпов, быстро рассеивался. Стремительно прошли наши бомбардировщики в сторону врага. Противоположный крутой берег Дона окутался пламенем и дымом.

Двинулись и тылы. Переправа через Дон прошла успешно. В транспортной роте было 65 парных повозок. Большую самоотверженность проявили повозочные и лично командир роты младший лейтенант Ильюшин и политрук старший лейтенант Берлях. Несмотря на обстрел и бомбежку переправы, ни одной лошади потеряно не было.

Один из копей, следовавших на привязи к повозке, зартачился и с переправы бросился в воду. За конем, раздевшись, полез в воду повозочный и вместе с ним выплыл к берегу. Говорят, что лошадь в бою чувствует человека как своего спасителя. Это правда.

В Клетской, где тылы полка остановились на кратковременный почной отдых, командир взвода полковой разведки лейтенант Федоренко обнаружил 18 верховых лошадей и упросил меня посмотреть их. Со мной пошел Старцев. Траншея с конями оказалась заминированной. Я на это не обратил внимания. Вдруг Старцев резким рывком остановил меня и указал на провод. Разобравшись, мы поняли, какой опасности подвергали себя. Обезвредив мины, вывели лошадей в укрытие.

Самой большой радостью в ту зиму была весть о капитуляции Паулюса и его войск, окруженных в Сталинграде. В воздух взлетели многочисленные ракеты, раздавались залпы из всех видов оружия. Потянулись бесконечные колонны пленных. Куда девался наглый вид фашистов и на-

игранная уверенность в победу фюрера? Они то и дело поднимали руки вверх и произносили: «Гитлер капут».

Был и такой случай. В начале февраля 1943 года наша дивизия еще стояла под Сталинградом. Командование полка разрешило провести банный день. Отыскав свободную землянку, засыпанную снегом, я поручил Шарахову и Старцеву организовать баню.

Спустя некоторое время ко мне подбежал Старцев и доложил, что в землянку, где готовилась наша баня, вошли четыре немца и не выпускают оттуда Шарахова. Я ворвался в землянку и крикнул: «Руки вверх!» В тот же миг раздались два выстрела. Как потом мы установили, один из немцев стрелял в меня, пуля прошла на три сантиметра выше звездочки на моей шапке-ушанке. Второй выстрел сделал Старцев в гитлеровца, стрелявшего в меня. Трех пленных мы сдали в штаб полка.

Вскоре поступил приказ о назначении меня старшим ветврачом 787-го артиллерийского полка. Грустно было расставаться с товарищами, но приказ есть приказ.

К этому времени кое-где давали кошу «отставку». Так, мне было уже известно, что для третьего дивизиона (командир майор Карачаров), на вооружении которого были 122-миллиметровые гаубицы, поступали «студебеккеры». Было принято решение освободившихся лошадей передать другим дивизионам.

В конце марта наш артполк прибыл в село Мосальское Воронежской области. Встретили нас, как героев. Несмотря на половодье, население вышло на улицу. Слышались приветственные возгласы. Весь личный состав был расквартирован. В ответ на заботу о нас жителям села была оказана помощь при обработке огородов, которые вспахали на лошадях полка. Председатель колхоза, пожилая жепщина, провожая нас, сказала:

— Вы, дорогие воины, помогая нам, тем самым показали, что наша армия и народ — едины.

В моей памяти сохранился весьма редкий и, как мне думается, интересный случай, показывающий силу и надежность лошадок. В период Корсунь-Шевченковской операции наш артполк оказал помощь танкистам. Дело в том, что танки не могли подняться в гору: стояла страшная распутица. Посоветовавшись, мы приняли решение использовать для помощи танкистам артиллерийских лошадей. Задача не из легких, но получилось неплохо, через не-

сколько часов восемь танков были вытянуты наверх и ушли на выполнение задания.

В наш ветеринарный лазарет нередко заглядывал командир дивизии Горбачев. Проезжая на коне мимо арtpолка, он обязательно останавливался в ветлазарете и наблюдал за работой ковочных кузнецов, которые сами готовили ковочные гвозди, подковы и необходимый ковочный инструмент.

— Что-то, кузнецы, у моего коня подкова захлябала, — говорил, бывало, он, подъезжая к кузнице.

Майстренко быстро устранял дефект и докладывал:

— Товарищ генерал, конь готов.

— Вот неугомонные, — тихо произносил генерал, — и отдохнуть-то не дадут.

Он поднимался в седло и, трогая поводья, кивал кузнецам.

Ф. Спирин

НА УЧЕНИЯХ — КАК В БОЮ

Перед боями за Белгород наша батарея находилась далеко от линии фронта. В то время мы занимались боевой подготовкой, учились отражать атаки танков, конницы и пехоты. К нам нередко наведывались командир дивизии генерал Анисимов и командующий артиллерией полковник Соловьев. Они проверяли готовность расчетов орудий, взводов и батарей к предстоящим боям.

Однажды прибыл к нам генерал Анисимов. После краткого ознакомления с ходом учебы он неожиданно дал орудийному расчету такую вводную:

— Командир орудия убит. Командование расчетом принять заряжающему. На орудие двигаются с фронта два танка противника и с тыла — один танк.

Заряжающий, а им был узбек Саидкулиев, не растерялся и громко подал команду:

— Наводчику прямой наводкой вести огонь по танкам с фронта; рядовому Васильеву из противотанкового ружья уничтожить танк, идущий с тыла.

Генерал на глазах у всей батареи поблагодарил заряжающего и вручил Саидкулиеву карманные часы...

И. Уваров

После окончания 2-й Московской специальной артиллерийской школы и ускоренного курса Одесского артиллерийского училища имени М. В. Фрунзе, а также короткого периода службы в 409-м отдельном тяжелом пушечном артдивизионе 152-го укрепрайона под Можайском я, молодой лейтенант, прибыл в действующую армию на должность командира второго огневого взвода 8-й батареи 3-го дивизиона 787-го артполка.

Стояло знойное лето третьего года войны. Стрелковые полки дивизии, а с ними и наш артиллерийский полк, наступали вдоль шоссе Белгород — Харьков.

Взвод я принял на марше еще до Белгорода: две 122-миллиметровые гаубицы, две автомашины «студебеккер», тяжело нагруженные ящиками двухпудовых снарядов и вещмешками с немудреными солдатскими пожитками.

В период наступления батарее часто приходилось менять огневые позиции — гитлеровцы после потери Белгорода поспешно отходили на Харьков. Как правило, на новую огневую позицию мы передвигались ночью, а днем рыли орудийные окопы и щели-укрытия для расчетов.

...Яркое солнце в зените. Фронтальная дорога вьется между покосившихся плетней украинских хуторов, высоченных зарослей кукурузы, полей подсолнуха, заросших лебедой. Ветра нет, и белесая пыль от идущих впереди машин первого взвода неподвижно висит в воздухе. Передней машины и орудия из-за пыли не видно, хотя расстояние между нами минимальное. Только огромный зачехленный ствол гаубицы упрямо тычется в лобовое стекло нашего «студебеккера», когда шофер Волошин нажимает на газ. Смертельно хочется спать, хотя бы на пять минут закрыть глаза, — ведь уже третьи сутки прошли почти совсем без сна. Но спать нельзя, нужно разговаривать с Волошиным, чтобы не дать ему уснуть за рулем, иначе беда — врежемся в переднее орудие или свалимся в глубокий кювет. Изредка из густых придорожных зарослей бурьяна и лебеды наплывает тошнотворный сладкий запах тления... Война!

Однажды, когда уже наступали сумерки, пришел приказ быстро сниматься с огневой. Солдаты сноровисто прицепили орудия, покидали в кузова вещмешки и сели сами. Как всегда, назначаю из бойцов расчета наблюдателей за воздухом и за след идущими машинами. Команда: «По

машинам!» — и батарея медленно вытягивается на пустынную полевую дорогу.

Прибавили скорость. Вдруг, примерно через 15—20 минут после начала движения, слышу стук по крыше кабины. Останавливаю машину. Один из бойцов докладывает, что на месте последней стоянки мы забыли осветительную арматуру. Это оборудование предназначено для стрельбы в ночное время: оно обеспечивает электрическую подсветку перекрестия орудийной панорамы, освещение шкалы прицела и точки наводки.

Мысленно поминаю лихом забывчивость наводчика, да и себя тоже. Но время не ждет, нужно быстро принимать решение, так как положение сложилось неприятное.

Батарея, не останавливаясь, ушла вперед, и вскоре ее последнее орудие скрылось из вида. Мы остались в поле одни. Наползала темная ночь. Можно было еще нагнать ушедшую вперед батарею, но тогда мы потеряли бы осветительную арматуру, и одно орудие не смогло бы вести ночной бой.

Можно было вернуться за арматурой, но на это ушло бы не менее часа, и тогда найти в полной темноте, без знания маршрута, без карты, нашу батарею, ушедшую далеко вперед, было бы все равно что искать иголку в стоге сена. Но делать нечего, нужно возвращаться. К счастью, наша арматура лежала под тем кустом, где ее оставил солдат. Сразу стало легче на душе.

Теперь встал вопрос: как догнать батарею? В полной темноте, ощупью, изредка зажигая фары, выехали на знакомую полевую дорогу. Едем. Ночь чернее сажи. Нигде ни огонька. Подъехали к какому-то селу. Вдруг стало светло как днем. Это чьи-то ночные бомбардировщики развесили на парашютах осветительные бомбы. Тотчас к ним потянулись с земли разноцветные пунктиры трассирующих пуль, и бомбы, разрушаясь, сыпали вниз огненные искры.

Снова наступила непроглядная тьма. И только шофер Волошин, лучший шофер батареи, всегда безотказный при подаче машины на огневую позицию, каким-то чудом находил дорогу. Изредка он высовывался из кабины и что-то спрашивал у проходивших солдат. К утру мы благополучно догнали свою батарею, которая остановилась на кратковременный отдых в одной из деревень. Позднее, после освобождения Харькова, сибиряк Волошин погиб при бомбежке нашей колонны авиацией противника.

...Меняем огневую позицию повзводно. Первый огневой

взвод под командованием лейтенанта Уварова накануне вечером перешел на новое место. Подходит время двигаться и нам. Догоняем первый взвод и здесь узнаем страшную весть: выведен из строя весь расчет одного из орудий.

Оказывается, во время подготовки орудия к бою, когда весь расчет находился возле него, откуда-то прилетела одна-единственная вражеская мина, на излете ударила в ногу командиру орудия сержанту Контыреву и взорвалась. Осколками мины на месте были убиты трое, двое солдат были тяжело ранены и отправлены в медсанбат.

Так я потерял своего фронтового друга сержанта Контырева, товарища по совместной учебе в Одесском артиллерийском училище. За месяц до окончания училища Контырева назначили командиром орудия в составе 787-го артиллерийского полка под Сталинград, где он и получил боевое крещение. Под Харьковом это был уже опытный воин-артиллерист.

Незадолго перед своей гибелью, словно предчувствуя что-то, он подарил мне на память выточенный им самим папиросный наборный мундштук, который до сих пор хранится у меня как самая дорогая фронтовая реликвия и память о друге...

Вырыли могилу, завернули останки наших боевых товарищей в плащ-палатки. На всех нас навалилась страшная тяжесть утраты. Некоторые не могли сдержать слез. Над свежей насыпью поставили столбик с листом фанеры, на котором написали званья, имена и фамилии погибших. Отдали им последние воинские почести — салютовали из личного оружия...

Нам уже звали вперед фронтовые дороги. Особенно трудными становились они на Украине в распутицу, после обильных дождей.

Это было под Харьковом. С наблюдательного пункта командира батареи мы получили приказ переехать на новую огневую позицию. Наступила ненастная ночь. Вечером прошел сильный ливень и превратил проезжую часть полевых дорог в черное месиво. Грунт «наматывался» на колеса, а машины не двигались с места.

Вначале батарейная колонна из четырех «студбеккеров» с гаубицами на прицепе двигалась сносно. Но затем мы попали на дорогу, которая уже была разбита прошедшими до нас танками. Машины забуксовали. Пришлось всем расчетам сойти с машин и толкать их вперед, упираться руками и плечами в борта и крылья. Это мало помогало. Моторы патужно ревели на пределе, но гаубицы еле

ползли по сплошному морю грязи. Пришлось шоферам надевать на скаты цепи, а остальным в темноте искать любой подручный материал — доски, палки, ветки деревьев — и подкладывать под колеса. Но машины с гаубицами проползли несколько метров и снова буксовали.

Тогда нам с Уваровым пришлось применить последнее средство — «впрягать» в одну гаубицу по две автомашины цугом и перетаскивать батарею на десяток метров вперед поорудийно. Казалось, этой ночной дороге не будет конца. Да и ориентироваться на незнакомой степной местности в кромешной тьме было очень трудно.

Так мы пробивались вперед уже несколько часов. Бойцы и офицеры, все в дорожной густой грязи, которая на рукавах и брюках засыхала коркой, валились с ног от усталости.

Забрезжил слабый рассвет. Взору постороннего наблюдателя, если бы он появился на пустынной дороге, предстала бы такая картина: увязшие в грязи четыре «студебеккера» с гаубицами на прицепе застыли на дороге, бойцы в изнеможении лежали в том месте, где их свалила бессонная ночь и невероятное физическое напряжение.

Я задремал в полусне в кабине автомашины. Вдруг слышу сквозь тяжелую дрему громкий голос бойца:

— Товарищ лейтенант, быстро к головной машине — командир батареи вызывает.

С трудом встаю и направляюсь в голову колонны. Там уже находятся старший на батарее лейтенант Уваров и только что прибывший на батарею ее командир старший лейтенант Поздеев.

Оказывается, он не нашел батарею в назначенное им время на новой огневой позиции, поехал нас разыскивать и наткнулся на разбитой дороге на нашу неподвижную колонну. Кроме того, на свою беду, ни я, ни Уваров не выставили часовых. А на фронте такие промахи командиров могли кончиться для батареи бедой.

Поздеев потребовал от нас объяснений. Ну и попало же Ване Уварову и мне от комбата! В заключение нашей «беседы» он сказал:

— За невыполнение в срок моего приказа занять новую огневую позицию и халатность, допущенную в охране батареи при движении по фронтовой дороге, объявляю вам, товарищи офицеры, трое суток ареста каждому!

— Есть трое суток ареста каждому! — ответили мы, взяв под козырек. А в душе каждый из нас почувствовал

даже облегчение от того, что эта бесконечная трудная ночь кончилась благополучно для батареи, а отсидеть трое суток под арестом придется, в крайнем случае, после победы. Ведь шло наше наступление!

Тем временем совсем рассвело. Иван Уваров сориентировался по карте и определил, что этой ночью, пройдя по бездорожью добрый десяток километров, мы не доехали до указанной нам огневой позиции всего 300 метров...

Эх, дороги мои фронтовые...

И. Анисимов:

ПОДВИГ ДЕМИДА БАБАКА

15 августа 1943 года наша дивизия наносила удар по врагу между населенными пунктами Полевая и Семеновка в районе Дергачей. Удар был настолько стремительным, что противник не выдержал и начал отступать.

В первом эшелоне дивизии наступал 924-й стрелковый полк, в передовом отряде которого была рота под командованием лейтенанта Бабака. Преодолев проволочные заграждения и миные поля, рота под огнем противника прорвала передний край его обороны, ворвалась в лесной массив и через лес продолжала движение на Пересечную, находящуюся в 12 километрах западнее Харькова. Бойцы, преследуя отступающих фашистов, вышли к перекрестку дорог, где был дом лесника, занятый немцами. Здесь рота залегла, а Бабак с несколькими автоматчиками пополз к дому.

Группе разведчиков удалось установить, что возле дома находились машины, охраняемые немецкими солдатами. Недалеке стояла еще одна машина, от которой тянулись провода. Это, очевидно, был узел связи.

«Здесь размещается штаб», — решил Бабак. В ходе разведки созрел дерзкий план. Лейтенант вернулся и приказал первому взводу обойти дом лесника с востока, второму — с запада, а третьему — атаковать с фронта.

В это время к дому подъехала легковая машина, из которой вышел немецкий офицер. Не успели гитлеровцы стать по стойке «смирно», как неподалеку от них в лесу раздалось громкое «ура», застрочили пулеметы и автоматы, в дело пошли ручные гранаты. Немцы растерялись, но вскоре открыли ответный пулеметный огонь с чердака дома и тем самым несколько приостановили наступление роты. Тогда лейтенант Бабак, взяв у сраженного бойца

Д. И. Бабак

ручной пулемет, бросился вперед, ведя огонь по гитлеровцам. Воодушевленные дерзкими действиями командира, бойцы забросали дом лесника ручными гранатами. Легковые машины противника попытались было укрыться в глубине леса, но там их встретил огонь взвода роты.

В короткой схватке рота разгромила, как выяснилось позднее, штаб 198-й пехотной дивизии немцев, уничтожив более 100 гитлеровцев, в том числе 30 офицеров. Были захвачены радиостанция и узел связи, важные штабные документы, раскрывающие систему обо-

роны вражеской дивизии на этом участке фронта.

Разгромив штаб, рота продолжала наступать в глубь обороны противника, к южной опушке леса и высоте 197,3, господствовавшей над местностью в районе Пересечной. Когда рота Бабака подходила к опушке леса, в Пересечную втягивалась колонна машин с пехотой противника.

Лейтенант Бабак принял смелое решение немедленно атаковать колонну гитлеровцев. Он развернул роту и плотным огнем пулеметов подбил головную машину, загоревшую дорогу колонне. Гитлеровцев охватила паника. Многие не успели выпрыгнуть из машин. В этом бою было уничтожено более 80 фашистов и около 20 взято в плен.

Но господствующая высота еще находилась в руках противника. К вечеру бойцам роты стремительной атакой удалось овладеть и этой высотой, о чем Бабак донес по радио командиру полка подполковнику Володащук.

Ночью 924-й стрелковый полк атаковал противника с фланга, а рота лейтенанта Бабака — с тыла. К утру полк с боем занял Пересечную и вышел к реке Уды юго-западнее Харькова.

1 ноября 1943 года лейтенант Бабак погиб смертью героя в боях на Правобережной Украине.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 17 мая

1944 года лейтенанту Демиду Ивановичу Бабаку было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Демид Иванович Бабак родился в 1911 году в селе Савинцы Оржицкого района Полтавской области. До войны работал в колхозе. На фронтах Великой Отечественной войны с 1941 года. Школа, в которой учился Бабак, носит имя Героя.

Е. Попов

«ПОЛЗАЮЩИЕ» МИНЫ

Во второй половине августа наша стрелковая дивизия с боями подошла к поселку Пересечная. Немцы были застигнуты врасплох и, не выдержав внезапной атаки, бросив снаряжение, боеприпасы и другое военное имущество, поспешно отступили в направлении города Люботин.

Преследуя противника, один из полков дивизии опередил своих соседей, узким клином выдвинулся вперед и оказался под сильным фланговым и фронтальным огнем врага. Кроме того, по данным разведки дивизии, гитлеровцы готовили танковую контратаку с целью окружения этого полка.

Помню, в то время стояла сильная августовская жара. Солнце жгло немилосердно. Полк закрепился на большом поле подсолнухов; солдаты, как кроты, зарылись глубоко в землю. Позиция полка насквозь простреливалась ружейно-пулеметным огнем противника.

Учитывая угрозу танкового удара немцев, комдив генерал Анисимов поставил перед 420-м отдельным саперным батальоном дивизии задачу — поставить на танкодоступных направлениях минные заграждения. Но эта задача оказалась невыполнимой, так как в батальоне противотанковых мин было крайне ограниченное количество. И тогда кому-то пришла идея создать «ползающее» минное заграждение из отдельных противотанковых мин.

Этот замысел заключался в следующем: по переднему краю, перед фронтом и с флангов подразделения, на расстоянии 30—40 метров друг от друга отрывались окопы, в которых располагались саперы по одному-два в каждой ячейке. Противотанковая мина с двух сторон привязывалась к тросу, концы которого находились в противоположных окопах у саперов. При появлении танка мина с той или другой стороны подтягивалась под его гусеницы.

Как сейчас, вижу золотое поле подсолнухов, окопы и притаившихся в них саперов. Слышится грохот атакующих танков. Нахожусь в окопе, в центре цепочки, созданной из «ползающих» мин, переживаю и надеюсь, что саперы не подведут, народ боевой, обстрелянный. Вдруг раздается взрыв мины. Поднимаю из окопа голову и вижу: недалеко завертелся на одном месте танк с черным крестом на боку, — у него сорвана гусеница.

В течение двух-трех дней боев немцам так и не удалось сбить наш передний полк с его позиции. Саперы за это время подорвали еще несколько танков. Вскоре подошли другие полки, фронт выровнялся, и началось успешное наступление дивизии на город Люботин.

М. Козлов

У РОДНОГО ПОРОГА

В августе наша дивизия с боями двигалась на запад. Впереди — мой родной город Харьков. Вот уже знакомые места: Казачья Лопань, Дергачи, Полевая.

Там, в Харькове, я родился, учился, работал. Там моя семья, дети, жена! Тяжело на душе. Увижу ли их? Живы ли?

Наша дивизия подходила к городу с северо-западной стороны. Вижу, горит здание Госпрома, столбы дыма висят над Харьковом. Слышны сильные взрывы. Боясь окружения, фашисты поспешно уходят из города и пытаются уничтожить то, что еще уцелело. Но на подступах к нему они упорно сопротивляются с целью задержать наше наступление.

На земле и в воздухе идут ожесточенные бои. В это время дивизия получает задание перерезать железную дорогу на Полтаву.

Наконец радостная весть — гитлеровцы выбиты из Харькова. Москва салютует доблестным советским войнам. Город освобожден!

Но враг укрепился у Люботина и бросает в контратаку танки. В перерыве между боями я прошу у начальника связи 787-го артполка отпустить меня в город — разыскать семью. Разрешение получаю только на сутки.

Товарищи, зная, что у меня в городе семья, снабжают буханками хлеба, салом — вези для детей. Еду на Холодную гору и вижу, как дымят развалины домов, разрушен Южный вокзал, взорван мост.

Гитлеровцы еще в Ледном. Их танки ведут огонь по Комсомольскому шоссе. Нас предупреждают — быстрее проезжайте.

Подъезжаю к дому. И... о радость — все живы: дети, жена. А ведь сколько было пережито. Как тут бедствовали, мучились люди! Вот повезло же мне — счастье освобождать свой город, свою семью! Но дома в моем распоряжении только сутки. Идут бои — нужно возвращаться в часть.

Г. Легостаев

ДОРОГА НА ХАРЬКОВ

Записки комдива

Вспоминаются упорные наступательные бои, которые дивизия вела за освобождение города Белгород, а затем и Харькова. Тогда она входила в состав 53-й армии, командовал которой генерал И. М. Мангаров.

В первых числах августа после мощной артиллерийской подготовки, преодолев проволочные заграждения на металлических кольях и сплошные минные поля противника, дивизия перешла в наступление.

Сбитые с рубежа Редин и дороги на Вислое гитлеровцы под давлением наших частей главными силами отходили в южном и юго-западном направлениях, прикрывая отступление отрядами пехоты с танками и артиллерией.

На рассвете 4 августа наш усиленный передовой отряд овладел Раковым. Главные силы полка в составе двух стрелковых батальонов к вечеру этого дня захватили Казанский и продолжали развивать успех в направлении переправ у Стрелецкого. В течение ночи батальоны вели упорный бой за переправы, а на рассвете 5 августа устремились в южном направлении, преследуя отступающих гитлеровцев. В этих боях отличились полки под командованием подполковника Павлюка и майора Глибка.

Прорыв обороны противника в районе Редина и стремительное продвижение дивизии вперед способствовали успешному завершению операции по освобождению Белгорода. Наша дивизия получила благодарность Верховного Главнокомандования и Военного совета Степного фронта.

Умелая партийно-политическая работа в частях дивизии проводилась в ходе наступления партийными организациями под руководством политотдела во главе с подпол-

ковником Михаилом Дмитриевичем Колодяжным. Коммунисты шли в первых рядах наступающих и своим мужеством подавали пример выполнения воинского долга перед Родиной. Эти дни ожесточенных боев характеризовались массовым героизмом бойцов и офицеров.

3 августа враг предпринял отчаянную попытку вернуть во что бы то ни стало одну высоту и лес, расположенный южнее. Это были ключевые позиции на шоссе Курск — Харьков. Лучи жаркого летнего солнца освещали картину боя на высоте и в лесу. Батальон немецких огнеметных танков, выбрасывая струи яркого огня длиной до 60 метров, как на параде, двигался вдоль опушки леса прямо на высоту. За танками шли густые цепи немецкой пехоты.

Командующий Степным фронтом генерал И. С. Конев и командующий 53-й армией генерал И. М. Манагаров, которые находились в это время на наблюдательном пункте в районе одного из полков дивизии, прильнули к биноклям и увидели, как сначала один, затем второй... пятый... восьмой танки противника остановились и вспыхнули. Это гаубичные батареи открыли беглый огонь по цепям вражеской пехоты.

Первая контратака гитлеровцев была отбита. Через 40 минут началась вторая, затем третья. Наши артиллеристы метко и быстро поражали цели.

Генерал Конев, обращаясь к командарму генералу Манагарову, спросил:

— Кто это так удачно сметал артогнем вражеские цепи?

— Третий дивизион 787-го артполка, — ответил Манагаров.

— Награждаю офицеров третьего дивизиона орденами Красного Знамени, — сказал командующий фронтом, — а вы, товарищ Манагаров, своей властью наградите солдат и сержантов дивизиона.

Мой адъютант капитан Щеглов тут же составил текст приказа о награждении отличившихся артиллеристов, и через несколько дней им были вручены ордена Красного Знамени и Красной Звезды.

После освобождения Белгорода войска Степного фронта перешли к преследованию противника, отступавшего в направлении Харькова.

К утру 15 августа на нашем участке сложилась такая обстановка: передний край проходил по северным окраинам Полевой и Семеновки, северным скатам высоты 183,6

и южной окраине Лужка. Командующий армией поставил перед нами боевую задачу — силами двух полков в направлении леса и поселка Пересечная, что юго-западнее Харькова, разгромить противника и ударом с запада содействовать освобождению Харькова.

Противник предпринял яростные контратаки с целью вернуть утерянные рубежи. Однако все его попытки потерпели провал. Подтянув артиллерию и боеприпасы, части дивизии продолжали наступление и вскоре освободили Старый Люботин.

И здесь мне хотелось бы отметить важную особенность боев на Белгородско-Харьковском направлении. Наш офицерский состав стал глубже понимать поставленные перед ним боевые задачи. Творчески решая их с учетом малейших изменений в обстановке, каждый командир стремился развивать даже незначительный тактический успех своего подразделения, если этот успех соответствовал общей идее боя.

Итак, наши наступающие части встретили сильный рубеж обороны в районе Полевая — Семеновка, которым враг прикрывал северо-западную часть Харькова. Здесь оборонялись две пехотные и танковая дивизии немцев. Кроме того, противник располагал резервами — 13-ю пехотными батальонами. Огневых средств тоже было достаточно для активной обороны: 12 батарей шестиствольных минометов и 18 дивизионов легкой и тяжелой артиллерии, которые могли сковывать значительные силы наступающих на узком участке фронта. К тому же для обороны противника и местность была очень удобна: высоты и лесные массивы затрудняли маневр крупных сил нашей пехоты и танков, а на флангах оборонительного рубежа были устроены два мощных опорных пункта, не допускающих обхода.

Стрелковый батальон получил тогда ограниченную задачу — захватить небольшой участок леса. Ночной бой был непродолжительным. Пехота втянулась в лес, что обеспечило ей скрытность дальнейших действий. На этом направлении как раз проходил стык между двумя дивизиями противника, ранее обнаруженный нашей разведкой. Становилось очевидным, что именно здесь можно разрубить пополам рубеж вражеской обороны, чтобы затем уничтожить противника по частям.

Поскольку противник оказывал сначала незначительное сопротивление нашей пехоте, батальон старшего лей-

тенанта Мигова должен был расширить захваченный участок леса и создать выгодные условия для действий главных сил дивизии. Однако Мигов обнаружил большие возможности для смелого рывка вперед. Он понял, что здесь можно выйти на дороги, связывающие оборонительный рубеж противника с его тылом. Приняв решение, Мигов запросил по радию поддержку артиллерии на случай, если его контратакуют группы танков на дорогах. В его распоряжение была выделена противотанковая артиллерия, которая двигалась по лесным просекам.

Противник вскоре обнаружил просачивание нашей пехоты в лес и начал фланговые контратаки, стремясь закрыть образовавшуюся брешь. Но в это время был введен в бой полк, который стал выдвигаться к фланговым опорным пунктам немцев: Полевая на западе и Семеновка на востоке. Полк старался отвлечь на себя большую часть контратакующих вражеских войск, чтобы батальон старшего лейтенанта Мигова и вслед за ним батальон капитана Попкова смогли в короткий срок полностью парализовать неприятельский тыл.

Нужно было в тылу у врага нарушить работу связи, создать на возможных путях отхода минные заграждения и засады. Все это в известной мере удалось сделать. Немецкое командование стало терять управление войсками на своих основных позициях. Центром особенно сильных боев стал уже ближайший тыл врага. Он бросил сюда танки, самоходные орудия, пехоту, намереваясь окружить оба наших наступающих батальона.

Но опытные офицеры Мигов и Попков учли одну особенность тактики противника: пока он имеет танки, его пехота дерется, нет танков — она отходит. Поэтому, когда разведка донесла о готовящейся контратаке, командиры батальонов предприняли все меры, чтобы нанести врагу возможно большие потери в танках. На направления вражеских контратак были высланы саперы. Они ставили мины на дорогах и просеках в лесу, и несколько немецких танков подорвалось на них.

Умелый маневр заграждениями и огневыми средствами, постоянная взаимная информация принесли успех нашим батальонам.

Этот поучительный лесной бой обнаружил тактическую зрелость всего офицерского состава батальонов. Командиры хорошо изучили местность, правильно расставили силы, выделив особые группы, отвлекавшие на себя внима-

ние противника, а также отряды для атаки. Небольшие группы нашей пехоты, как и было предусмотрено планом боя, дерзкими налетами заставили врага преждевременно развернуться в боевой порядок. Этот момент и был выбран для решительной атаки, которая завершилась полным разгромом противника.

Результат превзошел все ожидания: два батальона, инициативно действовавших в тылу врага, помогли войти в проделанную брешь сначала всей дивизии, а затем и другим общевойсковым и танковым соединениям. В создавшейся обстановке фланговые опорные пункты противника потеряли свое значение и были им брошены. Наши главные силы, энергично развивая успех, захватили плацдарм, необходимый для решительных ударов по крупной вражеской группировке, оборонявшей Харьков. Это удалось достигнуть уже на третий день боев благодаря тому, что не был упущен момент перерастания тактического успеха в оперативный.

Я подробно остановился на этом примере, чтобы показать, насколько важно и ценно стремление командира, выполняющего ограниченную задачу, видеть перспективы успешного развития наступательной операции в целом. Такое стремление и есть то новое, что приобрел в ходе предыдущих сражений офицерский состав нашей дивизии. Это новое является важнейшим составным элементом тактики маневрирования. Когда командир осуществляет, скажем, обход или охват, который ему удастся, он неизменно должен спрашивать себя: возможен ли успех больший, чем достигнутый? Здесь на первый план выступает смелая и разумная инициатива, которая всегда найдет поддержку у вышестоящего командира.

Вскоре после прорыва обороны на рубеже Полевая — Семеновка и разгрома противника в лесу западнее Харькова на мой наблюдательный пункт приехал командующий фронтом генерал И. С. Конев. В разговоре он высказал мысль о том, что за успешное выполнение боевых заданий дивизия заслуживает самой высокой оценки...

Командующий фронтом уехал. А через несколько дней, когда Харьков был освобожден, последовал Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении дивизии орденом Красного Знамени. Дивизии было присвоено почетное наименование «Харьковская». Личный состав получил благодарность Верховного Главнокомандования.

Г. Анисимов

«БОЕВАЯ КРАСНОАРМЕЙСКАЯ»

По страницам дивизионной газеты

СЛАВА ГЕРОЯМ

Боец Василий Памятеев первым прыгнул в немецкую траншею. Одного гитлеровца он застрелил в упор, второго свалил штыком, но не успел вытащить штык, как на него напал третий фашист. Памятеев сумел сбросить его и, так как в руках ничего не было, вытащил из-за голенища сапога бритву и полоснул ею врага.

Два друга-уральца Огнев и Пьянков одними из первых преодолели бруствер вражеской траншеи. Расстреливая гитлеровцев, уничтожая их штыками и прикладами, они показали пример своим товарищам по оружию.

*Младший политрук С. Тельканов
23 октября 1942 г.*

СТРОКИ ИЗ ПЕРЕДОВОЙ СТАТЬИ

Штурмовая группа, которую возглавлял политрук роты Иван Подкопай, первой подобралась к окраине села и начала выкуривать немцев из домов. Младший лейтенант Серов на подступах к селу подбил фашистский танк. Лейтенант Кулеш в рукопашной схватке застрелил десять гитлеровцев.

24 ноября 1942 г.

НАКАЗ ДОЧУРКИ ВЫПОЛНЮ

Окруженные фашисты упрямствуют и не хотят сложить оружие. Ну что ж! Смерть им! Так приказывает нам Родина. Этого ждут наши родные и близкие.

На днях я получил письмо от своей дочурки Оли. Она пишет: «Дорогой мой папочка! Бей сильнее фашистов и поскорее с победой приезжай домой». Я выполняю приказ Родины, наказ моей дочурки.

*Лейтенант Василий Кладовщиков
27 декабря 1942 г.*

РАЗВЕДЧИКИ В ПОИСКЕ

При свете ракет все замирают. Потом в темноте слышны еле уловимые шорохи и приглушенный говор.

— Действовать по команде, смело, — передает по цепочке старший сержант Савосин.

Вот его группа достигла отдельно стоящего танка и прильнула к земле, вглядываясь в предрассветную снежную даль. Где-то поблизости немецкий окоп. Гитлеровцев там нет. Они в блиндаже. Наконец показались темные каски. Идет большая группа немцев. Положение критическое, но разведчики не растерялись.

Пономарев забросал окоп и находящийся неподалеку блиндаж гранатами. Климентович ударил по фашистам из автомата.

Самым удачливым был Улов. Ему оказал сопротивление немецкий фельдфебель. Завязалась борьба. Подоспел Савосин, и они вместе взяли «языка». Фельдфебеля доставили в расположение наших разведчиков.

*Старший лейтенант Орловский
1 января 1943 г.*

СЫНЫ УЗБЕКСКОГО НАРОДА

Шел ожесточенный бой. Вонны поднялись в атаку.

— Вперед! — послышался голос младшего лейтенанта Таджибаева.

Бойцы узбеки ринулись за своим отважным командиром, огнем и штыком прокладывая себе дорогу.

Вместе с Таджибасвым первыми ворвались в немецкие блиндажи Сулейманов, Кобылов, Кудайбергенов. Завязалась ожесточенная рукопашная схватка. Гитлеровцы не выдержали и подняли руки вверх.

Смертью героя в бою пал командир Таджибаев.

— Отомстим за нашего товарища, — после боя поклялись вонны.

Слово свое вонны сдержали. На следующий день гитлеровцы попытались атаковать позиции роты, но сильным ружейно-пулеметным огнем были отброшены, понеся большие потери.

*Капитан С. Кантарбеков
5 января 1943 г.*

ЛЕЙТЕНАНТ КЛАДОВЩИКОВ

Осветив окопы и землянки,
Вверх ракета белая взвилась.
Впереди загрохотали танки —
Значит, контратака началась.
Пусть идут, коль мало были биты,
Хватит миц, снарядов и штыков.
В этот миг спокойно, деловито
Летит пулемет Кладовщиков.
И утараил вдалеке чеканно, сухо
Смертоносной дробью пулемет.
Началась такая заваруха,
Что сам черт ее не разберет.
Пули роют снег у пулемета,
Вьются, как шмели, над головой.
Лейтенанту жаркая работа —
С честью он закончил этот бой.
Пусть еще полезут оголтело —
Хватит миц,
снарядов и штыков...

Будем истрелять

фашистов смело,
Так, как лейтенант Кладовщиков.

*Сергей Тельканов
12 февраля 1943 г.*

СТРАНА НАГРАЖДАЕТ ОТВАЖНЫХ

Сегодня у нас торжественный день — отличившимся в сражениях бойцам и командирам вручают правительственные награды. Товарищ Бабенков зачитывает приказ о награждении. К столу подходят один за другим мужественные люди, сыны великого советского народа, прославившиеся в боях за Сталинград.

Четким шагом идет младший лейтенант Кошцюзьян. Он храбро сражался с врагом, его минометчики точно били по цели, и ему вручают две награды — орден Красной Звезды и медаль «За боевые заслуги».

Апуфриев на своих плечах выносил раненых бойцов и командиров, перевязывал их горячие раны, спасал жизни. Его боевые дела отмечены орденом Красной Звезды.

После вручения наград от имени награжденных выступил младший лейтенант Гринев и старший лейтенант Куртов. Они поблагодарили партию и правительство за высокие награды и поклялись смело сражаться с врагом.

*Заполнитель М. Бабинцев
7 марта 1943 г.*

ПОДВИГ ПЕХОТИНЦА

Альбек Испулов уже многие дни ведет бой с врагом. Он штурмовал окопы, бросался в смелые атаки, лежал под ураганным огнем, продолжая стрелять. За меткость ему дали снайперскую винтовку.

Вскоре казах Испулов получил важную боевую задачу. Надо было в темноте выдвинуться вперед, залечь в засаде, выследить вражеского снайпера и уничтожить его. Тихо лежит он, замаскировавшись, у куста. Проходит час, другой.

Вдруг впереди появились вражеские автоматчики. «Не стану стрелять, — думает Альбек, — подожду, когда выявит себя снайпер».

Снайпер чуть приподнял голову. Испулов выстрелил и понял, что пуля достала врага.

Но автоматчики ползут. Они близко. И тогда Альбек перенес огонь на них. Группа автоматчиков, понеся потери, вынуждена была отступить.

*Лейтенант В. Петльованный
6 июля 1943 г.*

ЗА ХАРЬКОВ — В БОЙ

За Харьков — в бой!

Вперед, полки,
За честь поруганного края!
В огне каленые штыки
Несет пехота, наступая.
Чей слышен стон из-за реки?
В неволе мать. В ярме сестрица.
Так поспешим вперед, дружки,
Врагу от мстителей не скрыться.

В груди солдата твев гори,
Чтоб шел, усталости не зная.
Убей врага! И — повтори,
И снова — бей! Мы наступаем.

*Виталий Петльованный
11 августа 1943 г.*

ПАПА, ПАПА...

Мы проходили по селу, где враг
Разрушил жизнь,
испепелил жилище,
Где смерть гуляла
по полям вчера,
Где каждый двор —
кладбище, пепелище.
Березы, напоенные свинцом,
Указывали ветвями на запад...
И девочка увидела бойцов,
Ручонками всплеснула:
— Папа, папа!
Что довелось познать
ей в жизни той?

Какие в душу ей запали тени?
И перед девочкою-сиротой
Наш командир
склонился на колени.
На горизонте города горят.
Мы уносили ненависть на запад.
А за плечами:
— Папа, папа, папа!..
Там занималась алая заря.

*Игорь Гребцов
1 сентября 1943 г.*

ОТ ДНЕПРА ДО ГРАНИЦЫ

4

(ОКТЯБРЬ 1943 — АВГУСТ 1944)

*Переправа, переправа!
Берег левый, берег правый.
Снег шершавый, кромка льда...
Кому память, кому слава,
Кому темная вода...*

Александр Твардовский

ДЕСАНТНИКИ

Еще и еще раз просматриваю документы архива, газетные вырезки, письма друзей. Пытаюсь восстановить подробности боя в ту далекую осеннюю ночь.

...Дивизия наша приближалась к Днепру. Это была первая столь значительная водная преграда на пути. Мысли командиров занимал главный вопрос: как форсировать Днепр с ходу?

На командном пункте 932-го полка собрались офицеры стрелкового батальона капитана Некрасова.

— Нашему полку, — обратился к ним командир майор Глибко, — выпала особая честь — первыми ступить на другой берег многострадального Днепра. Не стану скрывать — задача нелегкая. Прибрежная часть правого берега песчаная. Там растет мелкий кустарник. Но чуть дальше — гряда высот, которые занимает враг. Вот с этих высот и надлежит выбить противника. Ваш батальон, капитан Некрасов, отныне единая десантная группа, нацеленная на форсирование. Первыми переправляются бойцы стрелкового взвода лейтенанта Деманова и пулеметного взвода младшего лейтенанта Гончарова. Прошу к карте...

Уже потом, когда были оговорены все подробности десантной операции, Глибко полуофициально обратился к Некрасову:

— Ну как, сибиряк, задача ясна?

— Ясна, товарищ майор.

Это неожиданное «сибиряк» вместо «капитан» вызвало из памяти далекий девятнадцатый год, когда Николке Некрасову было всего-навсего четыре года. Его отец, красный партизан, арестованный колчаковцами, навсегда прощаясь с близкими, поднял тогда сына на руки, шепнул: «Не вешай носа, сынок. Вырастешь — хорошая жизнь бу-

дет, и ты ее береги лучше всего!» Навсегда врезались в память эти слова отца. Впервые остро ощутил их силу Николай в то горькое утро, когда через всю страну прокатилось слово «война». То, что ценой собственной жизни завоевал его отец, отныне защищать ему.

На командном пункте полка, получая новую боевую задачу, Некрасов еще острее почувствовал свою личную ответственность за исход предстоящего боя. Он подумал: «Что ж, сибиряк, тебе теперь отвечать за большое дело. Не посрами отца своего, сибиряк».

Остаток этого и весь следующий день Некрасов, Деманов и Гончаров вели наблюдение за правым берегом Днепра. Внимательно изучая обстановку, они прикидывали в уме: откуда следует начать переправу и куда, с учетом течения реки, высадиться. Память вбирала в себя расположение каждого кустика, каждого бугорка будущего пятка.

И вот наступило время действовать. Майор Глибко прибыл на берег, чтобы лично руководить переправой.

Над рекой опускалась первая октябрьская ночь. В лодку неслышно ступил лейтенант Деманов, за ним младший лейтенант Гончаров. У пулеметов примостились два Ивана — русский сержант Гусев и украинец рядовой Островерх. Заняли свои места автоматчики узбек Харис Адельшин, казах Ялдаш Разметов и украинец Иван Шептуха.

— Да у вас тут интернационал, — пожимая всем руки, заметил Глибко.

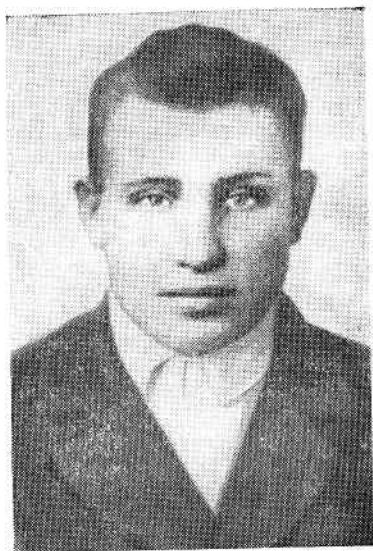
— В этом наша сила, товарищ майор, — ответил Деманов.

Через несколько минут десантников поглотила ночная мгла. Заранее смазанные уключины весел не издавали никаких звуков. Было тихо и тревожно. Но вот днище лодки коснулось песчаной отмели.

— Пулеметы на берег! — шепнул Деманов.

Гусев и Островерх уже выгружали свое грозное оружие. Следом за ними на берег выбрались автоматчики. Все они тотчас заняли оборону.

Еще раз сориентировавшись и убедившись, что прямо перед десантниками нет огневых точек врага (немецкий пулемет вел огонь чуть выше по течению, где находилась вторая лодка), Деманов и Гончаров решили двумя группами зайти противнику в тыл, одновременно ударить кинжальным огнем и выбить гитлеровцев из окопов...

И. Т. Гончаров

Неожиданно вспыхнувшая на правом берегу перестрелка со всей очевидностью убедила командира полка, что первая десантная группа успешно высадилась и только что завязала бой. Глибко приказал минометчикам и артиллеристам поддерживать наступательный порыв десантников. Мины и снаряды начали вспахивать землю на противоположном берегу, неподалеку от пулемета, возле которого был Гончаров.

«Так они и нас с Островерхом задепут, — мелькнуло в сознании Гончарова. — Надо, чтобы наш «максим» подал артиллеристам голос». Гончаров дал длинную очередь в сторону немцев. Вско-

ре туда же был перенесен огонь артиллеристов и минометчиков. «Поняли», — обрадовался Гончаров.

Бой в течение ночи разгорался трижды. Занятые немецкие окопы оказались удобными, чтобы отражать атаки гитлеровцев как со стороны впереди лежащих высот, так и с флангов. Но десантники понимали, что с рассветом немцы предпримут более ожесточенную атаку. К ней надо готовиться сейчас. Верили они и в то, что с левого берега их поддержат минометно-артиллерийским огнем. Значит, надо продержаться день — вечером придет подкрепление.

Деманов и Гончаров осмотрели передний край обороны, приказали подготовить запасные окопы, укрепили фланги.

С восходом солнца контратаки гитлеровцев возобновились. Пулеметчики и автоматчики действовали умело. Точно была наша артиллерия и минометы. В целях дезориентации и отвлечения огня противника от горстки десантников в ряде мест предпринималась ложная переправа.

Вечерело. Боеприпасы у десантников кончались. В это

время был ранен в руку Деманов. Получили ранения Островерх и Адельшин. Деманов подозвал Гончарова.

— Если выйду из строя, возглавишь десант. А пока мы с тобой должны находиться ближе к своим флангам. Справа и слева, как думается мне, назревает атака противника.

Между тем и гитлеровцы поняли, что перед ними небольшая группа смельчаков, что до прихода темноты ее надо столкнуть в воду. Но как это сделать? Ударом с флангов?

Гончаров лег за пулемет. Он решил подпустить немцев поближе и бить на верняка. Враг рядом. Хорошо различимы полупьяные глаза фашистов. Гончаров плавно нажимает на гашетку пулемета...

А в это время на другом фланге Деманов, также подпустив врага поближе, командует:

— Гранаты к бою!

Пулеметные очереди и частые разрывы гранат в самой гуще врагов делают свое дело. Немцы бегут. Но не молчит и немецкая артиллерия. Яростный огонь обрушилась она на горстку наших воинов. Деманов тяжело ранен в голову. Он теряет сознание.

Огонь! Огонь! — командует Гончаров, появляясь то на правом, то на левом фланге обороны.

С наступлением темноты снова оживает Днепр. Уже не одна, а много лодок устремляется на противоположный берег. В первой из них — капитан Некрасов. Он первым достигает окопов своих бойцов.

— Деманова — в лодку и на тот берег! — приказывает комбат. — Остальные — за мной, вперед!

Гитлеровцы, не ожидавшие нашей ночной атаки, оставили позиции на ближних высотах. За ночь весь 932-й полк был переброшен на правый берег. Враг отступил еще дальше.

Н. В. Некрасов

Начала работать постоянная ночная переправа. На пяточке, рядом с пехотинцами и пулеметчиками, появились артиллеристы и минометчики.

...Все десантники были отмечены наградами. Деманову и Гончарову Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 февраля 1944 года, а Некрасову Указом от 17 мая 1944 года было присвоено звание Героя Советского Союза.

Георгий Георгиевич Деманов родился в 1915 году в селе Кудеярово Лукояновского района Горьковской области. До войны работал трактористом и токарем в МТС. Умер в 1944 году.

Иван Тимофеевич Гончаров родился в 1913 году в деревне Пономаревка Сараевского района Рязанской области. До войны работал в колхозе, затем в Москве на заводе. Погиб 4 апреля 1944 года.

Николай Васильевич Некрасов родился в 1915 году в селе Верх-Алеус Ордынского района Новосибирской области. До войны работал, а затем служил в армии. После войны был райвоенкомом и председателем областного комитета ДОСААФ. Умер в Новосибирске в 1969 году.

И. Гребцов

БОЙ У ДНЕПРА

26 сентября 1943 года санитарная рота 924-го полка остановилась на ночной привал возле села Гноево, что на Полтавщине. Команда пожилого солдата Суховеркова соорудила палаточный городок на лугу, в котором мы, выздоравливающие, переночевали.

На следующий день утром меня вызвал заместитель командира роты по политчасти капитан Бавин.

— Как здоровье? — спрашивает.

— Хорошо, товарищ капитан, — отвечаю. — Готов выполнять любое задание.

Капитан Бавин выдал мне справку о ранении, объяснил, как найти взвод 45-миллиметровых пушек 924-го полка.

За селом Кобелячек я и разыскал свой взвод. Разговор у всех только об одном: скоро подойдем к Днепру, скоро новые бои.

И вот мы на берегу великой реки. Перед нами остров, густо заросший лозой, осинами и березами.

Под вечер расположились в сосновом лесу. Поступил строжайший приказ: соблюдать маскировку. Как только над рекой опустились вечерние сумерки, мы на руках выкатили пушки к воде и на плотах переправили их на остров. Туда же были доставлены ящики со снарядами.

Приближалась ночь. Мы знали, что небольшая группа десантников из соседнего полка вот уже почти сутки ведет бой на правом берегу Днепра. Понимали, что они ждут нашей помощи.

Над рекой вспыхивают ракеты, проносятся огненные трассы пулеметных очередей. Днепр, о котором так много хороших слов сказал Гоголь, сегодня суров. Почти два года он был немым свидетелем людского горя и слез.

Получаем последние наставления. Нам объясняют, как будем переплывать главное русло реки, как лучше крепить пушку. Без суеты скатываем пушку по трапу на лодку, грузим ящики со снарядами. Наконец саперы налегли на весла.

Когда выплыли на середину реки, перед нами открылась картина ночного боя. Вся гладь реки зловецю освещалась ракетами. То здесь, то там рвались мины и снаряды, вздымая вверх столбы воды. Раздавались крики.

Но вот наша лодка достигла правого берега. Соскакиваем прямо в воду, пушку выносим на руках и оттаскиваем подальше. Выносим ящики со снарядами. Метрах в тридцати от реки, в белом сыпучем песке, поросшем красноталом, делаем углубление для пушки, что-то похожее на окопы для себя.

На этом участке мы вели бои до 6 октября. Неподдалеку от нас располагался командный пункт начальника штаба полка капитана Изотова, вернувшегося в родную часть после ранения и лечения в госпитале. 6 октября, получив подкрепление, полк перешел в наступление. Мы поддержали атаку пехотинцев артогнем. К вечеру враг оставил свои позиции.

Рядом с нами на пяточке мастерски действовали два орудийных расчета младшего лейтенанта Михаила Трошина. Артиллеристы хорошо маскировались, часто меняли позиции, надежно поддерживали нашу пехоту в критические моменты.

Ныне Михаил Афанасьевич Трошин живет и работает в Москве. И когда во время встреч ветеранов заходит разговор о той далекой поре, о пяточке на Днепре, он не без улыбки вспоминает и такой эпизод:

— Дело было в конце первой декады октября. Командование артполка разрешило нам в одну из ночей переправиться на левый берег и помыться в бане. Помню, дул сильный ветер. Было тихо. А когда наша лодка приблизилась к берегу, мы были неожиданно накрыты невесть откуда прилетевшими снарядами противника. Лодку опрокинуло, все очутились в воде. Глубина — метра три. Я пошел ко дну. И только когда ноги коснулись тверди, огромными усилиями сбросил шинель и сапоги и выплыл на поверхность. Так, еще до бани все мы изрядно намокли в холодной воде.

...Сыпучий песок теперь позади. Приводим оружие и себя в порядок. Я постриг чуб, не зная, что на следующий день осколок немецкой мины испортит мне стрижку.

А произошло вот что. Против наших двух «сорокапятков», которыми командовал старший лейтенант Хребтов, немцы бросили два танка. Соседнее с нами орудие открыло огонь. Поторопились, видимо, наши товарищи и обнаружили себя. Через мгновение орудие было накрыто огнем танков, пушка разбита, расчет погиб.

Немецкие танкисты, ободренные успехом, пошли напролом. Мы пока молчим, да и кустарник мешает стрелять. Когда же один из танков неожиданно подставил бок, последовала команда сержанта Корина: «Огонь!» Головной танк вспыхнул. Второй, не разворачиваясь, стал пятиться назад.

Затем начался интенсивный обстрел нашей позиции, во время которого я был ранен в голову. В этом же бою был контужен старший сержант Кирицкий, впоследствии командир нашего стрелкового полка. Поздно вечером меня переправили на левый берег, и ночью с помощью Владимира Кирицкого я был доставлен в медсанбат нашей дивизии.

И. Терещенко

«КОТОРОМУ ВЕЧНО ПЯТНАДЦАТЬ»

Возле поселка Онуфриевка, что на Кировоградщине, на опушке леса стоит обелиск, на нем мемориальная доска с надписью:

«Остановись, путник! Поклонись всем сердцем юноше, которому вечно пятнадцать.

За твою мечту, за твое безоблачное детство

23 ноября 1943 года на этом месте, при освобождении Онуфриевки, повторив подвиг Александра Матросова, отдал свою жизнь Анатолий Комар».

...Родился Толя Комар в 1928 году в городе Славянск Донецкой области. Его отец Григорий Родионович и мать Ольга Феофановна были учителями. Учился Толя отлично. А когда началась война, его отец ушел на фронт, а мать с детьми переехала к родственникам на Полтавщину. Здесь Толя на себе испытал произвол гитлеровцев. За оказанную нашим раненым летчикам помощь фашисты четыре дня держали его в комендатуре, издевались над ним и сильно избили.

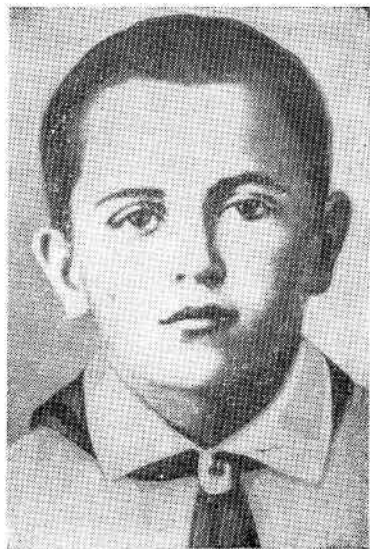
В сентябре 1943 года наша дивизия вела успешные наступательные бои на территории Полтавской области. Здесь воины 332-й от-

дельной разведроты встретили пионера Толю Комара, который, хорошо зная местность, вывел их в тыл противника. Разведчики внезапным ударом разгромили фашистский штаб и захватили ценные документы.

Командир разведроты капитан Бацин крепко пожал Толе руку и поблагодарил за помощь. Юноша обратился к нему с просьбой оставить его в роте. Начальник разведки дивизии майор Храптович распорядился зачислить юного добровольца разведчиком. Так началась полная опасности и смелых рейдов в тыл врага фронтовая жизнь Толи Комара.

Он сразу же подружился со старшим сержантом Тараскиным и сержантом Полозовым. Это были смелые и опытные разведчики. Об их подвигах не раз писала фронтовая газета. Особенно любил Толя слушать рассказы о фронтовых приключениях веселого и храброго Владимира Дмитриевича Тараскина, впоследствии ставшего полным кавалером ордена Славы.

В конце сентября 1943 года наша дивизия вышла к Днепру южнее города Кременчуг и получила приказ форсировать реку. Для определения района предстоящей пе-

Анатолий Комар

В. Д. Тараскин

реправы были посланы разведчики — сержант Полозов и рядовой Комар. Целые сутки вели они наблюдение, как говорится, под носом у фашистов. Были собраны необходимые данные о противнике, за что сержанта Полозова наградили орденом Красной Звезды, а Толя получил свою первую боевую награду — медаль «За отвагу».

В первых числах октября части дивизии форсировали Днепр. Начались тяжелые кровопролитные бои по расширению плацдарма.

Толя всегда охотно выполнял любое боевое задание. Переодевшись в залатанный полушубок, с котомкой за плечами, ходил он в тыл противника. Фашистам было невдомек, что худенький веснушчатый паренек — советский разведчик.

В ночь на 23 ноября, когда наша дивизия вела бои восточнее райцентра Онуфриевка Кировоградской области, в тыл противника была послана группа разведчиков во главе с младшим лейтенантом Колесниковым. В этой группе были Толя Комар и его наставник Владимир Тараскин.

Около трех километров проползли разведчики по грязи, в темноте, под дождем. Когда немецкие траншеи остались позади, разведчики наконец поднялись и начали углубляться в тыл противника. Но неожиданно заметили легковую машину. Колесников разделил группу на две части и приказал залечь по обеим сторонам дороги.

Как только машина поравнялась с разведчиками, в нее с двух сторон полстели гранаты. Четыре фашиста были уничтожены. В машине оказалась отличная находка — топографическая карта с указанием расположения штабов, наблюдательных пунктов и огневых средств противника. Этот документ был лучше всякого «языка», и Колесников принял решение срочно возвращаться.

При подходе к линии фронта немцы обнаружили разведчиков и начали их окружать. Дорогу к нашему перед-

нему краю преградил огонь вражеского пулемета, который не давал возможности подняться с земли. Над группой разведчиков нависла смертельная опасность. Тогда Толя незаметно пополз к вражескому пулемету и бросил гранату. Но как только разведчики поднялись, пулеметная очередь вновь прижала их к земле. Толя, спасая своих товарищей, поднялся во весь рост и бросился к пулемету. Одного фашиста он убил из автомата. Будучи смертельно раненным, бросил гранату и накрыл своим телом вражеский пулемет.

В письме к матери героя командир разведроты, друзья и товарищи Толи писали: «В боях за нашу Родину против немецко-фашистских захватчиков героически погиб Ваш сын — Комар Анатолий Григорьевич. Погиб смелый воин, наш хороший друг и товарищ по оружию. Родина никогда не забудет его имени, нашего юного солдата с сердцем воина, отважного защитника Отчизны». За этот героический подвиг Толя Комар был посмертно награжден орденом Отечественной войны I степени.

Украинский народ свято чтит память о своем сыне, отдавшем жизнь за свободу и независимость Родины. Имя Анатолия Комара присвоено одной из славянских школ и многим пионерским отрядам школ Украины, а также улицам города Славянск и поселка Онуфриевка.

В Мурманском пароходстве на борту одного из теплоходов красуется имя «Анатолий Комар». В Славянске Толе воздвигнут бронзовый памятник. Следопыты Онуфриевской средней школы отыскивали место, где был похоронен юный герой. Его прах перенесен и с почестями перезахоронен в центре поселка, а на месте гибели возведен обелиск.

А. Пилипенко

РАЗВЕДЧИК КОМАР

Отшумит огневая година,
Битв жестоких и грозных пора,
Но всегда, как любимого сына,
Будет помнить и чтить Украина
Анатолия Комара.

И не раз боевые знамена
Над могилой приспустят полки.
Люди головы склонят в поклонах,
Пронесутся над ней ветерки,

И чудесным лазерным светом
Вечера засверкают над ней,
И украинским ласковым летом
Пролетят косяки журавлей.

И в свободных селеньях девчата
Соберутся, споют на заре
О немеркнувшей славе солдата,
О разведчике Комаре.

Как в бою он спокойно и смело
Пулей меткой фашиста убил,
Как второго стремительно телом
С пулеметом к земле придавил.
Пулемет замолчал, а ребята
Били нечисть и в этом бою...
Смертью воина, смертью солдата
Пал Комар за Отчизну свою.

Отшумит огневая година,
Отбушует военный пожар.
Будет помнить всегда Украина,
Как сражался разведчик Комар.

Сергей Тельканов

ВО ИМЯ РОДИНЫ

Будучи начальником штаба 932-го полка, Юрий Киприанович (Киприянович) Глибко показал себя грамотным, энергичным и мужественным офицером.

Однажды солдаты полка в боях под Сталинградом захватили немецкую пушку и снаряды к ней. Майор Глибко приказал развернуть пушку в сторону противника и открыть огонь. На следующий день во фронтовой газете появилась статья «Из пушки врага по врагу», в которой рассказывалось о подвиге офицера Глибко.

Когда сражение под Сталинградом завершилось разгромом немцев, Юрий Киприанович с радостью писал отцу и матери: «Дорогие тато и мама! Наконец-то и на нашей улице праздник. Мы разгромили фашистскую армию Паулюса. Знаете, я впервые за всю свою фронтовую жизнь выспался досхочу».

В июле 1943 года майор Глибко был назначен на должность командира 932-го полка. Полк под его командованием участвовал в боях за Белгород и Харьков, первым из частей дивизии форсировал Днепр и вел успешные бои по

закреплению и расширению захваченного плацдарма. В этих тяжелых боях Глибко умело направлял действия полка на успешное выполнение сложной боевой задачи. Личным примером он воодушевлял своих подчиненных на ратные подвиги.

В конце 1943 года, когда наши войска вели бои под Кировоградом, фашистское командование перебросило несколько танковых и механизированных дивизий с запада и, сосредоточив их в этом районе, предприняло попытку нанести контрудар и приостановить продвижение наших частей. Дивизия тогда вела бои в районе села Федварь. Фашисты

Ю. К. Глибко

предпринимали яростные контратаки, пытаясь прорваться к поселку Елизаветградка.

Утром 31 декабря на боевые позиции 932-го полка обрушилась вражеская пехота, действия которой поддерживались семью танками. Солдаты и офицеры приняли неравный бой.

Чем больше накалялась боевая обстановка, тем собраннее был командир полка. Хорошо зная, что немецкая пехота одна не представляет грозной силы, Глибко решил прежде всего уничтожить вражеские танки. Две гитлеровские машины были подбиты огнем противотанковых ружей, но остальные все же прорвались. Воины полка сражались стойко и мужественно. Они свято выполняли приказ командира: «Ни шагу назад!»

Учитывая, что танки из-за глубокого снега не смогут быстро маневрировать, Глибко приказал выкатить полковую артиллерию на прямую наводку. Противник непрерывно вел артиллерийский и минометный огонь, снаряды рвались в расположении наших позиций. Когда до фашистских танков осталось не более 700 метров, Глибко, находясь на огневой позиции батареи, дал команду «Огонь!». Пушки ударили залпом. Над передним танком вспыхнуло

яркое пламя, и он остановился. Через некоторое время остановились еще две подбитые машины. Остальные повернули назад. Разделавшись с танками, бойцы атаковали вражескую пехоту.

— За Родину! Вперед! — услышали они голос командира полка.

Через несколько минут завязалась рукопашная схватка. Не выдержав ее, фашисты в панике бежали. В конце боя осколок вражеского снаряда оборвал жизнь майора Глибко.

В письме к отцу и матери друзья и товарищи Юрия Киприановича писали: «Мы заверяем, что за смерть Вашего любимого сына, нашего боевого друга и товарища жестоко отомстим и будем мстить врагу до тех пор, пока полностью не очистим священную землю от немецких оккупантов. Ваш сын похоронен с воинскими почестями и представлен к званию Героя Советского Союза».

Народ свято чтит память героя, отдавшего жизнь за свободу и независимость нашей Родины. Имя Глибко присвоено одной из улиц поселка Елизаветградка, возле которого он погиб, одной из улиц города Знаменка, где он был похоронен, и одной из улиц Кировограда, где в настоящее время покоится его прах. В Умани, возле сельхозинститута, установлен его бюст.

Юрий Киприанович Глибко родился в 1914 году в городе Житомир. Работал агрономом, затем учился в Уманском сельхозинституте. В 1941 году окончил Военную академию механизации и моторизации. Звание Героя Советского Союза ему присвоено Указом Президиума Верховного Совета СССР от 17 мая 1944 года.

А. Пилипенко

КАПИТАН ПОГРЕБНОЙ

Впервые с капитаном Погребным мне довелось встретиться в середине августа 43-го года, когда дивизия вела бои на подступах к Харькову. Я обеспечивал тогда радиосвязь командования 924-го стрелкового полка. Дело было поздним вечером. По лесной просеке мы двинулись в сторону дома лесника, но быстро стемнело, и мы решили ук-

рыться на крутом склоне балки. Утром был ранен начальник штаба капитан Изотов. Он, как мне припоминается, осуществлял в те часы и командование полком. В это время меня подозвал к себе молодой офицер.

— Я — капитан Погребной из отдела штаба дивизии, — сказал он. — Мне приказано командовать полком. Работает ли связь?

— Работает, товарищ капитан, — ответил я, немало удивленный тому, как быстро из штаба дивизии прибыл этот офицер.

Действовал он уверенно. Сразу же была установлена связь с батальонами. Капитан Погребной выслушивал донесения комбатов, отдавал распоряжения.

С тех пор прошло много времени, но и сейчас в моей памяти сохранились те скупые минуты, что капитан проводил у радики. Разговаривал он спокойно и в то же время очень заинтересованно. Ему надо было знать все, что делается впереди, на правом или левом флангах полка. В его распоряжениях чувствовалась сила. Когда обстановка осложнялась, он не кричал, как это делали некоторые командиры, а, спокойно взвесив все плюсы и минусы развивающихся событий, находил единственно правильное решение и настойчиво проводил его в жизнь...

Наша последняя встреча с капитаном Погребным состоялась на Днестре. Так получилось, что мы с радистом Хамидом Касымовым первыми установили радиосвязь 924-го полка с командованием дивизии. На правый берег Днестра мы переплыли на утлой лодке, которая все время наполнялась водой. Там нас встретили и провели в штаб полка.

Как выяснилось, передний край находился рядом. Нам приходилось все время быть, как говорится, в готовности номер один. Помню, к этому времени в полк из госпиталя вернулся капитан Изотов. Он снова возглавил штаб. Командиром полка был только что назначен майор Коваль. Новому командиру в сложной обстановке помогал войти в курс дела прибывший из штаба дивизии капитан Погребной.

Не знаю, как долго находился тогда в полку Погребной, но за все это время он ни разу своими действиями не подменил нового командира полка. Я теперь сужу об этом главным образом по тому, что по радики с командованием дивизии, командирами батальонов разговор вел только майор Коваль. Капитан Погребной старался в та-

кие минуты находить себе дело, чтобы своим присутствием не сковывать инициативы нового командира полка.

В то же время по разговорам с комбатами я, дежуривший у радики, понял, как много необходимых сведений о подчиненных офицерах почерпнул Коваль от Погребного. Когда он успевал все это рассказать? Видимо, в минуты затишья, во время отдыха.

А между тем стояли солнечные октябрьские дни. В один из таких дней в своем окопчике я проверял надежность работы радики. Неподалеку от меня в траншее находились Коваль и Погребной. Они смотрели вперед, о чем-то переговариваясь.

В это время начался обстрел. Первые мины разорвались где-то за нами. И вдруг очередная угодила прямо в дерево, у корней которого располагалось пулеметное гнездо. Осколком в висок был смертельно ранен капитан Погребной.

Позднее многие из тех, кто хорошо знал Погребного, вспоминали, как он личным примером увлекал солдат в атаку, смотрел, что называется, смерти в глаза и оставался жив. Тем горше для нас была эта утрата в солнечный октябрьский день.

П. Медведев

МЕДПУНКТ НА ПЯТАЧКЕ

Наши части успешно форсировали Днепр. Для того чтобы лучше организовать медицинскую помощь передовым частям, на правом берегу Днепра мы построили полковой медицинский пункт. Для этого подвезли несколько повозок леса, переправили на лодках через Днепр, на себе доставили в расположение медпункта и за одну ночь соорудили перевязочную и укрытие для раненых в три наката бревен. Стены землянок обшили досками, камышом и обтянули белыми простынями.

Непосредственно на передовой мы делали несложные оперативные вмешательства, переливание крови и кровезаменяющих жидкостей, проводили противошоковые мероприятия. В качестве источника света в операционной нам служили любовно названные фронтовиками «катюшами» лампы, сделанные из гильз от 45-миллиметровых снарядов.

Нередко трассирующие пулеметные очереди противника прошивали небо над землянками, вокруг рвались ар-

И. А. Горбачев

тиллерийские снаряды. Враг был рядом. С возвышенностей он хорошо просматривал весь наш пятачок.

Припоминается случай, когда один боец подбежал с котелком в руках к Днепру и стал набирать воду. Заметив его, немцы открыли по смельчаку беглый минометный огонь. Мы наблюдали за солдатом и видели его в облаке дыма от разорвавшейся мины. Какова же была наша радость, когда он вернулся в расположение медпункта с котелком, наполненным водой, и еще продолжал шутить над немецкими минометчиками.

Эвакуация раненых на левый берег Днепра, как правило, осуществлялась ночью на лодках и понтонах. Перевозить их днем через реку было невозможно.

Недалеко от полкового медпункта находился наблюдательный пункт командующего 53-й армией генерала Мангарова, а немного впереди — командный пункт нашего командира полковника Горбачева. Однажды ночью меня срочно вызвали на командный пункт дивизии. Необходимо было оказать медицинскую помощь контуженному Горбачеву. Артиллерийский снаряд разорвался рядом с его блиндажом.

Во время пребывания наших подразделений на плацдарме питание готовилось кухнями, которые находились еще на левом берегу Днепра. Ночью на лодках пища доставлялась в передовые части. Запомнился такой случай. В подразделениях нашего 932-го полка произошло массовое отравление мясом. Мы с военфельдшером Трубкой отправились в роты и под обстрелом противника оказывали медицинскую помощь солдатам и офицерам. Хорошо, что отравление было легким, и только несколько человек мы отправили в полковой медпункт.

Как выяснилось, мясо было приготовлено в медном котле без достаточной полуды, и это вызвало отравление. Было решено усилить санитарный надзор за работой пищеблоков.

Хочется добрыми словами вспомнить боевых товарищей — врачей Ровнова и Красовского, военфельдшеров Шаломанова, Садикова, Степанова, Переверзева, санитарных инструкторов Теренина, Мусатаева, Земского, санитаря Кротова. Их ратный труд отмечен многими боевыми наградами. Санитарные инструкторы Теренин, Мусатаев и Земский награждены орденами Славы. Переверзев, Теренин и Земский пали смертью храбрых, спасая жизнь раненым.

ИВАН АЛЕКСАНДРОВИЧ ГОРБАЧЕВ

Генерал-майор И. А. Горбачев командовал 252-й стрелковой дивизией с октября 1943 года до ее расформирования. Член КПСС с 1921 года. Родился 30 января 1898 года в селе Борисово Старорусского района Новгородской области в семье крестьянина.

После Великой Октябрьской социалистической революции был председателем ротного совета, а затем командиром взвода 1-го Социалистического батальона. В октябре 1918 года добровольно вступил в Красную Армию. Военное образование получил на Харьковских пехотных курсах. Во время гражданской войны участвовал в боях на Петроградском, Восточном и Южном фронтах — против банд Махно, Ан-

Очень часто у нас в полку бывали врачи из медсанбата: Добриков, Ежкин, Перетятко, Зайцева, Тендетников. Они оказывали нам большую помощь в работе.

Г. Пушкин

КАРТОШКА

Иногда мне хочется картошки «в мундире». Ее запах и вкус напоминают один из эпизодов войны.

...Марш до передовой запомнился надолго. В редкие деревни, через которые мы проходили, зима нагрянула внезапно. На крохотных приусадебных участках под снегом очутились грядки с морковью, свеклой. Кое-где не выкопана еще картошка.

Усталые, невыспавшиеся солдаты моего взвода шагают по избитой дороге. Проходим мимо огородов. Слышу реплики:

— Эх! Картошки бы «в мундире»!

— Я бы целый чугуи съел...

Да-а-а! Неплохо бы! Но строго-настрого запрещено сходить с дороги, тем более брать что-либо с грядок. И это понятно. Нас проходит много. Приближается зима. А овощи с огородов — это все, что имеют жители деревушек: женщины, дети, старики. Скотины никакой во дворах нет, с ней давно управились фашисты.

Солдаты понимают это и, проходя мимо, косятся на огороды, на нехитрую зелень, торчащую из-под снега, вздыхают.

Привал. Мы заходим в избу с полатами и большой русской печью. На полатах ребяташки — мал мала меньше. У печи — хозяйка. Садимся на лавки, развязываем вещ-

гонова и Пепеляева, а также принимал участие в боях на КВЖД в 1929 году.

В Великую Отечественную войну И. А. Горбачев был в окружении под Смоленском, там организовал 4 партизанских отряда, а с пятым вышел из окружения. Участвовал в боях на Брянском, Донском и 2-м Украинском фронтах.

За успешные боевые действия И. А. Горбачеву в апреле 1944 года было присвоено звание генерал-майор.

За заслуги перед Родиной И. А. Горбачев награжден орденом Ленина, четырьмя орденами Красного Знамени, орденами Суворова и Кутузова II степени, Красной Звезды, медалями, а также американским орденом «Офицерский Крест». Умер в 1957 году.

мешки. Накануне получен сухой паек — сахар, сухари, банка тушенки на четверых, спички и... махорка.

Но что это? Не сон ли? Хозяйка вынимает из печи большой чугунок с картошкой «в мундире». Из чугуна идет пар. Солдаты молча переглядываются. С полатей на них смотрят пять пар детских глаз.

Хозяйка настойчиво угощает, и я уступаю ее просьбе. Быстро разбираем картошку.

Положенная на ладонь, она приятно обжигает, ее тепло проникает вовнутрь, солдаты почему-то грустнеют. Может, вспоминают дом, оставленные семьи. На столе появляется вместительный чайник с кипятком. Заварки нет ни у солдат, ни у хозяйки. Не спеша прихлебываем кипяток.

Быстро проходит усталость. Но вот подана команда: выходи строиться!

Будто сговорившись, солдаты вынимают из вещмешков сахар и отдают хозяйке. К сахару добавляют толстые ржаные сухари. Хозяйка отказывается, но солдаты настаивают: бери, бери!

На полатях слышен шепот, возня. Наконец, не выдержав искушения, с полатей ловко спрыгивает на пол пятилетний карапуз. Прячась за юбку матери, молча смотрит на сахар. Он знает, что это такое, и терпеливо ждет. Мать откалывает ему кусочек сахара, подсаживает на полати, не забыв оделить гостинцем и других своих детей.

На полатях за занавеской слышен хруст разгрызаемых сухарей и счастливый детский смех. Солдаты благодарят хозяйку за угощение, выходят во двор. Неизвестно кто из них оставляет в углу лавки две банки тушенки, кусок сала и пять коробок спичек.

Провожая нас, вся семья выстроилась у порога. На глазах хозяйки — слезы, она вытирает их концом фартука.

Последним из хаты выхожу я.

За час привала ликвидирован суточный сухой паек. Кухня будет только завтра. У солдат осталась лишь махорка. А раз есть курица — значит, все в порядке!

Взглядом окидываю свой небольшой взвод. Вроде бы те же солдаты, но только сегодня, вот сейчас, понял: те и не те. Что-то очень важное, новое открылось для меня в них за минуты, что провели мы в этой хате.

Солдаты идут к передовой. Впереди тяжелые, упорные бои.

П. Савельев

Этот день запомнился на всю жизнь.

Утром мы пришли на хутор Ясиновый. Здесь уже были солдаты и офицеры 252-й стрелковой дивизии, полки которой, выбив немцев из населенных пунктов, примыкавших к лесным массивам Нерубаевского лесничества, соединились с двумя нашими партизанскими отрядами.

На митинге выступали командир 928-го стрелкового полка, командиры наших партизанских отрядов. Слушала их горячие речи и невольно переносилась в те дни, когда четырнадцатилетней девчонкой в летний воскресный день услышала страшное слово «война».

Словно наяву проплывали передо мной картины более чем двухлетней давности. Призыв в армию отца... Отступление наших воинских частей через лесничество, где я жила, на восток... Оккупация моей родной Кировоградской фашистами... Надменные, хохотавшие, они то и дело заявляли нам: «Москва — капут! Русиш — капут!»

Потом наступила трудная для нас с мамой зима. Припомнилось, как однажды (дело было в конце декабря) пошла я в лес за дровами. Внимание привлек листок бумаги, укрепленный на ветке дерева. Это была листовка, в которой сообщалось о полном разгроме захватчиков под Москвой. Готова была плясать от радости. Неустанно твердила: «Нет, гады! Нет! Москва и Русиш — не капут!»

Тогда-то и созрело у меня желание найти этих замечательных людей, которые не дрогнули перед грозным врагом, проявили мужество и в невероятно трудных условиях бросили вызов захватчикам. До нас стали доходить слухи, что в лесах нашего Нерубаевского лесничества действуют партизанские отряды.

Вскоре я познакомилась с ребятами из Родниковки, где родилась и до переезда родителей в лесничество жила. Валя Санжара, Вася Колцун и Вася Баркарь были старше меня. Я знала, что они комсомольцы, знала, что они скрытно от немцев и полицаяв отговаривают других парней и девчат окрестных сел и деревень от добровольного выезда в Германию. Догадывалась, что не без их помощи, над кем нависала угроза быть вывезенными в Германию, неожиданно исчезали куда-то.

Однажды пришла к ним. Но, видимо, мой возраст внушал доверия, и ребята сначала отнекивались, делая вид, что они ничего не знают, а позднее, убедившись в

моем искреннем желании быть в рядах партизан, сказали, что, по их сведениям, туда без оружия не принимают. Уже потом поняла, что таким образом ребята пытались оградить меня от партизанских трудностей.

А вскоре мне удалось проникнуть в квартиру коменданта нашего села. Он в тот вечер гулял с полицаями. В его прихожей на вешалке висел пистолет в кобуре. Осторожно вынула его. Никем не замеченная, выбралась из дома и под покровом ночи скрылась за селом. В ту же ночь разыскала Ваню Санжара и рассказала ему о пистолете.

Ребята наконец поняли, что я всерьез «заболела» делами партизанскими. Путь в лес, к народным мстителям, был открыт. Знакомыми только ребятам тропами меня провели в Семурину балку, где располагался отряд под командованием Семёна Ивановича Должико. В другом, Каменском лесу укрывались партизаны отряда Куценко (Дубова). Отряды взаимодействовали.

Я хорошо знала местность, и мне на первых порах поручалось вести наблюдение. Вскоре перевели в отряд Куценко и зачислили во взвод Саши Коца. Многие партизаны хорошо знали моего отца, работавшего в лесничестве. Меня, частенько увивавшуюся за ним в лес, друзья прозвали Лесовичкой. Определили сестрой милосердия при раненых.

Не стану описывать бои, в которых участвовали партизаны наших отрядов. Скажу лишь, что в декабре 1943 года части Красной Армии с боями вышли к лесам, в которых действовали наши отряды. Мы слышали канонаду. Естественно, партизаны не сидели сложа руки, вели бои с врагом, делали засады на дорогах...

И вот — встреча воинов нашей родной армии с партизанами.

На следующий день группу партизан, в том числе и меня, шестнадцатилетнюю, зачислили в 928-й полк. Выписали красноармейскую книжку, выдали по росту шинель и сапоги.

Новый, 1944 год я встретила с комсомольским билетом в нагрудном кармане гимнастерки. Сибиряк сержант Николай Трофимов обучал меня работе на коммутаторе. Доброе внимание ко мне проявили сорокалетние «дяди Иваны» — Точилкин из Челябинска и Горских. Меня они называли не иначе как «дочка».

Мы шли по родной Украине. На всю жизнь запомни-

лись выжженные фашистами села. И сейчас от таких воспоминаний к горлу подкатывается комок.

Корсунь-Шевченковский «котел» был первой расплатой за зло, содеянное оккупантами на нашей земле. Никогда не видела такого огромного количества немецкой техники, брошенной на дорогах. Настроение было приподнятое. Мы наступали!

Не могу не вспомнить и тех, кого нет с нами, кто навсегда остался лежать в освобожденной земле.

Осколком снаряда рядом со мной был убит полтавчанин Николай Рудь. А старший лейтенант Зарецкий! Слово и сейчас слышу его красивый голос — Зарецкий частенько пел на привалах и в перерывах между боями. Был он штабным работником, а до войны, говорили, артистом Малого театра в Москве. Погиб во время атаки, увлекая за собой роту.

Помню и нашего комсорга полка Максима Бабинцева и сменившего его после ранения Владимира Дружинина. В расположении штаба их можно было встретить редко. Большую часть времени они проводили в боевых порядках батальонов.

Добрые воспоминания сохранились и о командире полка — энергичном подполковнике Мосиенко, о начальнике штаба майоре Тарасове, о комбатах Суворове и Озерове, о начальнике связи полка капитане Молчанове. Это были требовательные к себе и подчиненным офицеры. И сейчас, по прошествии четырех десятков лет, я могу сказать, что все мы — солдаты и младшие командиры — с уважением и любовью относились к ним.

Особо хочется сказать о гордости нашего полка — разведчике Евгении Симонове. Три ордена Славы и столько же орденов Отечественной войны — таковы награды Родины этому мужественному человеку, с которым переписываемся и сейчас. Под стать ему и другой наш разведчик — высокий, статный Никита Якушев. Это они, когда нужен был «язык», уходили ночью за передний край и возвращались с «добычей».

Вот такие люди окружали меня в трудные годы войны. Многому научилась я у них. Вместе с ними встретила нашу великую Победу. И ныне для меня они остались Учителями.

Екат. Бодялова (Бодял)

Более четырех десятков лет минуло с той поры, как мы, учащиеся девятого класса, решили идти на фронт. Учеба в школе для меня и моих подруг окончилась 22 июня 1941 года. Но еще раньше, в конце тридцатых годов, все мы завидовали тем, кому довелось сражаться в Испании, выполняя свой интернациональный долг, кто был участником боев на Хасане и Халхин-Голе.

Тогда мы еще не представляли себе всех ужасов войны. Но могли ли мы, девушки, стоять в стороне, когда наша страна в смертельной опасности? Собственно, такого вопроса перед нами в то время не стояло. Просто все решили: едем на фронт...

В июне 1943 года меня направили в 252-ю стрелковую дивизию. Вместе со мной пришли Аня Шестакова из Липецкой области и Таня Бабаева. Первое время работали на хлебопекарне. Было очень трудно. После смены все мы шли заготавливать дрова. Сами пилили, рубили, носили к помещению, где располагалась пекарня. Но не жаловались на трудности, понимали, что наш хлеб нужен солдатам, которые переносили большие лишения.

Вспоминаю, как мы, восемнадцатилетние девчонки, оплакивали потерю каждого солдата, как боролись со страхом, особенно во время бомбежек. Все это было.

Вскоре меня перевели на заправку автомашин горючим. Аня Шестакова осталась на хлебопекарне, а затем была переведена в штаб дивизии. Таня Бабаева после ранения не вернулась в нашу часть.

Работая на новом месте, я подружилась с Сашей Бобковой, радисткой дивизии. В самые трудные дни мы приходили друг другу на помощь.

Мы приближались к Харькову. Полки вели бои на подступах к городу. Непрерывным потоком к заправочной подъезжали машины, заливали в баки бензин, разворачивались в сторону складов, там загружались и сразу же уходили к передовой, где слышалась артиллерийская канонада.

В это время бензовоз привез на наш склад горючее. Оно сразу же было перелито в бочки. А когда бензовоз отъехал, возле склада разорвался снаряд, и одна из бочек загорелась. Что делать? В какую-то долю секунды решаю: надо немедленно тушить, иначе может сгореть весь бензин. О возможности взрыва почему-то и не подумала. Бе-

гу к бочке, пытаюсь ее оттащить, но сил мало, да и огонь, пожирающий промасленную поверхность, мешает стронуть ее с места.

В это время к складу подъехал заместитель командира дивизии по тылу майор Овсиенко. Он и его водитель бегут ко мне. Вместе нам удалось оттащить горящую бочку от других, ликвидировать пожар. Потом мы начали растаскивать другие бочки подальше друг от друга.

— Вот это тебе надо было сделать сразу, — сурово выговаривал майор. Поругав меня и сделав наставления, он вскоре уехал.

А я, девчонка, так тогда обрадовалась, что все цело, сама я жива и невредима. Ну а то, что меня поругали, — поделом, буду знать наперед, как надо поступать, как работать в сложных условиях, в разгар боев.

Через несколько дней майор Овсиенко вновь приехал на заправочную. Мы приветствуем его, а я думаю: что-то будет. Он подходит и спрашивает:

— Ну как дела, бензиновый бог?

Я отвечаю, что все в порядке.

— Это хорошо, — говорит майор. — Но если бы бензин сгорел, я не знаю, что бы с тобой сделал. Ведь без него нам не удалось бы тогда выиграть бой.

Он меня вроде бы ругает, а мне так легко стало. Значит, и моя служба нужна, значит, не зря я терплю наравне со всеми холод, бомбежки, другие невзгоды.

Л. Черненко

Л. В. Черненко

ТЫЛЫ ПОДКРЕПЛЯЮТ ФРОНТ

Как известно, боевые действия дивизии не могут проводиться без материально-технического обеспечения. Чтобы солдат был сыт, нужны не только походные кухни, но

и солидная хлебопекарня. Чтобы он был одет и обут, необходимы различные мастерские. Чтобы, наконец, пушки стреляли, требуются боеприпасы и транспортные средства. Подсчитано, что вес одного боекомплекта дивизии в то время составлял около 80 тонн, одной заправки горюче-смазочных материалов — 20 тонн, одной суточной дачи продовольствия — 10 тонн. Сюда следует приплюсовать также десятки тонн технического имущества. И все это должно быть, образно говоря, под рукой, двигаться вслед за наступающими полками.

Особенно напряженным был период с августа 1943 года по март 1944 года, когда боевые действия нашей дивизии развернулись на Украине. Противник при отступлении разрушал железные дороги, мосты, сжигал склады. Нашим тыловым подразделениям и службам приходилось не только обслуживать части материально-техническими средствами, но и производить заготовку и переработку сельскохозяйственных продуктов.

Согласно распоряжению вышестоящего командования, при тыле дивизии было создано отделение по таким заготовкам под руководством Ромашевского. Наша продовольственная служба имела свою мукомолку, крупорушку, мы использовали местные маслобойни и ступы для производства масла и переработки табачного листа. Припоминаю, что с армейских складов в этот период мы получали в основном лишь жиры, консервы, сахар, соль, махорку и различные специи.

Продовольственную службу дивизии возглавлял опытный хозяйственник — капитан Савин. Большую работу по заготовкам сельскохозяйственных продуктов проделали заместители командиров 924-го и 932-го полков по материально-техническому обеспечению капитан Шагин и майор Косарев. Отличился начальник продовольственно-фуражного снабжения 928-го полка старший сержант Геншафт, умевший найти общий язык с местным населением, с руководителями восстанавливаемых предприятий и организаций. Это позволило нам планы по заготовкам и переработке продуктов выполнять и даже перевыполнять.

Приведу некоторые цифры, которыми я располагаю. За время пребывания на Украине и в Молдавии было заготовлено продовольственного зерна 1200 тонн, картофеля и овощей — 500 тонн, фуражного зерна — 300 тонн, значительное количество мяса, табака и подсолнечника. Отмечу, что заготовка продовольствия, в том числе и зерна, осу-

ществлялась в результате захвата оставленных противником складов и железнодорожных вагонов, а также закупок у местного населения.

Наступили глубокая осень и неустойчивая зима 1943/44 года. Пошли дожди и мокрый снег. Автомашины с трудом продвигались по 15—20 километров в сутки, а потом и вовсе стали. Командование дивизии приняло решение стянуть их в район Городище, организовать под руководством командира автороты старшего лейтенанта Иванова ремонт и ждать благоприятных условий для передвижения. Чтобы не срывать обеспечение частей материально-техническими средствами, пришлось вновь прибегнуть к безотказному конному транспорту.

В начале февраля 44-го года кольцо окружения немецко-фашистских войск в районе города Корсунь-Шевченковский сжималось. Наша дивизия тогда входила в 4-ю гвардейскую армию. В результате разгрома немецкой группировки мы взяли много трофейного имущества: 150 автомашин, 120 повозок, 200 лошадей с упряжью. Из трофейных лошадок была сформирована гужевая рота под командованием лейтенанта Чабова, в которую входило 90 парных повозок для подвоза боеприпасов. Ездовыми в ней были девушки. Одновременно и полки увеличили свой гужевой транспорт в два раза.

Весна началась рано, и распутица на дорогах затрудняла продвижение войск. Необходимо отметить неоценимую помощь, которую в этот трудный период оказывало нам местное население. Очень многие освобожденные из неволи люди принимали участие в подвозе военных грузов на лошадях, быках, а где невозможно было применить тягловую силу, на собственных плечах. А когда походная хлебопекарня отставала от боевых частей, нам помогали женщины. Мы им выдавали муку, и они охотно, гордясь своей помощью Советской Армии, выпекали хлеб. Нельзя при этом не вспомнить добрым словом начальника походной хлебопекарни старшего лейтенанта Блажко, погибшего в районе Городища.

В ходе боевых действий приходилось пополнять ряды стрелковых подразделений. Наши тылы были своеобразным резервом. Мужчины, способные вести боевые действия, направлялись в стрелковые роты, а на их место приходили девушки и женщины. Это были, как правило, добровольцы, великие труженицы войны. Они работали в портновских мастерских, хлебопекарне, на складах воен-

но-технического имущества, несли все тяготы походной солдатской службы, попадали под артиллерийский обстрел и бомбежки. Мужественные патриотки нашей Родины проявляли подлинный героизм, нередко спасая военное имущество от пожаров. За безупречное выполнение служебных обязанностей многие из них были отмечены наградами.

Каюсь, не сохранились в памяти фамилии этих девушек и женщин. Помню лишь, что начальником обозно-вещевого снабжения дивизии был старший лейтенант Зайцев. Многие из патриоток работали под его командованием. Они своевременно шили и стирали обмундирование, сушили валенки, ремонтировали обувь, создавали на складах необходимые запасы.

Были у нас и очень напряженные моменты. О двух из них хочется вспомнить.

В конце декабря 1943 года наша дивизия вела бои в районе села Федварь. Меня срочно вызвал к рации командир дивизии полковник Горбачев.

— На левом фланге, — слышу голос комдива, — прорвалась большая группа танков и пехоты противника и угрожает окружением нашего полка. Приказываю срочно принять меры для доставки полкам противотанковых мин.

Вместе с начальником военно-технического снабжения капитаном Щербанем, командиром автороты Ивановым и бойцами мы быстро загрузили несколько автомашин противотанковыми минами. Отмечу, что командиры полков заблаговременно подготовили саперные подразделения для принятия и установки мин на танкоопасных направлениях. Прорвавшиеся машины противника наткнулись на минные поля и отступили, оставив на поле боя пять уничтоженных танков.

С селом Федварь связан и такой случай. В нем размещались тылы 928-го полка. В село ворвались гитлеровцы, и наш продовольственный склад остался на его окраине. И тогда заместитель командира полка майор Косарев приказал уже упомянутому в этих записках старшему сержанту Геншафту, сержанту Теплякову, рядовому Сауленко и еще двум солдатам ночью вывезти из села оставленный там склад. Приказ был выполнен.

А. Овсиенко

Вспоминается повар одного из батальонов 924-го полка. Природа наделила рядового Глобу отменным здоровьем и силой. До войны он был заведующим производством крупной столовой в Полтаве. В полку Глоба снискал уважение товарищей. Пищу готовил хорошо, старался порадовать солдат. Даже из обычных концентратов ухитрялся сварить кашу — пальчики оближешь. К слову сказать, на брикетах пшеничных концентратов значилось такое четверостишие:

Заправляйся кашей пшенной,
А врага корми стальной,
Чтобы враг неприглашенный
Не топтал земли родной.

Однажды во время контратаки гитлеровцев Глоба с кухней двигался в расположение батальона. Человек он был предусмотрительный, всегда с винтовкой. Но и этого повару казалось мало, и кто-то из бойцов подарил ему трофейный автомат. Была у него и карманная артиллерия — гранаты. На ремне висел кинжал.

Ехал Глоба, ехал и попал, что называется, в переплет: с одной стороны враги, с другой — наши. Немцы, естественно, обрадовались: как-никак кухня с горячей пищей, можно и поживиться. Но Глоба не растерялся: бьет гранатой, строчит из автомата. Тут и наши солдаты пришли на помощь повару. А когда жаркий бой закончился, Глоба повязал белый фартук, взял в руки «разводящую» и начал угощать товарищей по оружию обедом.

Эх, МАХОРОЧКА...

Нельзя было на фронте обходиться без махорочки.

А тут наступило время, когда в счет нормы стали выдавать не махорку, а так называемый «мошок», иными словами, нечто похожее на мох. Слабоват он был. А ведь закуришь махорочку, и на душе становится легче, теплее.

Командир 924-го полка подполковник Володацкик курил махорку, не расставался с трубкой, наверное, и спал с ней. Надоел ему «мошок». Пришел он как-то к интендантам и спрашивает махорки, а ее нет.

И тогда интенданты решили угостить командира листочками от махорки, собранными еще в осенние дни.

Взял подполковник эти листочки, набил ими трубку, закурил, затянулся, а выдохнуть не может. Интендантам не до смеха, случись что с подполковником, придется отвечать по всей строгости закона. Но обошлось благополучно.

Потом солдаты при встречах с подполковником поведали ему придуманную ими прибаутку: «Это, — говорили они, — табачок «Дюбек», от него сам черт убеж». От души смеялся командир полка, нахваливая табачок, который, по его словам, до пяток достает. Но случалось и такое, когда он сам угощал своих товарищей листочками табака и тут же рассказывал им о прибаутке солдат.

П. Кокшаров

ВСЯ СТРАНА ПИШЕТ СОЛДАТУ ИВАНОВУ

Было это ранней весной 44-го года. Только что победно завершилась Корсунь-Шевченковская операция. Мне, тогда еще начинающему журналисту, переведенному из роты связи в дивизионную газету на должность литературного сотрудника, редактор Мотовилов поручил несколько необычное дело.

— Из политотдела, — сказал Дмитрий Иванович, — сообщили о том, что солдат-разведчик Анатолий Иванов получил мешок писем. Сейчас вечер. Бери моего Орлика, скачи в разведроту, найди Иванова и к утру привези сотни две этих писем.

Я вывел Орлика, вскочил в седло и выехал за околицу села. Из леса тянуло прохладой. В напоенном влагою воздухе гулко шлепали подковы лошади. Было тихо и непривычно. Война, казалось, ушла куда-то далеко-далеко, ничем не напоминая о себе.

Когда подъезжал к деревушке, в которой располагалась рота разведчиков, на темном небе высыпали крупные звезды. Разыскать командира капитана Бацина не составляло никакого труда. На мой вопрос, где Иванов, Борис Николаевич ответил, что он сейчас в соседней деревне, и добавил:

— Оставайтесь-ка у меня. Утром он будет здесь.

Легко сказать — оставайтесь!

— Нет, я поеду... А вот перекурить зайду.

Мы вошли в чистую украинскую хату, присели на лавку, установленную вдоль стены. Бацин развернул кисет, вынул бумагу. По тому, как нервно подрагивали пальцы офицера-разведчика, как жадно затянулся он горьковато-

едким дымом махорки, я угадывал, что какие-то затаенные мысли и чувства буквально распирали этого человека. Мне казалось, что состояние капитана имело непосредственное отношение к Иванову, к недавно полученным им письмам, и я попросил его рассказать о своем солдате.

Бацин привстал и, мягко ступая на носки, прошелся по комнате. «Волнуется», — подумал я, еще пуще загораюсь любопытством.

— Иванова я знаю вот уже более года, — капитан снова присел на скамью. — Пришел он к нам из госпиталя вместе с попутчиком-почтальоном. Почтальон начал раздавать солдатам письма. Собрались мои хлопцы в кружок, письма читают, а Иванов стоит в сторонке. Видит почтальон: пригорюнился вроде его спутник, подошел к нему. Не вешай, говорит, носа — скоро и тебе принесу. Промолчал тогда Иванов. А пареньком он оказался и смышленным, и душевным. Ребята мои его полюбили, приняли в свое товарищество. Потом мы начали замечать: как появлялся почтальон, Иванов куда-то уходил. И письма ему не шли. Поговорил я с ним как-то и узнал, что родные у хлопца остались на Украине: мать да сестра, а больше никого у него и не было. Эх, и ругал же я себя тогда! Почти месяц парень в роте, а я этого и не знаю. Ну, думаю, ничего, вот скоро по Украине пойдем, вызволим мать и сестру Анатолия, и будет он получать письма, как и все мои разведчики. Ребят попросил больше внимания оказывать Иванову. Тут и горячие деньки подоспели. На нашем участке фронта нужен был «язык». Почью сходили мои хлопцы в поиск, но вернулись с пустыми руками. Начали сообща думать, как выполнить задачу. Дельную мысль подсказал Иванов. Есть, говорит, у меня план. Весь день он вел наблюдение за передним краем противника и заметил выдвинутый вперед хорошо замаскированный окопчик. К нему из глубины фашистской обороны вел ход, тоже хорошо замаскированный. Вот в этом окопчике и взят был «язык» без единого выстрела. Пикнуть не успел. Во многих боевых операциях участвовал потом Анатолий. И чем ближе мы подходили к его родным местам, тем чаще он просился в разведку. Ранен был легко, отлежался в медсанбате — и снова в дело. Ребята мои с ним охотно ходили: идти в тыл врага сподручно лишь тогда, когда хорошо знаешь товарища, веришь — он не подведет в трудную минуту, не бросит в беде. И вот соседняя дивизия освободила родное село Анатолия. Отпустил я его на денек, знал: догонит нас

обязательно. Явился он к вечеру. Глаза ввалились. В тот вечер мы ничего от него не узнали. Понимали, конечно, горе свалилось на хлопца. Утром подошел он ко мне. Смотрю я на него, а у парня слезы из глаз катятся. Здесь и рассказал обо всем. А случилось страшное: фашисты уморили в душегубке мать — она была учительницей, а сестренку повесили...

Бацин замолчал. Я только сейчас заметил, что в комнате было темно. Когда погасла «катушка» — не помню. Зажженная спичка выхватила посуровевшее лицо капитана, на котором резче обозначились морщины.

— В эти-то дни у разведчиков роты и появилась мысль написать об Иванове в Москву, на радио, — продолжал свой рассказ Бацин. — В письме мы описали его боевые дела, рассказали о постигшем парня горе. Ну, и адрес Анатолия, конечно, приписали. Письмо наше, говорят, было передано по радио... Вот, собственно, и все... Дальнейшее вам известно.

Так вот откуда мешок писем!

Прощавшись с Бациным, я выехал в соседнюю деревню. Я был убежден, что Иванов всю ночь будет читать полученные им письма. Орлик, изрядно утомившийся за дорогу, то и дело переходил на шаг. Поздно ночью въехал в деревню и начал разыскивать домик, в котором остановился начальник разведки дивизии майор Храптович. В окне горел свет.

— А, газетчик явился! — из-за стола поднялся бравый, опоясанный ремнями офицер — любимец разведчиков. В дивизии о нем ходили легенды.

Иванов сидел на стуле и читал письма. На столе и на полу валялись кипы надорванных конвертов, а еще больше треугольничков. Рядом стоял мешок. Нет, никогда не забуду я эти человеческие документы тяжелой военной поры. Прошло почти 40 лет, а перед глазами те давние листки исписанной бумаги.

Учительница из Ярославля писала: «Дорогой Толя! Мне 65 лет. В сороковом году я похоронила своего мужа, а через год три моих сына ушли на фронт. Сейчас их нет. Я одна. Толя, будь моим сыном. Кончится война — приезжай ко мне, я тебя буду ждать». Сталевар с Магнитки называл Анатолия братом: «Приезжай, браток, у нас все будут тебе рады».

Таких писем было много. Сотни, тысячи простых человеческих сердец делились своим теплом с русским солда-

том, потерявшим самое дорогое — мать. «У меня погиб брат, — писала девушка из Сибири. — Его тоже звали Анатолием. Теперь я тебя буду называть своим братом. Согласен?..»

Просматривая эти письма, я нет-нет да и бросал взгляд на Иванова. Он читал, и лицо его вдруг озаряла улыбка.

Утром, когда моя полевая сумка и карманы были до отказа набиты письмами, я покинул деревушку, где для меня, может быть, впервые в таком гордом величии раскрыла тайны сила большой человеческой душевности и теплоты.

Нужно ли говорить, с каким восторгом читали эти письма мои товарищи по редакции. «Вот это будет газета — настоящий подарок солдатам и офицерам дивизии!» — то и дело твердил редактор. Решили ни одного слова в письмах не править. Ответственный секретарь редакции Наум Николаевич Ивашина «загонял» их в набор либо целиком, если письма были небольшие, либо в сокращенном виде, если они занимали несколько страниц. Набирали и готовили страницы газеты к печати наши военные полиграфисты — Василий Рупышев, Петр Птица, Григорий Гришко.

К обеду вся дивизионная газета была заполнена письмами. На первую страницу художник Сухотинский по линолеуму вырезал портрет Иванова с привезенной мною фотографии. Под портрет был поставлен небольшой рассказ о нем. Вторая, третья и четвертая страницы газеты были отданы письмам. А сверху, по предложению заместителя редактора газеты поэта Сергея Тельканова, был набран заголовок: «Вся страна пишет русскому солдату Иванову».

Между тем Анатолий Иванов продолжал получать письма. Мог ли один человек ответить на тысячи и тысячи добрых посланий?!

И тогда, как помню, начальник политотдела полковник Соколов обратился к солдатам и офицерам нашей дивизии с просьбой помочь солдату Иванову. Письма были направлены в полки, батальоны, роты...

И. Гребцов

Наша дивизия с боями преследовала противника в направлении Городища, Шендеровки и далее — на юго-запад к городу Умань.

Стояла весенняя распутица 1944 года. Артиллерия едва поспевала за пехотой. Автомашин-тягачи, застревая в густой, как масло, грязи фронтовых дорог, не могли вытянуть из нее пушки и гаубицы. Выручали украинские во-лы, чудом оказавшиеся «на вооружении» в батареях.

Штаб артиллерии дивизии, возглавляемый мною, напоминал кавалерийское подразделение. Поэтому он всегда был вовремя в указанном ему месте и обеспечивал координацию действий артиллерии. Но возникла проблема фуража. Лошади не были «штатными», и на них не выдавали ни овса, ни сена. Приходилось доставать корм у местного населения, а это было нелегко. Сколько таких, как мы, «кавалеристов» передвигалось в ту пору по дорогам Украины?! Поэтому мы старались организовывать командный пункт в небольших деревнях, в стороне от главных дорог.

Так случилось и под Уманью. На этот раз деревушка оказалась совсем маленькой и состояла из одной улицы белых хаток, крытых соломой.

Помощник начальника штаба артиллерии капитан Дмитриев распределил дома подразделениям и отвел штабной батарее те хаты, во дворе которых виднелось сено. Я подъехал к одному из домов, стоявших в центре расположения штаба. Вместе со мной были капитан Дмитриев, командир штабной батареи старший лейтенант Мацегора и ординарец Сухоруков. Со ступенек крыльца нам навстречу спешила пожилая женщина, певучим голосом гостеприимно приглашая «до хаты». Мокрые, забрызганные грязью, вошли мы во двор, очистили сапоги и развесили в сенях плащ-палатки. Хозяйка суетливо помогала нам.

В печи уже пылал огонь. Вскоре был накрыт стол. Хозяйка и помогавшая ей женщина благодарили нас за освобождение их села из-под фашистского ига. Выпили мы свои фронтовые 100 граммов за здоровье женщин, за победу, за павших в боях. Последний тост особенно взволновал хозяйку.

— А что же, дорогие, много погибло наших? — тревожно спросила она.

— Войны без погибших не бывает, — ответил капитан Дмитриев.

— А у вас есть близкие на войне? — спросил я хозяйку, чувствуя, какую тревогу вызывает у нее этот разговор.

— Родные мои, да у меня два сыночка служат. Наверно, как и вам, тяжело им на войне. Ничегошеньки я о них не знаю. Живы ли?

— А что, мама, кадровые они или призваны на войну? — поинтересовался кто-то.

— Старший, Кузьма, давно служит. До войны уже начальником был, а младший при нем. Деревянко их фамилия. Не довелось ли слышать?

Меня словно кольнуло — Кузьма Деревянко? Начальником штаба 53-й армии был генерал-майор Кузьма Николаевич Деревянко. Мне приходилось не раз встречаться с ним.

— А каков из себя ваш старший сын? — спросил я.

— Высокий, справный и красивый! Может, встречали? — с надеждой вымолвила женщина.

Я ответил, что знаю генерал-майора Деревянко. Он — большой начальник в нашей армии. Слышал, что при нем служит его младший брат.

— Ой! Да это мои хлопцы! Да где же они? — заголоваила мать.

За столом все оживились. Ответить я не успел. Вдоль улицы на бреющем полете пронесся какой-то самолет. Моментально все высыпали за ворота и увидели, что «кукурузник» сел за околицей, прямо на дорогу.

Через несколько минут наша добрая хозяйка была в объятиях своего старшего сына, который вырвался к матери на полчаса, пообещав завтра приехать с братом. Нам генерал приказал оставаться в его доме, быть гостями матери...

Утром, до рассвета, штаб артиллерии ушел из села на Умань.

В. Пичугин

ЗА ПАРТБИЛЕТОМ... ПО-ПЛАСТУНСКИ

Был тихий, теплый весенний день 1944 года. Наш минометный расчет 924-го стрелкового полка располагался неподалеку от молдавского селения Фундукуль. В тот день мало что напоминало о войне. Лишь изредка раздавались короткие пулеметные очереди, да нет-нет то справа, то слева ахали невесть откуда прилетевшие мины.

Это временное затишье, так непривычное для фронтовой жизни, было связано с весенней распутицей. Дороги разбиты так, что по ним невозможно проехать. Техника застряла в разных местах. Тылы, снабжавшие войска боеприпасами и продовольствием, отставали. Все это привело к тому, что наше наступление после успешной Корсунь-Шевченковской операции и разгрома войск противника в этом «втором сталинградском котле» временно приостановилось, и немцы закрепились на господствующих высотах.

Наша минометная батарея (командовал ею капитан Яков Дмитриевич Харикин) занимала позиции, как уже было сказано, неподалеку от молдавского селения. Мы хорошо окопались, тщательно замаскировались. Словом, у нас появилась возможность вести ту размеренную жизнь, которая характерна в период затишья на переднем крае войны. Проводились партийные и комсомольские собрания, выпускались боевые листки, солдаты приводили свое обмундирование в порядок.

И вот в один из таких дней я услышал:

— Сержант Холоднов, к телефону!

Что бы это могло быть? По ходу сообщения быстро добрался до блиндажа, где был установлен телефон. Беру трубку и из разговора узнаю, что меня вызывают на командный пункт батальона, расположенный на окраине селения Фундукуль.

Говоривший со мной не объяснил причину вызова, но каким-то особым чутьем я понимал, зачем меня вызывают. Неделью назад в штабе полка заседала партийная комиссия, и меня приняли в члены ВКП(б). Значит, сегодня вручат партийный билет, подумал, возвращаясь в свой расчет из блиндажа.

Быстро пришел чистый подворотничок к гимнастерке, привинтил к ней орден Красной Звезды и две медали «За отвагу», довел до блеска полбой шинели свои награды.

Мне предстояло подняться на вершину холма, разделявшего позиции нашего расчета и крайние дома селения, расположенного в глубокой балке.

Холм просматривался с немецких позиций, но желание как можно скорее добраться до КП батальона на какое-то время заставило меня забыть об опасности.

Только приблизился к вершине холма, как впереди в нескольких шагах взвился фонтанчик земли, затем второй, третий, и тут же до моего слуха донеслись глухие звуки винтовочных выстрелов. Понял, что попался на мушку не-

мецкого снайпера. Машинально падаю, перебрасываю автомат на спину, отползаю на несколько шагов в сторону и начинаю по-пластунски огибать холм справа.

Наконец обстреливаемый участок пути преодолен. Очувшившись за холмом, поднялся на ноги, привел себя в порядок и направился к командному пункту батальона.

Началось вручение партийных билетов. Назвали и мою фамилию. Начальник политотдела полковник Соколов, вручая красную книжечку, поздравил меня и пожелал удачи в жизни, новых военных успехов.

Нужно ли говорить, что возвращался я в свой расчет окрыленным, хотя и пришлось снова ползти по-пластунски.

Было мне в то время неполных двадцать лет.

В. Холоднов

БОИ МЕСТНОГО ЗНАЧЕНИЯ

С апреля по август 1944 года бои в Молдавии носили местный характер, о чем сообщалось в сводках Совинформбюро.

Наша дивизия входила тогда в 52-ю армию. Я командовал взводом 2-й стрелковой роты 1-го батальона 932-го полка. Наша рота обороняла высоту у села Синешты Унгенского района. После кровопролитных боев на Правобережной Украине и в Северной Молдавии в роте, которой командовал Иван Михайлович Маринин, осталось двенадцать человек. На вооружении было два ручных пулемета.

21—22 апреля рота получила 20 человек пополнения. В основном это были молодые ребята из недавно освобожденного от оккупации Крыжопольского района Винницкой области. Все они прибыли к нам в гражданской одежде, совсем необученные. Весь личный состав занялся их военной подготовкой. У новичков не все сразу ладилось, а потеря бдительности на войне порой оборачивалась трагедией. Об одном из таких случаев расскажу.

С наступлением ночи 24 апреля по приказу командира роты я обошел наши позиции и поставил перед солдатами задачу: приступить к углублению окопов и траншей и в то же время вести наблюдение за противником. Такая задача была поставлена и перед только что прибывшими бойцами — Яковенко и Чернием. Они занимали общий окоп. Необстрелянных солдат мы, как правило, объединяли в окопе по два, чтобы они и земляные работы вели, и наблюдали за противником. Такая практика оправдала себя. Боль-

шая часть новобранцев довольно быстро привыкла к фронтовой обстановке, многие из них потом мужественно сражались с врагом.

Когда я вернулся в землянку и закурил, послышались крики: «Немцы!» Застрочил наш пулемет. Кричали и стреляли Кирпиченко и Хоменко. Вместе со связным Тараном мы побежали к пулеметчикам, которые доложили, что немецкие разведчики приблизились к нашим позициям и бросили две гранаты. Окоп Яковенко и Черния оказался пустым. Спустя несколько минут Яковенко отозвался; он был на левом фланге роты, а Черния мы так и не нашли. Лишь на рассвете в траншее увидели всю в крови его кепку.

Вечером 25 апреля рота получила приказ: утром следующего дня атаковать противника и захватить высоту Черная. Весь вечер готовили личный состав к предстоящей атаке, а утром каждому бойцу была поставлена конкретная задача.

Перед началом атаки минометчики нашего батальона открыли огонь по переднему краю обороны противника. Как только рота поднялась в атаку, немцы встретили нас сильным ружейно-пулеметным и артиллерийским огнем. Залегли в пятидесяти метрах от траншеи противника. Весь день немцы вели интенсивный огонь. С наступлением темноты мы получили приказ вернуться на свои позиции и перейти к длительной обороне.

Так как наш правый фланг был открыт, о чем свидетельствовали и вылазки немецких разведчиков, командир роты попросил комбата Михаила Макаровича Савченко выделить хотя бы один станковый пулемет. И вот 27 апреля в роту прибыл пулеметный расчет «максима».

Командиром расчета был Микитюк. Вместе с расчетом прибыл и командир пулеметного взвода Черепанов.

В обороне ночью личный состав не имел права отдыхать. Спать разрешалось в светлое время суток, примерно с 8 до 14 часов. Наблюдателями в это время назначались пулеметчики.

2 мая немецкая разведка в количестве до сорока человек приходила снова. Время шло к полуночи. В секрете были санинструктор Пилипенко и телефонист Снегурь. Они то и слышали шорох в винограднике. Вскоре раздались два глухих взрыва гранат, которые фашисты бросили в амбразуру дзота. Одновременно с этим началась стрельба.

К счастью, в дзоте никого не было, а левее, на огневой позиции, стоял станковый пулемет. Командир расчета Ми-

китюк развернул пулемет вправо и открыл огонь. Немцы залегли, но продолжали продвигаться вперед по-пластунски. Некоторые приближались к дзоту.

Раздумывать некогда. Я отдал команду телефонисту Царенко перенести телефон из землянки в ход сообщения, а связному Тарану — принести ящик гранат. В это время взрывом гранаты был поврежден станковый пулемет. Я приказал пулеметчику Бурдейному прикрыть отход Микитюка к землянке. Высокий, крепкого телосложения Микитюк обладал недюжинной силой. Он взял пулемет за «хобот» и перенес его в землянку. Микитюк отлично знал «максим», и пулемет, исправленный им, вскоре опять заработал.

Немцы были совсем близко. Их гранаты в темноте перелетали через наш ход сообщения. Они поднялись в атаку. Я приказал Тарану выстрелить из ракетницы. Стало светло, и по моей команде все наши пулеметчики и стрелки открыли огонь. Таран и Снегурь бросали гранаты. Оставив убитых, немцы отступили. У нас легко ранен был только один боец.

До 20 мая, пока наш сосед справа находился далеко в тылу и правый фланг роты был открыт, немецкая разведка еще несколько раз подходила к нам, но ее своевременно обнаруживал секрет, и, получив дружный отпор, фашисты убрались восвояси.

Но правый фланг нас продолжал беспокоить. И тогда командир батальона приказал минометной роте произвести пристрелку для постановки НЗО — неподвижного заградительного огня. Нам был придан еще один станковый пулемет, расчетом которого командовал Сорокин. Этот пулемет поставили в центре обороны роты так, чтобы можно было вести огонь по противнику в случае его наступления с высоты Черная, а также отсекать огнем фланговые атаки. Командиру расчета приказали до особого распоряжения или наступления немцев огня не открывать, чтобы не обнаружить себя ранее срока.

Вечером 22 мая немцы почему-то не освещали ракетами местность перед своим передним краем. Это настораживало, и командир роты приказал командирам взводов занять свои места в обороне. Только мы разошлись, как начался сильный артобстрел из тяжелых орудий.

Командир пулеметного расчета Сорокин, видимо, принял артогонь за начало наступления противника и дал несколько очередей из пулемета. На окраине села Синешты

у немцев стояло орудие. Из него они и стали стрелять по обнаружившему себя пулемету. Сорокин был ранен в живот и скоро скончался. Пулеметчик Микитюк, находившийся рядом, был убит осколком.

Когда немцы обстреливали нас из тяжелых орудий, минометная рота, чтобы отсечь атаку врага, поставила беглый НЗО перед правым флангом. Некоторые наши мины падали совсем близко от позиций моего взвода, и было довольно неприятно находиться под двойным огнем. Но минометчики действовали точно, ни одна их мина не разорвалась у наших позиций. Началась атака немцев на нашего соседа справа. Мы открыли огонь из всех видов оружия. Противник, встретив дружный отпор, вынужден был отойти.

Были у нас и снайперские дуэли. На одной из дорог, расположенных в тылу противника, рано утром, как правило, появлялись один-два немецких солдата. Я обратил внимание на такую пунктуальность. В одной из хорошо замаскированных траншей мы оборудовали маленькую амбразуру. Дорога от амбразуры находилась в 250—300 метрах. Когда немцы появлялись на дороге, я стрелял, и нередко удачно.

Но в один из дней, когда я выстрелил и интуитивно отдернул плечо, в амбразуру влетела немецкая пуля и ударила в стенку траншеи. Стало ясно, что меня засек снайпер. Выставил в амбразуру шапку, и она тут же была пробита пулей. Снайперская дуэль продолжалась, но мы вынуждены были принять меры предосторожности.

Не могу не сказать несколько добрых слов о своем комбате — Савченко. Его выдержка, спокойствие и хладнокровие, уверенные и решительные действия выдавали в нем человека незаурядного. Мы верили в своего комбата и любили его, гордились тем, что ему было доверено возглавить группу воинов нашей дивизии на Параде Победы в Москве.

И в заключение хочется рассказать о человеке, который спас мне жизнь в августе, когда на нашем участке фронта закончились бои местного значения и началась Яско-Кишиневская операция.

28 августа я был тяжело ранен. С поля боя меня вынесли Таран и Пилипенко. Потом — госпиталь. А потом...

Это было в конце войны в румынском городе Брашов. Я служил в 29-м стрелковом полку 38-й дивизии командиром роты.

Перед строем вновь прибывших стояли командиры полка, командиры батальонов и рот. Вдруг из строя выбежал солдат и бросился ко мне. От неожиданности я отпрянул, а когда взгляделся в солдата, узнал Тарана. Мы обнялись, расцеловались и не смогли удержать слез радости.

Я тут же обратился к командиру полка, доложил ему, что Павел Карпович Таран был у меня постоянным связным и дважды спас мне жизнь. Попросил зачислить его в мою роту. Командир полка без колебаний разрешил это сделать и приказал работнику штаба оформить зачисление.

Вспоминая то суровое время, хочу подчеркнуть, что в тяжелейших условиях подавляющее большинство воинов проявило твердость характера, мужество и храбрость, негибаемую стойкость и самопожертвование во имя Родины.

И. Колодяжный

ТРИ СНАРЯДА

Весеннее наступление было стремительным. Тылы и обозы из-за распутицы значительно отстали от боевых порядков. Боеприпасы у артиллеристов были на исходе.

Для удержания высоты 365, расположенной у села Тешкурены, на прямую наводку было поставлено 76-миллиметровое орудие пятой батареи. Расчету этого орудия выделили 15 снарядов. На четвертой батарее осталось всего три снаряда.

В один из апрельских дней немцы предприняли очередную атаку, чтобы овладеть высотой 365. С наблюдательного пункта было видно, как вражеская цепь приближается к орудийному расчету, стоявшему в засаде на прямой наводке.

Командир дивизиона капитан Седельников принимает решение идти на помощь орудийному расчету. Взяв разведчиков и связистов, находившихся с ним на наблюдательном пункте, он вовремя подоспел к орудью. Вражеская цепь рядом. Хорошо замаскированное орудие не обнаружено.

— Огонь! — командует Седельников.

Снаряды рвутся в гуще врага. Разведчики и связисты открывают огонь по вражеской цепи из автоматов. Противник был отброшен. Высота осталась в наших руках.

Но немцы удерживали соседнюю высоту 375, расположенную юго-восточнее деревни Корнешты, укрепили там оборонительные рубежи. Командование приказало 928-му полку овладеть этой высотой.

Рано утром артиллеристы начали обработку высоты 375 оставшимися в наличии снарядами, а также подавление огневых средств противника в тылу. После артподготовки пехота поднялась в атаку.

Вдруг на высоте 375 ожил вражеский пулемет. Он прижал наших воинов к земле. Атака захлебнулась. К пехотинцам, залегшим у высоты, пополз майор — заместитель командира полка, фамилию которого, к сожалению, не помню. Через несколько минут на командный пункт доложили, что майор тяжело ранен в живот. С болью в душе мы наблюдали за ходом боя. Неужели из-за этого пулемета атака пехоты не достигнет цели?

И тогда командир дивизиона капитан Седельников приказал мне позвонить на четвертую батарею и вызвать к телефону командира орудия старшего сержанта Николая Бабайцева. Когда Бабайцев был у телефона, Седельников взял у меня трубку и сказал:

— Бабайцев, слушай меня внимательно. Немецкий пулеметчик своим огнем не дает нашим бойцам продвинуться вперед. У тебя осталось три снаряда. Сам садись за панораму орудия, а я буду корректировать огонь. Выполняй!

Конечно, с закрытой позиции на расстоянии пяти километров не просто накрыть пулемет оставшимися в распоряжении батареи тремя снарядами. Однако двум опытнейшим артиллеристам хватило этих снарядов. После третьего выстрела вражеский пулемет замолчал. Пехотинцы возобновили атаку. Высота была взята.

В. Шастин

НА ПОЛЯХ МОЛДАВИИ

После завершения Уманской операции мы неудержимо стремились к заветной цели — скорее достичь реки Днестр, освободить родные земли Молдавии и окончательно изгнать врага за пределы нашей Родины. 17 марта части дивизии с боями вышли в район села Гальжбиевка и подошли к Днестру. Форсирование реки с ходу, на подручных средствах, прошло без особых потерь. Но этому форсированию предшествовали дерзкие действия группы разведчиков Юрия Самойленко. Дивизия успешно преодолела крупную водную преграду и продолжала наступление, очищая от врага северо-восточные районы Молдавии.

Наступление развивалось в направлении Голошница, Шептеличи, Згурица, Дрокия, София, Бельцы и далее, к

отрогам высот севернее Корнешты. Наша дивизия во взаимодействии с соседними частями освободила город Бельцы, важный железнодорожный узел на севере Молдавии. Но наступление не было простым передвижением войск по дорогам. Враг цеплялся за каждый метр земли, и отдельные стычки перерастали в ожесточенные бои, как, например, в районе села София.

Батальону капитана Михаила Макаровича Савченко была поставлена задача — выбить противника из северной окраины села и занять его, обеспечив продвижение главных сил. Немцы стремились любой ценой удержать этот населенный пункт. Они организовали сильное сопротивление на подступах к нему, укрепив свою оборону на ближних курганах.

Стрелки роты капитана Суворова скрытно заняли исходный рубеж для атаки и затем, при огневой поддержке минометчиков лейтенанта Гаврилова, нанесли внезапный удар и сбили гитлеровцев с курганов, прикрывающих село София. Немцы не ожидали такого внезапного удара и, не желая смириться с потерей столь выгодных позиций, открыли шквальный пулеметный огонь. В ходе боя Савченко оценил обстановку и пришел к выводу, что противник ожидает продолжения нашей атаки на Софию с левого фланга. Поэтому он решил перенести направление главного удара на правый фланг.

В это время поступили данные разведки о том, что гитлеровцы накапливают силы для контратаки. Но это осложнение обстановки не повлияло на решение Савченко осуществить свой смелый маневр. Оставив на курганах небольшую группу бойцов для отвлечения внимания противника, он быстро перебросил главные силы к правому флангу. Наши воины скрытно, по балке, совершили обходный маневр, нанесли врагу внезапный удар и ворвались в Софию. В боях за село отличились стрелки взводов Агафонова и Колодяжного.

К середине апреля дивизия с боями вышла в район молдавских сел Тешкурены, Кошены и встретила сильное сопротивление противника на северных и северо-западных отрогах высот 365 и 375, расположенных севернее деревни Корнешты. В это время, перейдя к обороне, наши войска начали интенсивную подготовку к операции, которая впоследствии получила название Яско-Кишиневской.

С середины апреля до второй половины августа наша дивизия вела оборонительные бои, непрерывные разведы-

вательные действия, по приказу командования маневрировала вдоль фронта и в глубину обороны. В то же время дивизия пополнялась личным составом, вооружением, боеприпасами, готовилась к боям.

С 18 августа началась усиленная скрытная рекогносцировка противника, сначала только командованием дивизии, а затем и командирами полков. Одновременно, тщательно маскируясь, части дивизии подходили к своему исходному рубежу для предстоящей атаки. Наши тылы заканчивали подвоз и обеспечение подразделений всем необходимым. Штабы вели круглосуточную работу по организации предстоящего боя.

С шести часов утра 20 августа части дивизии заняли исходное положение во второй линии траншей. Первую линию по-прежнему занимала 31-я стрелковая дивизия. В этом была тактическая хитрость. Если бы разведка противника попыталась установить номера частей наших войск первой линии, то она обнаружила бы только давно стоявшую на этом участке 31-ю дивизию. Артиллерийские и саперные части при выходе на исходный рубеж тщательно маскировались.

21 августа 1944 года был получен боевой приказ о наступлении в составе войск 4-й гвардейской армии. В ночь на 22 августа командование дивизии вместе с начальниками родов войск и служб выехало на наблюдательный пункт. В эту ночь были проделаны проходы в минных полях противника. Артиллеристы ждали сигнала к открытию огня...

В 6 часов утра прогремели первые залпы нашего мощного огневого удара. После 35-минутной артподготовки части дивизии, действуя на правом фланге 78-го стрелкового корпуса, прошли через боевые порядки 31-й дивизии и с ходу прорвали сильно укрепленную оборону противника в районе села Загоранча, северо-западнее города Унгены. Атака была настолько стремительной, что враг, понеся большие потери, не смог организовать сопротивление на всех трех линиях траншей, которыми мы овладели уже к 7 часам.

Итак, наибольший успех наметился в полосе прорыва нашей дивизии. Ее полки, прикрытые справа рекой Прут, успешно продвинулись вперед.

В глубине своей обороны противник заранее подготовил сильно укрепленные рубежи, особенно за железнодорожной линией Пырлица — Унгены, где хотел закрепиться и оказать упорное сопротивление. Но, ломая его сопротивле-

ние на этих промежуточных рубежах и захватывая их, наши части к 15 часам овладели населенными пунктами Новые Берешты, Унгены и вели бой за Дануцены. К исходу первого дня наступления дивизия продвинулась на глубину до 25—27 километров, успешно выполнив поставленную задачу.

На следующий день, 23 августа, дивизия продолжала решительное наступление с целью быстрее завершить окружение кишиневской группировки противника. Отход его частей был замечен в общем направлении к реке Прут в район Немцены — Леушены. Немцы стремились вырваться из наметившегося «котла».

Вот тут-то и сыграл свою роль разработанный нами маневр для захвата переправ через Прут. Отразив контратаки гитлеровцев в районе Костулены — Макарешты, дивизия во второй половине дня выбросила вперед на автомашинах подвижной передовой отряд в составе стрелкового батальона, трех батарей противотанковых пушек и роты сапёров. Этот передовой отряд прорвался через боевые порядки противника и в глубине его обороны захватил и удерживал до подхода главных сил дивизии переправы в районе Немцены.

Поставленная перед подвижным отрядом боевая задача была выполнена, несмотря на то что враг подтянул к переправе до трех тысяч солдат с артиллерией. Гитлеровцы повторяли свои контратаки непрерывно, до 8 раз, но все безуспешно. В результате совместных действий отряда и главных сил дивизии наши подразделения встретились с частями 63-й механизированной бригады 3-го Украинского фронта в районе хутора Ивановка и высоты 191,8. Таким образом, было завершено окружение кишиневской группировки противника...

25—26 августа полки вели тяжелые бои в районе Немцены — Леушены. Затем дивизия получила приказ разгромить группировку немцев на правом берегу реки Прут, в районе города Хуши. Так мы вступили на территорию Румынии, продолжая решительное наступление.

И. Фролов

Примерно в середине июля 44-го года, когда наша дивизия готовилась к наступлению на Унгены, разведчикам 787-го артиллерийского полка была поставлена задача — взять «языка».

Передний край противника был крепким «орешком». Подходы к проволочным заграждениям заминированы. Более того, на колючей проволоке всюду висели пустые консервные банки и другие предметы, издававшие звук при малейшем прикосновении к ним. Словом, прежде, чем идти в ночной поиск, надо было хорошо подготовиться.

Разведчики артполка в течение четырех ночей подползали к переднему краю, выискивая наиболее подходящее место для преодоления минного поля и проволочного заграждения.

Затем ночью саперы проделали проход через минное поле и лаз в проволочном заграждении. Группой захвата «языка» командовал лейтенант Алексей Пруссаков, с ним были сержанты Андрей Коновалов, Петр Погодаев, Виктор Сивков и рядовой боец Дмитрий Каширин.

Они удачно прошли через все препятствия, проникли в траншею противника, в завязавшемся коротком бою захватили гитлеровца и вернулись назад.

«Язык» был немедленно доставлен в штаб дивизии. За этот подвиг все разведчики награждены орденом Красного Знамени.

И. Константинов

МОСТ ВЗОРВАН

Жаркой августовской ночью я был вызван к командиру полка и получил боевую задачу — подорвать мост через Прут и тем самым отрезать врагу последний путь отхода за реку. Нужно было торопиться, чтобы использовать для этого темное время суток. До командного пункта первого батальона добирались по «ниточке» — телефонному проводу, благо расстояние было небольшое. На КП батальона мы с его командиром Шпытом в деталях обсудили весь план предстоящей операции. Было принято решение одной стрелковой ротой и саперным взводом лейтенанта Бессонова без шума ночью ворваться на мост, заложить ящик тротила — около 25 килограммов — и подорвать его. Остальным подразделениям быть готовыми поддержать дей-

ствия саперов и стрелков огнем, а в случае необходимости — и атакой.

Мы понимали, что операция предстояла трудная и ответственная. Трудность ее заключалась в том, что все подходы к мосту были заминированы и ограждены колючей проволокой. Мост охранялся танками и крупнокалиберными пулеметами. Местность на подходах к мосту была открытая, ровная и давала противнику возможность простреливать каждый метр земли.

Наши войны продвигались вперед, соблюдая все меры маскировки. Саперы проделали проходы в минных полях и проволочных заграждениях и незаметно проникли на мост. Оказалось, что гитлеровцы уже подготовили его к взрыву. Это было нами использовано. В один из зарядов мы быстро вставили зажигательную трубку и подожгли ее. В этот момент противник обнаружил нас и открыл ураганный огонь из всех видов оружия. Но зажигательная трубка уже горела, и был дан сигнал отхода. У каждого из нас единственная мысль: взорвется ли мост?

Как мучительно долго в такой обстановке тянутся минуты ожидания. Вдруг земля вздрогнула от мощного взрыва — четыре пролета взлетели на воздух. Задача выполнена — это главное! В короткой операции мы недосчитались многих боевых товарищей.

А вскоре противник начал большими группами сдаваться в плен, так как отход ему за Прут был отрезан.

В. Моисеев

БОЙ ЗА УНГЕНЫ

В Молдавии, близ города Унгены, возле переезда через железную дорогу, на рассвете 22 августа 1944 года подразделения 110-го отдельного истребительно-противотанкового дивизиона занимали боевые позиции.

Дивизион накануне вел успешные бои, пройдя от Скуляны до этого железнодорожного переезда в боевых порядках пехоты, уничтожая технику и живую силу противника, который пытался прорваться из яско-кишиневских клещей за реку Прут, в Румынию. В этот день мы получили приказ перекрыть шоссе Пырлица — Унгены и охранять дорогу из Скуляны от нападения фашистских подразделений, выходящих из окружения.

Для решения боевой задачи я поставил две батареи 76-миллиметровых пушек так, чтобы контролировать до-

рогу на Пырлицу и держать ее под обстрелом прямой наводкой, а еще одну батарею и роту противотанковых ружей расположил между железнодорожным переездом и развилкой дорог на Пырлицу и Скуляны. Закончив расстановку боевых средств, переключил свое внимание на продвижение нашей пехоты в сторону города Унгены. Мой наблюдательный пункт был расположен на чердаке железнодорожной будки.

И вдруг случилось непредвиденное. Из ложбины между буграми, с левой стороны дороги, осторожно вышли и начали сосредоточиваться на узкой поляне более 200 солдат и офицеров противника. Они не заметили замаскированных орудий и засевшую в дорожном кювете роту противотанковых ружей. Немцы явно готовились пересечь дорогу, чтобы уйти к реке Прут.

Рота открыла предупредительный огонь по врагу и потребовала сдачи в плен. Но гитлеровцы не спешили поднимать руки и с криком бросились к шоссе, стреляя на бегу из автоматов и пистолетов. Наши воины в ответ открыли кинжальный огонь по бегущей на них толпе, а артиллеристы поддерживали их с фланга очередями из трофейных пулеметов. Бросок колонны противника потонул в плотном шквале нашего огня. Фашистские вояки залегли и замахали белыми платками. Огонь прекратился. Сдавшимся в плен было приказано встать и поднять руки.

Это была последняя попытка противника прорваться к реке Прут через наши боевые порядки. О результатах боя я доложил по радио командиру дивизии. Генерал Горбачев приказал передать благодарность всем воинам, которые участвовали в этом бою, а наиболее отличившихся представить к наградам. Одновременно он приказал передислоцировать батарею и роту противотанковых ружей на северо-западную окраину города Унгены для поддержки огнем нашей наступающей пехоты.

Противник не успел организовать оборону, его отдельные огневые точки легко подавлялись нашей артиллерией, и пехотинцы квартал за кварталом очищали этот населенный пункт от фашистской нечисти.

В центре города Унгены с чердаков двух домов раздавались пулеметные очереди. Оттуда немцы вели огонь вдоль дороги по нашей наступающей пехоте. По одному снаряду на каждый дом затратил командир орудия старший сержант Шулежко — прямым попаданием он снес крыши этих домов. Огневые точки врага замолчали. Во

второй половине дня 22 августа город Унгены был освобожден.

Выполнив боевую задачу, мы вскоре перешли через реку Прут. Началось наше наступление на румынский город Хуши.

Война все дальше и дальше уходила на запад...

В. Пичугин

ПОДВИГ РАЗВЕДЧИКА

Павел Свистов в свои 18 лет, как и его сверстники, мечтал о ратном подвиге. Наконец, получив повестку, попрощался с родными и друзьями и уехал на запад. В 928-м полку, куда был направлен сибиряк, его зачислили бойцом взвода пешей полковой разведки. Вскоре Свистов стал отличным воином-следопытом, изумлявшим всех своей выносливостью и мужеством.

22 августа 1944 года наша стрелковая дивизия в составе войск 2-го Украинского фронта прорвала оборону противника в районе станции Унгены и стремительно развивала наступление на юг, вдоль левого берега реки Прут, навстречу войскам 3-го Украинского фронта. Через два дня части дивизии встретили сильное сопротивление противника севернее села Балаурешты. В этом селе скопилось большое количество немецких автомашин и конных обозов, которые враг пытался вывести из окружения и переправить на правый берег реки Прут.

Выполняя задание, командир отделения взвода полковой разведки сержант Павел Свистов с группой разведчиков в составе четырех человек незаметно проник в село Балаурешты и с близкого расстояния внезапно открыл огонь из ручного пулемета. В автомашины полетели гранаты.

Фашисты, ошеломленные внезапностью нападения и силой огня, в панике начали разбегаться и сдаваться в плен. В этой героической схватке сержант Свистов уничтожил свыше 30 и захватил в плен 22 гитлеровца. Нашим войскам достались трофеи — более 50 автомашин, почти 150 повозок с военным имуществом и продовольствием, а также 7 исправных пушек.

За этот боевой подвиг Указом Президиума Верховного Совета СССР от 24 марта 1945 года Свистов был удостоен звания Героя Советского Союза.

Наша дивизия продолжала наступать. Впереди еще немало фронтовых дорог, жарких боев и отчаянных стычек с

П. Д. Святлов

врагом. В феврале 1945 года на территории Венгрии отважный солдат-разведчик был тяжело ранен.

Павел Дмитриевич Святлов родился в 1924 году в селе Солоновка Алтайского края. После войны работал слесарем на котельном заводе в городе Бийск Алтайского края. Умер в 1984 году.

А. Пилипенко

ЛЕЙТЕНАНТ БЕЛОБОРОДОВ

Командир разведвзвода 2-го батальона 924-го стрелкового полка коммунист лейтенант Валентин Белобородов 23 августа получил задачу — наступать впереди боевых порядков полка и обеспечить успешное продвижение наших частей.

Объясняя своим бойцам задачу, лейтенант говорил:

— Настал момент отомстить проклятому врагу за все его злодеяния. Я призываю вас, мои боевые друзья, бить врага, не жалея ни сил, ни крови.

Белобородов повел своих разведчиков вперед. На одном из рубежей противник попытался задержать наступление усиленным взводом автоматчиков. Белобородов смелым маневром с фланга выбил немцев.

К исходу дня группа Белобородова встретила сильное сопротивление гитлеровцев. Вражеский пулемет не давал поднять головы, длинными очередями бил вдоль дороги. Обстановка резко осложнилась. Наша пехота залегла, наступление приостановилось.

— Вперед, друзья! — скомандовал Белобородов. Он принял решение уничтожить пулемет. Бойцы поднялись и, перебегая от дерева к дереву, из лощинки в лощинку, на-

чали сближаться с пулеметом, который продолжал бить вдоль дороги. Разведчики подобрались довольно близко к пулемету, но гранату бросить — далеко, а огонь открыть — себя обнаружить. Поэтому Белобородов со своими бойцами продвигался по-пластунски либо короткими перебежками.

Вдруг кустарник кончился, и перебежавший впереди Белобородов очутился лицом к лицу с пулеметчиком. Немец круто развернул пулемет и длинной очередью хлестнул в сторону советского офицера. Отважный воин был ранен в грудь. Пулеметчик снова стал разворачивать пулемет влево, откуда приближались наши бойцы.

В этот момент Белобородов бросился к вражескому пулемету. Немец вторично дал по нему очередь с разворотом. Она косо прошла командира, но он невероятным усилием воли собрал остаток сил, рванулся вперед и накрыл своим телом немецкий пулемет. Гитлеровец отпрянул в сторону и тут же был сражен очередью из автомата.

Путь нашей пехоте был открыт. Бойцы взвода подошли к своему любимому командиру, лежавшему на вражеском пулемете, молча склонили головы...

Комитет комсомола Кишиневского государственного университета, а также следопыты — школьники села Макарениты провели большую работу по сбору средств, и 9 мая 1973 года, в День Победы, на северо-западной окраине Макарениты был открыт обелиск в память подвига Белобородова.

И. Фролов

СМЕЛОМУ И ТАНК НЕ СТРАШЕН...

В личном архиве одного из нас хранится пожелтевшая от времени фотография. На ней запечатлен полнолицый человек с лихо закрученными вверх усами. Это наш однополчанин — Герой Советского Союза Федор Филиппович Шабашов.

И невольно вспоминается жаркое лето 44-го года. Тогда по всему 2-му Украинскому фронту прокатилась слава рядового Романа Смищука, уничтожившего противотанковыми гранатами несколько танков противника. Видимо, подвиг Смищука, о котором писали и фронтовая газета «Суворовский натиск», и наша дивизионная «Боевая красноармейская», оказал влияние на неторопливого, спокой-

ного и рассудительного солдата — бронейбойщика 924-го полка Шабашова...

Вот некоторые начальные этапы боевого пути Федора Шабашова. Боевое крещение он получил в июне 1941 года на Западном фронте, неподалеку от города Рогачев. Уже тогда, в очень сложной обстановке, Шабашов не спасовал. В первом же бою он проявил мужество и расторопность, за что получил благодарность от командования.

Война многому научила молодого солдата. Росло его мастерство. Крепла воля и вера в победу. После ранения, которое он получил в конце 43-го года, Шабашов был направлен в нашу дивизию. Здесь он узнал о подвиге Смищука. Да и на своем опыте убедился, что не так страшен танк, если действовать хладнокровно и расчетливо.

Наша дивизия развивала наступление. Вражеский пулеметчик мешал продвижению пехоты. Шабашов, располагавшийся на левом фланге, засек пулеметное гнездо. «А что, если ударить по пулемету из «бронейбойки»?» — мелькнула мысль. Он поудобнее примостился к ружью, прицелился и нажал на спуск. Пулемет сразу замолчал. Этим воспользовались пехотинцы, атаковали противника и выбили его с высоты.

— Молодец, Шабашов, — похвалил комбат бронейбойщика. — Отлично помог нам в трудную минуту.

А через два дня, 24 августа, продвижение полка было приостановлено немецкими танками. «Вот и подошло мое время», — подумал тогда Шабашов. Первая же пуля, пущенная из противотанкового ружья, заклинила башню танка, и он прекратил огонь.

— А-а-а, не правится! — крикнул Шабашов и всадил бронейбойную пулю в самоходку. Потом еще и еще. Воодушевленный успехом, он перенес огонь на второй танк и вывел его из строя.

В это время под прикрытием танков на прямую наводку выдвинулись два немецких орудия. Шабашов понимал, что эти орудия могут свести на нет все его усилия. «Надо бить по орудиям», — решил он. После первого же выстрела Шабашов увидел, как от одного из орудий стали разбегаться гитлеровцы. Бронейбойщик перенес огонь на второе. Потом выстрелил, целясь в щит. Пушка замолчала. Для верности он произвел еще два выстрела.

Шабашов видел, как дружно поднялась наша пехота и устремилась вперед. В это время появился еще один танк. Бронейбойщик прицелился и выстрелил. Крышка люка тан-

ка приподнялась, и из него вывалились на землю два танкиста. Над рядами атакующих пехотинцев прокатилось мощное «ура».

Когда закончился бой, к Шабашову подошел командир полка майор Коваль.

— От всей души благодарю, — обнимая бронбойщика, сказал он. — Представляю тебя к высокой награде.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 24 марта 1945 года Шабашову было присвоено звание Героя Советского Союза. Он участвовал в боях по освобождению Румынии и Венгрии. 30 января 1945 года был тяжело ранен.

Ф. Ф. Шабашов

Федор Филиппович Шабашов родился в 1914 году в селе Байка Сердобского района Пензенской области. До войны он — бригадир полеводческой бригады совхоза. После войны — директор пищекомбината. Ныне — на пенсии. Живет в Пензе.

И. Фролов, А. Пилипенко

ОТВАЖНЫЙ ПУЛЕМЕТЧИК

Надвигался вечер. Солнце уходило за пелену густых облаков, и с востока наплывала вечерняя синь. Еще несколько минут — и все поглотит тьма.

Командир пулеметной роты 928-го полка лейтенант Василий Золотарев обошел взводы, проверил каждый расчет и вернулся на свой командный пункт. Отсюда начинался овражек, поросший по краям колючим кустарником. В нескольких шагах возвышался бугорок. Командир прилег, прикрывшись от шальных пуль свежей насыпью вырытого окопа и этим бугорком.

Василия Золотарева беспокоила мысль: неужели немцы проскочат? Хотя плотность огня здесь хорошая, простреливается каждый метр. Нет, все-таки фашистам не пройти.

Лейтенант вынул из кармана фотокарточку. Еле разглядел в сумерках милое лицо и снова уложил фото в карман рядом с партийным билетом. Думалось Василию: вот кончится война и он вернется к любимой.

В эту минуту неподалеку разорвалось несколько снарядов. Василий Золотарев подал команду:

— Приготовиться!

На гашетки станковых пулеметов легли огрубевшие пальцы. Бойцы пристально всматривались в сумеречное поле, откуда должен был появиться враг. Через несколько минут пулеметчики услышали рев моторов. Гул все усиливался. На горизонте показались черные силуэты. Они вырастали, становились ближе. Это танки противника. Вскоре фашисты открыли огонь. Было видно, как с танков начали спрыгивать автоматчики.

Командир роты сообщил комбату через связного о внезапной атаке немцев. На этом участке обороны не было противотанковых орудий. Две пушки еще только выдвигались на позиции.

Немцы короткими перебежками, пользуясь наступившей темнотой, все ближе и ближе подходили к окопам роты. Пулеметчики открыли по ним огонь. Бой принимал ожесточенный характер. Некоторые вражеские солдаты приблизились на расстояние в пять-шесть бросков. Фашистские танки поддерживали своим огнем атакующую пехоту.

— За Родину! Вперед! — крикнул кто-то из бойцов.

Завязался рукопашный бой. Из-за танков появлялись новые цепи вражеских солдат. Поливая автоматным огнем, они заставили наших бойцов залечь. А через некоторое время гитлеровцы опять пошли в атаку. Их снова поддерживали танки.

Не дрогнул командир роты Василий Золотарев. Он решил не отходить, а принять удар на себя. Накалялись коробки пулеметов, в них закипала вода.

Начало светать. Фашисты предприняли новую атаку. Горстка пулеметчиков встретила их перекрестным огнем. Забинтована голова Василия Золотарева. Он получил ранение, но роту не оставил.

Часа в 4 утра три танка врага вновь предприняли атаку на пулеметные расчеты. Лейтенант Золотарев заблаго-

временно подготовил противотанковые гранаты, раздал их бойцам.

Танки, ведя непрерывный огонь, развернулись вдоль окопов и стали утюжить наши траншеи. Не дрогнули пулеметчики. Как только один из танков приблизился к окопу, в него полетела связка ручных гранат. Первая машина с черным крестом на борту смяла бойца Петра Мицука. Друзья солдата отомстили за его смерть. Под гусеницы танка была брошена граната. Машина завертелась на месте и остановилась.

Фашисты попытались выбраться из танка через люк, но их уложила меткая пулеметная очередь командира роты. В это время Василий Золотарев заметил, как в тылу разворачивается второй танк. Стало ясно: цель танка — его пулемет. Отходить некуда. Тогда бесстрашный офицер со связкой гранат в руке бросился под танк. От сильного взрыва машина вспыхнула.

Третий вражеский танк стал отходить. Но подоспели артиллеристы. Они подожгли и эту машину врага.

Поступила команда приготовиться к атаке. После артиллерийской обработки переднего края противника пехота пошла вперед. Через несколько часов был взят сильно укрепленный населенный пункт. А потом пулеметчики вернулись к месту гибели командира Василия Золотарева. Из его кармана вынули партбилет, залитый кровью, несколько писем, фотокарточку девушки.

Бесстрашного пулеметчика похоронили на окраине села Фалешты Молдавской ССР, недалеко от школы.

Лейтенант Василий Золотарев в составе 928-го стрелкового полка принимал участие в боях под Белгородом и Харьковом, освобождал города и села Украины и Молдавии.

Он был награжден орденом Красной Звезды, медалью «За отвагу».

И. Чигодайкин

ДОМИК НА ОТШИБЕ

Война стремительно уходила на запад. На иссеченных осколками бортах фронтowych автомашин красовались только что отпечатанные плакаты, на которых были изображены улыбающиеся бойцы, натягивающие новые сапоги: «Дойдем до Берлина!»

С товарищем своим, Иваном Чигодайкиным, шли мы в один из батальонов дивизии.

Утро напоило травы росой, и они под щедрым солнцем переливались всеми цветами радуги. В воздухе плавали запахи созревающих яблок и груш. Над головой мелькали редкие паутинки недалекого бабьего лета. В придорожной пыли стрекотали кузнечики. Мы шли по шляху, исполосованному гусеницами тяжелых танков. Шли молча, наслаждаясь наступившей на мгновение тишиной...

Впереди показалась деревушка, зелеными усадьбами разбросанная подле дороги. Ветерок бежал нам навстречу, и от домов тянуло все тем же, но более густым фруктовым настоем. Молча, погруженные каждый в свои думы, миновали мы нестройный ряд домов, вышли на окраину, спустились в ложок и поднялись где-то уже за деревенькой.

И вдруг до слуха нашего донесся еле уловимый крик. Мы остановились и прислушались. Теперь можно было различить зов, обращенный, видимо, к нам.

— Сы-ноч-ки!.. Сы-поч-ки!..

Доносился он из дальнего конца лога, и, не сговариваясь, мы побежали туда. Тропинка, на которую мы ступили, забирала круто вправо, и за поворотом, в тупичке лога, показался домик, со всех сторон окруженный небольшим садиком. Оттуда-то по тропке и бежал к нам человек, то и дело выкрикивая:

— Сы-но-очки-и!.. Сы-но-очки-и!..

Когда мы приблизились к нему, он молча поклонился нам, выпрямился и произнес:

— Сыночки... будьте ласковы... зайдите до мене!

Перед нами стоял совершенно седой, с окладистой бородой старик в холщовой рубаше и залатанных штанах.

— Очень прошу... Вчера вечером здесь фашистов турнули... Наши сынки были во всех хатах. А у меня никого не было. — Старик передохнул и, словно оправдываясь, добавил: — Хата моя, понимаете, на отшибе...

Старческие глаза его излучали такое тепло, в них стояла такая жгучая просьба, что, не раздумывая, мы протянули ему руки и по тропинке пошли к домику. У порога нас встретила седая женщина. Она всплеснула руками:

— Батюшки!.. Наши!.. Родненькие!..

— Готовь, старая, на стол, — все тем же взволнованным голосом, но уже с повелительным оттенком, проговорил старик. — А я преображусь малость...

От печи, через открытую дверь, тянуло запахом жареного картофеля и лука, на лице хозяйки было столько радости, что мы, не ожидая вторичного приглашения, шагнули за порог. Старушка схватила рушничок, вытерла одну, потом другую табуретку и придвинула их к столу.

— Вот сюда сидайте, сюда, сюда...

Через несколько минут на пороге появился старик. На нем была красноармейская гимнастерка времен гражданской войны, вместо холщовых штанов — потертые галифе. Старик вытянулся в струнку, бросил правую ладонь к буденовке и молодцевато произнес:

— Рядовой красноармеец Иванов... — На миг он смутился и, еще раз приложив руку к буденовке, добавил: — Дозвольте войти, товарищи командиры?!

Мы подхватили старика под руки и усадили на табуретку.

— Откуда у вас, отец, эта форма? — придвинувшись к старику, спросил мой спутник.

Старик хитро глянул на него, неторопливо разгладил бороду, вытянул из кармана четвертинку водки, поставил ее рядом со скворчащей сковородкой.

— Сначала, сынки, — сказал он, разливая жидкость по кружкам, — выпьем за тех, кто пал за нашу деревушку, за дорогих наших солдат.

Мы молча выпили.

— А форма эта более трех лет покоилась у меня в погребке в земле, — начал рассказ старик. — Мне скоро семьдесят стукнет. Воевал я с японцами в Порт-Артуре, потом был в армии генерала Брусилова. А как революция грянула, вся наша рота перешла к большевикам. Били мы и Юденича, и Колчака... Да вы кушайте, кушайте!..

Старик умолк. Потом посмотрел на наши ордена и медали, махнул рукой — дескать, была не была! — и полез в карман гимнастерки, извлекая оттуда какую-то тряпицу.

— Здесь и мои награды. Егорни... — Старик осекся и уже скороговоркой добавил: — Вот только не знаю, можно ли их носить?

— Отчего же нельзя, — привстал мой товарищ. — Можно! — И помог старому солдату прикрепить к гимнастерке «егорни». Глаза у старика загорелись, словно он вторично получал боевые отличия за былую отвагу.

...Часа через два мы попрощались с гостеприимными хозяевами. Старик вышел нас проводить. Он прихватил кошелку с яблоками, приготовленную его старухой.

День был в разгаре. Роса сошла. Прибавилось плавающих над головой паутинок. Дружнее стрекотали кузнечики.

— Ну, сынки, до скорого свидания. — Старик обнял нас по очереди. Потом, обращаясь к Чигодайкину, сказал негромко: — Хорошо, что тебя зовут Иваном, а меня Ивановым. На Иванах Русь наша стояла и стоять будет...

Старик помолчал, а затем добавил:

— И деревня наша Ивановкой зовется.

Долго еще махал он нам вслед, прикрывая ладонью глаза от яркого солнца.

И. Гребцов

«БОЕВАЯ КРАСНОАРМЕЙСКАЯ»

По страницам дивизионной газеты

В ТУ НОЧЬ...

В ту незабываемую ночь, когда мы первыми переправились через Днепр, я особенно остро почувствовал свою ответственность как воин Страны Советов.

Незамеченным пробрался в тыл врага. Немцы рядом. Они ведут огонь. Засаека огневые точки. Мысленно говорю себе: «Ну, Иван Тимофеевич, пора начинать», — и ударил длинными очередями из «максима». Немецкий пулеметный расчет был выведен из строя, другие враги побежали.

А в это время с левого берега стреляли наши минометчики. И хорошо стреляли. Конечно, они не могли знать, что и я нахожусь в полосе их обстрела. Как дать им об этом знать? Решил еще одну очередь из пулемета послать по бегущим гитлеровцам. Да так, чтобы на том берегу услышали, как говорит наш «максим». Должен сказать, что там услышали и меня поняли правильно. Минометы тоже ударили по отходящему врагу.

Мы упорно дрались более суток, удерживая занятую нами часть правого берега, и обеспечили переправу подкрепления.

*Младший лейтенант
Иван Гончаров
8 октября 1943 г.*

МЫ — ПОБЕДИЛИ

На моих глазах в селе Дергачи фашисты повесили, расстреляли и замучили многих советских людей. Как только Красная Армия освободила наше село, я взял в

руки оружие и сказал односельчанам: «Иду мстить гитлеровским палачам».

Мне выпала высокая честь в числе семерых в первой же лодке переправиться через Днепр.

Вот мы на противоположном берегу. Я залег за пулеметом. Нажимаю на гашетку, а губы шепчут: «Это вам за мои Дергачи!»

28 часов мы вели бой за пятючок на правом берегу Днепра. И вышли победителями.

*Красноармеец Иван Островерх
8 октября 1943 г.*

ГЕРОИЧЕСКОЕ ЕДИНОБОРСТВО

19 немецких танков, стреляя и грохоча, шли на наши боевые порядки. Гитлеровцы думали запугать славных воинов офицера Бектургазова. Не вышло! Не дрогнули ряды советских богатырей.

Командир взвода ПТР младший лейтенант коммунист Ибрагимов выдвинулся с противотанковым ружьем навстречу вражеским танкам. Он решил бить их с близкого расстояния, наверняка.

Местность была ровная. На фоне белого снега хорошо видны темные силуэты фашистских машин. Они подошли на 400 метров и залповым огнем били по нашим боевым порядкам. Вокруг Ибрагимова рвались снаряды, но он был спокоен. Перед ним были немецкие танки, и его долг — уничтожить их. Первыми выстрелами советский офицер подбил танк.

Наша артиллерия уничтожила еще пять танков. Но остальные продолжали двигаться. С расстоя-

ния 200 метров Ибрагимов выстрелил в ходовую часть шедшего впереди танка, и он тоже остановился.

*Младший лейтенант
Д. Кугультинов
1 января 1944 г.*

СВЯЩЕННАЯ МЕСТЬ

Ручной пулемет комсомольца Мельникова действует безотказно. Молодой воин гордится своим оружием, содержит его в порядке, помня, что это оружие ему доверено Родиной.

Священная месть зовет комсомольца Мельникова вперед. Он мстит гитлеровцам за сожженное ими родное его село, за кровь и слезы близких ему людей.

Пятьдесят гитлеровцев истребил в боях отважный пулеметчик. Его пули без промаха рязят врага.

*М. Бабинцев
5 января 1944 г.*

ВРАГ БУДЕТ УНИЧТОЖЕН

В подразделениях офицеров Буйницкого, Грачева и Коллакова состоялось партийно-комсомольские собрания, на которых обсуждались задачи артиллеристов. В одном из подразделений с докладом выступил офицер Буйницкий.

— В кратчайшие сроки разгромить и ликвидировать окружающую группировку немецких войск — наша первоочередная задача, — сказал он. — Наши орудия должны быть в головных подразделениях пехоты, обеспечивая ее продвижение вперед. Опыт боев под Сталинградом нам всем пригодится.

В качестве примера докладчик указал на действия коммуниста Глушко, который во вчерашнем бою уничтожил вражеский пулемет и большую группу гитлеровцев, пытавшихся прорваться.

Выступивший в прениях ком-

мунист Савенков говорил о необходимости вести тщательную разведку, не дать врагу вырваться из кольца. Другие выступавшие заверили командование, что они с честью выполнят поставленные задачи.

*Капитан Ю. Розенберг
6 февраля 1944 г.*

ПОДВИГ ОТВАЖНЫХ

На участке подразделений офицеров Тихомирова и Некрасова враг в течение дня девять раз пытался вырваться из «мешка». Немцы под прикрытием танков остревенело лезли на наши боевые порядки. Стрелки, успешно отразив натиск гитлеровцев, продвинулись вперед и прочно закрепились на новом рубеже.

*Рядовой М. Решетов
6 февраля 1944 г.*

ОТВАЖНЫЙ СВЯЗИСТ

Прокладывая телефонную связь, ефрейтор Михаил Безгодков подошел вплотную к немецким окопам. Гитлеровцы открыли по связисту огонь. Но и Безгодков, укрывшись за бугорок, не молчал. Он начал отстреливаться, действуя решительно и дерзко. Он надеялся и на то, что наши пехотинцы, увидев его поединок с врагом, придут на выручку. И не ошибся. Кто-то из автоматчиков очередью пригвоздил стрелявших немцев к земле. Воспользовавшись огневым прикрытием, Безгодков благополучно достиг траншей нашей оборонительной линии.

*Ефрейтор А. Лениоза
12 апреля 1944 г.*

БОЕВОЕ ЗАДАНИЕ ВЫПОЛНЕНО

Непогоду и ночную темноту старший группы коммунист Тре-

Третьяченко решил использовать как помощников. Его группа в составе сержанта Хомина, бойцов Прокосенко, Пономаренко, Тристана, Козлова, Дударова и Борисова темной ночью скрытно перешла линию немецкой обороны. В тылу противника саперы точно выполнили задание командира, кроме того, добыли ценные сведения. Обратный путь был также не легок. У переднего края отважным саперам пришлось пролежать 12 часов в ожидании удобного момента. Благополучно возвратившись в свое подразделение, старший сержант Третьяченко доложил о выполнении задания.

*Младший лейтенант В. Щекотов
12 апреля 1944 г.*

СПАСИБО, РОДИНА!

Спасибо, Родина,
спасибо за награду.
От всей души тебя благодарим,
Клянемся в том,
что пронесем сквозь дым,
Сквозь гул атак и грохот
канонады
Мы наше знамя
с орденом вторым.
Пойдем вперед, усталости не зная.
Враги от нашей земли не уйдут!
Закончим с честью
свой солдатский труд!
Два ордена, на знамени сверкая,
Нас к подвижам,
ставшим подвигам зовут.
*С. Тельканов
20 апреля 1944 г.*

В ЗАСАДЕ

Небольшая балка упиралась своим концом в полотно железной дороги. В двух километрах от насыпи, пересекая балку, проходило шоссе, по которому двигались немецкие машины и повозки.

Сюда, к этому шоссе, рано утром офицер Кожанов вывел свою группу разведчиков. Их было

трое — В. Бондаренко, Г. Кайола и М. Григорьев. Шли они, прикрываясь насыпью, потом спустились в овраг и, повернув налево по балке, вышли к дороге. Остановив бойцов, Кожанов приказал окопаться в рощице, что была вблизи шоссе. Он объяснил, как действовать.

— А теперь — по местам!

Наконец показались повозки и автомашина с орудием на прицепе. Рядом, о чем-то споря между собой, шли гитлеровцы. Они ничего не подозревали. А когда немцы спустились в балку, навстречу им с автоматом в руках поднялся комсомолец Владимир Бондаренко:

— Руки вверх!

Опешившие враги хотели бежать, некоторые схватились за оружие, но из рощицы выскочили остальные разведчики. Гитлеровцы сдались в плен.

За проявленные смелость и мужество офицер Кожанов был награжден орденом Красной Звезды, Бондаренко, Кайола и Григорьев — орденом Славы III степени.

*Старший сержант И. Гребцов
26 апреля 1944 г.*

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ ПОМОГАЕТ СЫНОВЬЯМ

Николай Иванович Синицын ушел воевать пятым. Отправив на фронт сыновей, он сказал жене:

— Ну, старуха, и мне пора идти. Пойду сынам помогать.

На фронте Синицын попал в обоз, потом стал поваром, а сейчас работает старшиной.

Чуть свет вылезает Синицын на передовую, везет в термосах горячий завтрак. Радостно встречают его бойцы. Они знают, что, кроме горячей пищи, Николай Иванович привезет газеты и письма.

*Старший сержант В. Нишита
26 апреля 1944 г.*

МУЖЕСТВО

Позиция, которую занимал Иван Слюсарь, была оборудована впереди основного рубежа нашей обороны. Потому-то к нему первому стали приближаться гитлеровцы. Слюсарь был молодым бойцом, но в военную пору солдат мужает быстро.

Немцы рядом, и тогда Слюсарь приподнялся над бруствером и метнул гранату в гущу врага.

Но вот заговорила наша артиллерия. Под прикрытием огневого вала «бога войны» пехотинцы атаковали гитлеровцев. Солдат Слюсарь был в первых рядах наступающих.

*Старший лейтенант Н. Ивашина
1 мая 1944 г.*

СОВЕТЫ БЫВАЛОГО ВОИНА

Еще в 1919 г. мой отец участвовал в боях за Советскую власть. А когда я уезжал на фронт, он сказал:

— Береги, сынок, свою винтовку. Пуще глаза своего береги. Ухаживай за ней, и она тебя не подведет.

Крепко я запомнил слова своего отца. Бывало, ложусь отдыхать, заверну винтовку в край палатки, а ремень держу в руке. И песок не попадает в казенник, и оружие под рукой. Бег моя винтовочка безотказно. Не раз она мне жизнь спасала. Только чистить ее надо, ухаживать за ней, как учил отец.

*Рядовой Григорий Курко
26 июля 1944 г.*

БЬЮТ АРТИЛЛЕРИСТЫ

Ночь. С переднего края сообщили, что немцы силами до двух рот предпринимают разведку боем. Звучит команда: «К орудиям!» Возле орудий встали прославленные их командиры: Бабайцев, Ко-

лодяжный, Абрамов, Каулан, Каршак и Горнев. «Огонь!». Раздались дружные залпы. Четко и слаженно работали артиллеристы. Вскоре гитлеровцы поятились, а затем побежали. Короткий бой кончился нашей победой. Были взяты пленные.

*Комсоре старший сержант
К. Тараканова
14 августа 1944 г.*

ЕСТЬ ГДЕ ПОЧИТАТЬ

В подразделении офицера Каштанова по инициативе коммуниста Кудряшова бойцы оборудовали хорошую культземлянку. Посредине землянки установили стол, на нем разложили газеты, различные книги и брошюры. На стенах — портреты Героев Советского Союза.

Есть где почитать нашим бойцам в минуты затишья. Сейчас мы коллективно читаем книгу Николая Островского «Как закалялась сталь».

*Рядовой И. Бурлака
16 августа 1944 г.*

СЧЕТ МЕСТИ

Поддерживая наступающую пехоту, артиллеристы Уварова и Коныхина только в одном бою подавили артиллерийскую и минометную батареи и уничтожили два станковых пулемета противника. В этом бою отличился командир орудия старший сержант Евдокимов, заводчики Ищенко, Кучковой и Овощенко, заряжающий Ожиренко.

*Младший сержант М. Бабавв
24 августа 1944 г.*

ПИСЬМО НА РОДИНУ ГЕРОЯ

В Саратовской области, в небольшом городке Сердобск, жи-

дает своего сына мать. Она еще не знает о подвиге ее Федора. И товарищи Федора Шабашова написали ей письмо:

«Здравствуйте, дорогая Евдокия Антоновна! С чувством гордости сообщаем Вам о том, что Ваш сын Федор в последних боях уничтожил три немецких танка и три орудия.

От имени бойцов и командиров мы передаем Вам нашу благодарность за воспитание сына. Сообщаем, что сын Ваш жив, здоров, в боях смел и решителен, а смелого, говорят, пуля боится. Ждите сына домой, он непременно вернется. Парторг Ф. Дрозд, комсорг В. Кирицкий, капитан С. Бекжанов, командир взвода лейтенант Н. Короткий».

1 сентября 1944 года

СЛЕДУЯ ПРИМЕРУ ШАБАШОВА

В ходе ожесточенного боя младший сержант Гилевич смело выдвинулся вперед и несколькими выстрелами из противотанкового ружья подбил немецкое самоходное орудие «фердинанд». Затем по небольшой рощице, что вела к дороге, Гилевич зашел во фланг к другому «фердинанду», мешавшему продвижению нашей пехоты. Выбрав удобный момент, Гилевич выстрелом в мотор поджег и эту самоходку.

Вдруг раздался оглушительный взрыв. Гилевича окутал дым. Он почувствовал, как по шее побежали теплые струйки липкой крови. Поднявшись, он устремился вперед. В нескольких десятках метров от себя увидел стрелявшую немецкую пушку.

Установив ружье, Гилевич с одного выстрела разбил у пушки панораму и вывел из строя наводчика. Расчет пушки разбежался.

Отважный бронбойщик Михаил Гилевич за свой подвиг награжден орденом Славы III степени.

*Ефрейтор А. Агеев
1 сентября 1944 г.*

РЯБОВЦЫ

Группа бойцов во главе с сержантом отразила ночную контратаку 80 гитлеровцев и уничтожила половину из них. Вот их имена: Андрей Рябов, Гавриил Максименко, Семен Паскарь, Иван Тендюк, Иван Стрелец и Евгений Городецкий.

Стальная смерть

плясала по траве...
Земля, спасай! —

Ты с нами побратима.
И звезды, прорезаясь в синеве,
Казались рядом, за завесой дыма.
Стучит войны железная пята,
Пласты земли

вздымающая рядом...
Над головою воздух трепетал,
Израненный осколками снарядов.
— Друзья мои,

нам Родиною здесь
Повелено стоять без поворота.
Куда ни глянь —

твоя земля везде
И рук твоих старательных работа.
Земля в огне.

Здесь немец лютовал —
Порушил все,

убил сестру и брата,
И даже чахнет на полях трава...
Так пусть же будет

праведной расплата!
Ударим, братцы!

Пробил храбрым час, —
Со всею страстью

яростным ударом.
Ведь наши деды и отцы недаром
На ратный труд

благословили нас!
...О, Рябов! Вдохновенные слова,
Как яркая слепящая ракета,
Запали в душу негасимым светом
Друзьям твоим.

Их ненависть звала.
Спокоен взгляд Ивана Тендюка,
Он знает — будет жаркая работа.
Его неутомимая рука
Легла на рукоятку пулемета.
Пускай идут —

он встретит их огнем,
Как русские, — напористо, умело.
Недаром Рябов говорил: «Согнем!
Вот только
пулемет бы не заело...»

Проворно ленту заправляет он.
И вот «максим» заговорил,
затакал.

Метнулись немцы.
Крики, чей-то стон...
Так захлебнулась злобная атака.

*Игорь Гребцов
23 сентября 1944 г.*

КРУШИ НЕМЕЦКИЕ ТАНКИ!

*(Материнский наказ
бронейщику Федору
Шабашову)*

Здравствуй, дорогой сынок Фе-
дя! Шлю тебе мой материнский
привет и желаю здоровья и доб-
рых удач в солдатском деле.

Долго я смотрела на твой порт-
рет, помещенный в газете. И не-
счесть, сколько раз я перечитыва-
ла письмо о том, как ты 3 танка

и 3 пушки немецкие подбил. Ве-
ликое счастье для матери, если
она может гордиться своим сы-
ном-фронтовиком, своим защитни-
ком.

Хорошо послужила тебе броне-
бойка в прошлых боях. Еще креп-
че бей фашистских душегубов
сейчас, умелой рукой рази их тан-
ки. Чтобы там, где ты воюешь со
своими товарищами, остались го-
ры лома от гитлеровской брони,
чтобы еще выше поднялась твоя
слава бронейщика.

Бей, Федя, гитлеровцев беспо-
щадно. Помни — неизмерима нена-
висть всех советских людей к про-
клятым фашистам.

Крепко целую тебя несчетно раз,
жму к сердцу и желаю постоян-
ных успехов в боях.

*Твоя мать Евдокия Шабашова
14 января 1945 г.*

К ДУНАЮ-РЕКЕ

5

(СЕНТЯБРЬ 1944 — МАЙ 1945)

*Лучше я ночной порою,
Погибая на седле,
Буду счастлив под землею,
Чем несчастен на земле...*

Михаил Светлов

*В этом зареве ветровом
Выбор был небольшой,
Но лучше прийти с пустым рукавом,
Чем с пустой душой.*

Михаил Луконин

ПО ДОРОГАМ ЕВРОПЫ

В конце августа 1944 года молдавская земля была освобождена от немецко-фашистских захватчиков. Наша 252-я вступила на территорию Румынии.

Вспоминается солнечное утро. Было это, если память не изменяет, в румынском городе Хуши. Я возвращался с переднего края, где заполнял свой блокнот записями рассказов героев недавних боев. Накануне наша газета напечатала подборку заметок о подвиге бронейщика Федора Шабашова, который из противотанкового ружья подбил три немецких танка. Естественно, у героя появились последователи. Вот о них-то мне и хотелось рассказать в очередном номере «Боевой красноармейской».

Я спешил, продумывая на ходу, как буду писать новые заметки. Шел улицей городка. Она вывела меня на небольшую площадь. Сначала я даже и не заметил, что на площади маршировали люди, одетые в военную форму. Оторвала меня от размышлений команда, поданная на незнакомом языке.

Группа людей (а это были румынские солдаты), подчиняясь команде молодого румынского офицера, замерла по стойке «смирно». Офицер шел ко мне, четко печатая каждый шаг. Что бы это значило? Я, естественно, остановился. Меня, с одной стороны, разбирало любопытство. С другой — и это было вполне объяснимо — гордость. Ведь румынский офицер направлялся ко мне, младшему лейтенанту Советской Армии, чтобы о чем-то доложить.

Мы остановились друг против друга. Я видел, что румынский офицер пытался быть серьезным, но у него из этого ничего не получалось. Он начал что-то говорить на непонятном мне языке. Я слушал, пытаюсь также быть серьезным. И вдруг офицер произнес на ломаном русском языке:

— Гитлер — капут! Антонеску — капут! — и улыбнулся. Я тоже улыбнулся, протянул ему руку, и мы обменялись крепкими рукопожатиями...

В редакции нашей дивизионки, куда я добрался вскоре, рассказал своим товарищам о встрече с румынскими солдатами, не преминул и сообщить, как офицер докладывал мне, вероятно, о том, что солдаты занимаются строевой подготовкой. Слова офицера, сказанные по-русски, вызвали оживление.

— Смотри-ка, — заметил заместитель редактора старший лейтенант Наум Николаевич Ивашина, — этот румын понял, что Гитлер и Антонеску — его главные враги.

— Скорее всего, — отозвался редактор капитан Дмитрий Иванович Мотовилов, — этот офицер по горло сыт войной. В течение многих лет геббельсовская пропаганда оболванивала покоренные фашизмом народы, вдалбливала в головы людей миф о так называемых «большевистских ужасах». Сегодня мне в политотделе рассказали вот что. Хозяин одного дома, во дворе которого остановились наши солдаты, уж больно внимательно рассматривал их. Когда же солдаты через переводчика спросили его, что он ищет, хозяин простодушно ответил: «А нам говорили, что у русских на лбу рога». Вот так-то... Перед нами, друзья мои, отныне поставлены новые задачи. Нам — и политработникам, и газетчикам — необходимо будет развернуть широкую разъяснительную работу среди мирного населения стран Европы; рассказывать об интернациональной политике нашей партии и государства, разоблачать ложь и клевету гитлеровской пропаганды.

С момента вступления наших войск на территорию европейских государств работы у нас прибавилось.

В освобожденных от гитлеровцев населенных пунктах вывешивались листовки и обращения командования к населению, в которых на конкретных и убедительных примерах раскрывалась правда о Стране Советов. Мне приходилось присутствовать на митингах и собраниях, которые устраивались чаще всего на центральных площадях городов. Выступали на них люди, владевшие языком страны. И разговор шел о простых житейских делах. Населению разъяснялось, что пришли мы сюда ради избавления человечества от коричневой чумы. Советская армия никогда не воевала и не намерена воевать с народами европейских государств.

Как правило, румыны, венгры, словаки, чехи, австрий-

цы, на территории которых довелось быть воинам 252-й, встречали нас как своих освободителей.

Командир разведгруппы Александр Иванович Решетняк рассказывал, как в одном населенном пункте мальчик-чех, имя которого он, к сожалению, не помнит, указал, где находятся фашисты. Это решило исход поединка. Разведчики окружили гитлеровцев и без единого выстрела пленили их.

Бывший начальник штаба дивизии Иван Семенович Фролов не без гордости вспоминает, как во время подготовки к штурму знаменитой братиславской крепости группа словаков помогла нашим воинам. Словаки указали советским бойцам путь к крепости, снабдили смельчаков веревками, помогли им подняться по крепостной стене к железным воротам...

Однако вернусь к рассказу о той работе, которую проводили полторганы дивизии с населением освобожденных городов и сел Европы.

Трудно переоценить значение кинофильмов. Наши кинокартины демонстрировались и в кинотеатрах, и под открытым небом. На сеансы собирались люди разного возраста, и зачастую они впервые узнавали о том, как живут их соседи в Советском Союзе, о чем думают, какие беды им принесла война, как они ведут справедливую священную борьбу с фашизмом. По ходу показа фильмов осуществлялся перевод.

При штабе дивизии был музыкальный взвод. Этот небольшой творческий коллектив часто выступал и перед населением...

Да, на долю советского воина выпала в минувшей войне великая освободительная миссия. «Будьте достойны этой миссии!» — не раз звучало со страниц газеты «Боевая красноармейская». «Отныне и навсегда, — писала газета 5 декабря 1944 года, — наша земля свободна от гитлеровской нечисти. В этом — твоя заслуга, советский воин. Это ты, верный сын своего Отечества, непоколебимый интернационалист, несешь освобождение народам Европы от фашистских пут. Будь же достоин этой великой миссии!».

4 января 1945 года газета печатает обращение Военного совета к красноармейцам, сержантам, офицерам и генералам 3-го Украинского фронта. В нем говорилось: «Вас, воинов-освободителей, увенчавших конец прошлого года очередным разгромом врага на венгерских землях и окруживших будапештскую группировку, Военный совет фронта поздравляет с Новым, 1945 годом... Мы полны уверен-

ности в том, что 1945 год будет годом окончательного разгрома немецких захватчиков, годом полного освобождения Европы от фашизма».

26 января 1945 года в газете «Боевая красноармейская» был напечатан материал о том, как Александр Невский в 1242 году на льду Чудского озера наголову разбил немецких захватчиков.

А 10 февраля газета помещает статью «Грюнвальдская битва». В ней рассказывалось о беспримерном мужестве и стойкости славянских полков, в составе которых рядом с русскими были литовцы, поляки, чехи, представители других славянских народов. Это они общими усилиями в 1410 году отразили еще одно захватническое притязание крестоносцев-рыцарей, разгромили немецкие полчища Тевтонского ордена.

17 апреля 1945 года в «Боевой красноармейской» печатается статья «Русские солдаты за границей», в которой, в частности, говорилось: «Разгромив армию Наполеона, русские войска в 1813—1814 годах воевали за границей, освобождая от наполеоновского господства европейские государства. Русская армия прошла многие страны и везде оставила о себе добрую память. Находясь вдали от своей родины, русские солдаты с достоинством берегли славу своего Отечества и свою солдатскую честь».

Я хорошо помню, с каким интересом солдаты и офицеры нашей дивизии читали эти статьи. Великое прошлое страны вызывало чувство гордости в сердцах воинов Советской Армии. Гордясь героическими свершениями своих далеких предков, они делали все возможное, чтобы не уронить чести русского солдата, чтобы и о них у населения стран Европы осталась добрая память.

Мы, газетчики, понимали, что вдали от Родины воины нуждаются в настоящей и более полной информации о славных делах их отцов и матерей, сестер и братьев, просто соотечественников, день и ночь кусящих победу в тылу. Рубрика «Вести с Родины» стала появляться почти в каждом номере газеты. В этом разделе печатались материалы, в которых рассказывалось о самоотверженном труде рабочих, колхозников и служащих, о жизни селян и горожан, о многочисленных патриотических пожертвованиях личных средств на именные танки и самолеты.

Чаще стали появляться в газете письма, полученные воинами дивизии от родных и близких. Газета охотно публиковала письма с фронта на Родину. Так, 19 апреля

1945 года помещается большое письмо командира подразделения офицера Мартыненко в совхоз «Мичура». В письме командир, обращаясь к односельчанам храброго артиллериста Евдокима Антоновича Пермякова, рассказывает им, за что их земляк был удостоен трех государственных наград. Офицер благодарит родственников Пермякова, воспитавших бесстрашного воина.

А между тем освободительный поход по дорогам Европы продолжался. Желанная Победа была еще впереди.

И. Гребцов

ВИНОГРАД

Наш батальон 932-го стрелкового полка остановился в небольшой долине на обед. Вокруг простирались невысокие сопки, сплошь увитые виноградником. На одной из них показались две фигуры в остроконечных барашковых шапках — румыны. Надо было выяснить обстановку.

Двое автоматчиков-молдаван, знавших румынский язык, лезут к ним на сопку. Немного погодя они возвращаются. В руках у них гроздь спелого винограда.

— Почему не убирают? Ведь перезреет! — спрашиваю их.

— Виноградники, — отвечают автоматчики, — принадлежат богатому румыну, неделю назад удравшему с немцами. Перед отъездом он строго приказал: виноград охранять, вернется — будет уборка.

— Та-ак, — иронизирую я, — значит, хозяин должен вернуться!

— Долго придется ждать, — слышу насмешливый возглас солдата.

— Во сне ему видеть свой виноград, — вторит сержант. Сидящие возле нас солдаты, многие из них — молдаване из недавнего пополнения, сокрушенно качают головами: — Пропадет виноград. Такой урожай!

Они-то знают, сколько надо пролить пота, чтобы вырастить такой отменный урожай винограда.

— А ну, хлопцы, зовите сюда румын! — решаю я.

Через солдат-переводчиков растолковываю им, что отныне этот виноград принадлежит тем, кто обрабатывал виноградники. Пусть они об этом сообщат жителям деревни и начнут сбор урожая.

Румыны уходят. Вскоре подъезжает батальонная кухня. Мы обедаем. Объявляю, что через полчаса постро-

ние, — нам еще шагать до небольшого городка вслед наступающим частям.

Незадолго до построения к нам подходят три румына. Каждый из них несет по корзине спелого винограда.

— Это вам, кушайте, — говорит один из них на довольно сносном русском языке.

— А правда, что хозяина больше не будет?

— Того, что удрал с немцами? Не будет! — уверенно отвечаю я. — Кто сажал этот виноград? Хозяин?

Румын изумленно смотрит на меня. Но, заметив, что я серьезен, переводит мои вопросы крестьянам. Они молча переглядываются, пожимая плечами.

— А кто обрезал лозу? Тоже хозяин? — продолжаю спрашивать. — Кто рыхлил землю? Ухаживал за виноградниками? Хозяин?

Румыны широко улыбаются:

— Нет, нет! Не хозяин... Мы — румыны, крестьяне... Хозяин только пил вино да торговал им в городе.

И вот уже все трое румын одобрительно кивают головами.

— Так вот, — заключаю, — хозяевами винограда отныне становитесь вы. Вам и убирать его. А разобьем фашистов — приедем к вам в гости.

Румын охотно переводит мои слова товарищам, и все они, прощаясь с нами, крепко жмут руки каждому солдату.

Когда батальон начал строиться, на солках появились румыны из соседнего села — мужчины, женщины, дети. В их руках большие плетеные корзины, они наполняются крупными гроздьями винограда. Работа спорится.

Наша колонна трогается. Румыны машут нам руками, платками, шапками. Что ж, ждите в гости... если будем живы.

П. Савельев

С КЕМ ИДИ В РАЗВЕДКУ

Войну я прошел, что называется, от звонка и до звонка. В декабре 43-го вновь выписался из госпиталя и был зачислен в разведку 928-го полка.

С кем идти за «языком» — вопрос не праздный. В таком ответственном и опасном деле надежной опорой может быть только храбрый человек, умелый воин. И мне

повезло. Моими товарищами по разведке в полку были замечательные люди. О них и хочется рассказать.

Как-то в одну из ночей наша группа разведчиков проникла во вражеский тыл. Около небольшого села, между Городищем и Шендеровкой, наткнулись на гитлеровцев, которые устанавливали орудие. Мы навязали противнику бой и обратили его в бегство. Затем Дмитрий Коломиец снял с орудия замок, а Николай Шпагин бросил в ствол пушки гранату. Ночь была тихая и холодная. На каждом шагу нас поджидали опасности. Внезапно началась стрельба вражеского пулемета. Убедившись, что противник стреляет наугад, мы подползли к пулемету и уничтожили его, а троих фашистов взяли в плен...

Вспоминается и такой случай. Однажды ночью, под прикрытием танков, на узком участке фронта озверевшие фашисты лавиной двинулись на село Почапинцы, в котором были наши войска. Завязался ожесточенный бой. Мы занимали высоту и прикрывали шоссе, идущее в Почапинцы. На нашу группу в составе Дмитрия Коломийца, Василия Гребенюка, Никиты Якушева, Геннадия Кенгурова, Мандрыки, Арсена Глыгало, меня и еще двух бойцов двигалась колонна гитлеровцев. Они шли в полный рост. Мы решили подпустить фашистов на близкое расстояние и уже тогда открыть огонь. Били из автоматов длинными очередями, сменяли диски и снова вели огонь до тех пор, пока оружие не перегревалось. Тогда брали в руки автоматы наших раненых и погибших бойцов и продолжали стрелять.

Вражеская колонна превратилась в толпу — фашистов охватила паника. Однако следовавшие за передними рядами гитлеровцы рвались вперед. Они наседали, хотя уже до сотни трупов лежало перед нашими позициями. Тогда я подал команду: «Гранаты к бою!» Над немецкой колонной поднялись столбы земли и дыма. Враг не выдержал удара и отступил...

Однажды небольшой группой заехали мы в румынское село. Местные жители сообщили, что в ближайшей хате располагается немецкий полковник. Такую «птицу» решено было взять в плен. Когда подъехали к хате, где находился полковник, раздался выстрел. Нашего разведчика Николая Шпагина ранило в плечо. Естественно, мы вынуждены были открыть ответный огонь. Полковник сдался...

День уже догорал на западе тонкой полоской вечерней зари. В это время мы в маскхалатах перешли передний

край противника. На небольшой высотке залегли, изучая обстановку, а затем быстро углубились в тыл.

Впереди шел Андрей Добровольский. Сильный, выносливый, он на этот раз возглавил группу нападения и захвата «языка» или ценных документов, раскрывающих замыслы врага на нашем участке. За ним цепочкой двигались остальные. Огневые позиции немцев мы обходили, засекая их расположение. На опушке леса остановились. Надо было посоветоваться о том, как действовать дальше. Вдруг Дмитрий Коломнец заметил сноп искр, поднявшихся над землей впереди.

— Это скорее всего блиндаж, — уверенно заключил Гребенюк.

Присмотрелись. Заметили еще искры, а затем и часового. Более детальная разведка убедила нас в том, что мы находимся неподалеку от двух блиндажей какого-то вражеского подразделения.

— Нужно атаковать, — сказал Добровольский.

План действий созрел быстро. Решили нанести одновременно удар по обоим блиндажам. Учли и то, что пленные будут нам обузой.

Весь бой длился не более пяти минут. Как и предполагали, в блиндажах были карты с нанесенной на них боевой обстановкой в районе действий нашей дивизии. Захватив их, мы сразу же ушли в лес...

928-й полк вел боевые действия на подступах к озеру Балатон. Враг дополнительно подтянул в этот район живую силу и боевую технику, перешел в контрнаступление и на некоторых участках потеснил наши войска.

Я получил боевое задание проникнуть в расположение противника, выявить его силы и захватить «языка». На выполнение задания вместе со мной вышли Коломнец, Игнат Ботожный, Андрей Добровольский, Арсен Глыгало и Володя Ветрук. Шел март 1945 года. Погода стояла весенняя, дороги раскисли, с гор бежали потоки воды, лед на реках и водоемах растаял. Наступившая весенняя распутица усложняла работу разведчиков.

Около двух часов лежали мы в засаде — в кустарнике около проселочной дороги. Время тянулось медленно. Мы промерзли, хотелось закурить, да опасно, — можно обнаружить себя. Однако ожидали не напрасно. Вскоре появилась колонна немцев. Решено было создать панику среди солдат противника, взять «языка» и быстро отойти.

Е. А. Симонов

Рассредоточились по опушке леса. Когда колонна гитлеровцев поравнялась с нашей засадой, я подаю команду открыть огонь. Вражеская колонна понесла значительные потери, а двух гитлеровцев мы взяли в плен. Остальные, наверно, думая, что к ним в тыл просочилась большая группа русских, от боя уклонились. Теперь нам нужно было выйти на нейтральную полосу, а затем в распоряжение своего полка. К счастью, там, где намечалось перейти передний край противника, наши минометчики нанесли огневой удар по гитлеровцам, отвлекли внимание врага, и мы с двумя пленными благополучно вернулись в свою часть...

Наш полк вел боевые действия на подступах к городу Брно. В полосе наступления находился лес. За каждой корягой, стволом дерева и в кустарнике таилась опасность. В лесу мало быть храбрым и отважным, надо быть осмотрительным, внимательным и находчивым.

Перед наступлением командир полка вызвал меня и дал задание — проникнуть в расположение противника, выйти на опушку леса, посеять у противника панику и этим обеспечить продвижение вперед нашему батальону.

Добровольский, Ботожный, Ветрук, Якушев, Сергей Монжос и я приступили к выполнению полученного задания. Когда группа приблизилась к переднему краю вражеской обороны, немцы открыли огонь из пулеметов. Мы решили зайти во фланг. Противник не заметил перехода и продолжал стрелять по пустому месту. Между тем мы скрытно подползли к переднему краю, обнаружили два блиндажа и пулеметные гнезда, забросали их гранатами и заняли немецкие окопы. Гитлеровцев охватила паника.

Воспользовавшись ею, 2-й стрелковый батальон атаковал врага.

Е. Симонов

ЗА «ЯЗЫКОМ»

44-й год — на исходе. Перед фронтом нашей дивизии установилось затишье. Части накапливали силы для предстоящих боев.

К вечеру, завершив дела, мы, разведчики 332-й отдельной разведроты, готовились к отдыху. В это время в нашу взводную землянку заглянул связной штаба дивизии:

— Лейтенант Кулаков и ефрейтор Леонов, к генералу!

В том, что комдив вызывал к себе командиров взвода разведки и разведгруппы, не было ничего необычного. Генерал-майор Горбачев знал своих разведчиков в лицо и особо ответственные задания поручал им лично. Поэтому вызов в штаб мы так и восприняли: предстоит что-то важное. И не ошиблись.

— К утру нужен «язык», — сказал комдив. — Начальник разведки рекомендует послать вашу группу, ефрейтор. К подготовке приступайте немедленно. Детали обговорите у начальника разведки.

Размышляя над заданием, мы с командиром взвода направились к начальнику разведки дивизии майору Храптовичу. Задача предстояла не из легких. Обычно, чтобы добыть «языка», разведчики проникают в тыл врага. В данном случае из-за отсутствия времени такой вариант исключался.

На одном из участков 924-го полка у фашистов появилось новое пулеметное гнездо, которое, как мы выяснили, пока не было связано с траншеями ходом сообщения. Решили незаметно к нему подобраться и в короткой стычке захватить пленного.

— А не заминированы ли к этому гнезду подходы? — засомневался Александр Кулаков.

— Возможно, — согласился майор Храптович. — Группу усилим саперами. А отход группы по сигналу прикроем минометным огнем...

Ночь была словно по заказу: оттепель и густой туман. Через некоторое время наткнулись на подбитый вражеский танк. Значит, направление держим правильно. Метров через пятьдесят сделали остановку. Здесь займут позицию

для прикрытия разведчики Бадьин и Дорожинский. Вперед ушли саперы.

Прошло не менее часа, пока они возвратились. Все в порядке: мин не обнаружено.

Саперы остались с группой прикрытия, а мы — вперед.

Уже где-то рядом должно находиться пулеметное гнездо, а его все не было. Неужели осталось в стороне? Мысли, одна тревожнее другой, завладели сознанием. И тут прямо перед носом — ствол станкового пулемета. И ни одного фашиста. Очевидно, ушли погреться.

Осторожно рассредоточившись, вползли в фашистский окоп. Несколько шагов на ощупь — и рука наткнулась на нишу в стене. На дне ее — солома, она еще не успела замёрзнуть. Значит, гитлеровцы где-то рядом. За нишей окоп изгибается, образуя выступ. Едва сравнялся с этим выступом, как за ним, шагах в пяти, послышалась многоголосая речь. И тут, очевидно, у меня не выдержали нервы — прямо на голоса швырнул гранату. Лишь после взрыва понял свой промах: некого будет брать живым. Но когда бросился к месту взрыва, услышал стон. На наше счастье, один фашист оказался жив.

Вместе с Николаем Казаковым мы вытащили его из окопа, и в тот же миг тишину разорвали пулеметные очереди врага. Прикрывая нас, открыли огонь разведчики группы захвата Моногаров и Мплошенко, а через минуту — и разведчики группы прикрытия. Спустя некоторое время по вражеской позиции ударили наши минометчики.

Фашистский унтер-офицер, которого мы доставили в штаб дивизии, дал ценные сведения. Они подтвердили данные, имеющиеся у командования. Командир дивизии вручил всем нам медали «За отвагу».

Г. Леонов

БАТАЛЬОН АТАКУЕТ ВРАГА

Наша дивизия 29 ноября 44-го года с боями подошла к Дунаю. Гитлеровцы взорвали все мосты, заминировали берег и укрепили оборону огневыми средствами. 3-й батальон 928-го полка, которым мне довелось тогда командовать, получил задачу — в ночь на 1 декабря форсировать Дунай и создать плацдарм для переправы других частей дивизии.

Днем 30 ноября я собрал офицеров батальона у Дуная. Мы изучили вражеский берег реки, расположение

огневых точек, установили последовательность форсирования и его направление. С помощью саперов собрали рыбацкие лодки, подготовили плоты, вечером подтянули все переправочные средства к берегу и замаскировали их в кустах. Роты взяли с собой резерв патронов и гранат. Артиллеристы засекали и подавили часть огневых точек врага.

Под вечер над Дунаем навис густой туман, и другой берег реки почти не просматривался. Его мы различали по трассирующим очередям и ракетам противника. В 8 часов вечера роты спустили на воду лодки и плоты и начали переправу.

Первыми достигли берега разведчики и автоматчики под командованием лейтенантов Кулакова и Чапковского. Они забросали окопы фашистов гранатами. В это время самолет противника сбросил над Дунаем десяток осветительных ракет на парашютах. Обнаружив переправу батальона, гитлеровцы открыли огонь из пулеметов и минометов. Две наших лодки были повреждены. Из 20 человек, находившихся в них, спаслось только 6.

Артиллеристы вновь открыли огонь по огневым точкам противника и подавили их. Наконец мы достигли правого берега Дуная и вступили в бой за поселок Герьен. Большую помощь батальону оказали разведчики и автоматчики, которые глубоко проникли в тыл врага. Фашисты атаковали нас на левом фланге танками и пехотой, но опоздали — батальон успешно наступал правым флангом и уже достиг окраины поселка. В этом бою мы уничтожили три танка и до взвода пехоты. К 11 часам вечера роты обошли Герьен с двух сторон, и фашисты в панике бежали. Поселок был полностью очищен от врага. Я доложил по телефону командиру полка о выполнении задания и получил благодарность за отличные действия батальона. Нам была поставлена новая задача: преследовать отступающего противника в направлении деревни Дуна-Сен-Дьер.

Ночь на 1 декабря была безлунной и темной, что затрудняло ориентирование и движение батальона по незнакомой местности. Поэтому я пригласил в штаб местного жителя, который назвал себя, кажется, Иштваном Горватом. Мы попросили его провести нас в Дуна-Сен-Дьер. Он согласился стать проводником и сказал, что по дороге в эту деревню идти опасно, так как фашисты заминировали ее и, возможно, взорвали мостик через ручей в долине.

— Я лучше проведу вас туда по полям, — сказал Иштван.

В час ночи батальон выступил к Дуна-Сен-Дьеру. Наш проводник шел впереди с разведчиками. Он вывел 1-ю роту на западную окраину деревни, в тыл врага, а 2-я и 3-я роты охватили ее слева и справа. В 4 часа утра я дал ракетой сигнал к атаке. Минометчики открыли огонь по окраине деревни, и солдаты дружно, с криком «ура!», со всех сторон атаковали врага. Артиллерийская батарея фашистов успела произвести лишь один выстрел, расчеты бросили орудия и бежали. Полураздетые гитлеровцы выскакивали из домов, метались в панике по деревне, прятались на чердаках и в подвалах домов, в сараях, и наши солдаты брали их в плен. Утром батальон занял оборону на высоте западнее Дуна-Сен-Дьера.

В бою за эту деревню был разгромлен штаб батальона, захвачены документы, военные трофеи. Помню, как передо мной стоял пленный командир немецкого батальона, хмурый человек со злыми глазами, на груди которого висели два железных креста. Вскоре старшина Иван Калашников взял в плен еще трех солдат и офицера.

Фашисты, обнаружив отрыв нашего батальона от главных сил дивизии на шесть-семь километров, пытались контратаковать нас танками и пехотой. Четыре их самолета бомбили и обстреливали деревню из пулеметов. Несколько часов длился бой у Дуна-Сен-Дьера, но врагу так и не удалось нас отбросить.

Со 2 по 6 декабря наш батальон, расширяя захваченный плацдарм, с тяжелыми боями освободил населенные пункты Херцен, Род-Селаш и Цеце. Противник три раза переходил в контратаки при поддержке танков, но успеха не добился.

В этих боях наши воины проявили героизм и отвагу. Особенно отличились командиры взводов лейтенанты Кулаков и Чапковский, командир роты старший лейтенант Рудев, истребители танков взвода лейтенанта Камаева, политработник старший лейтенант Фурсов, парторг батальона лейтенант Аминов, комсорг батальона лейтенант Смирнов, пулеметчики сержанты Молчан и Шумякин, солдаты Химич и Мельников. Автоматчики сержант Пилипенко, солдаты Каунов, Войтов, Беляев, Петровский, разведчики старшина Буравченков и солдат Погиба первыми ворвались в немецкие окопы на правом берегу и захватили пулемет. Расчет миномета сержанта Белинского — наводчик Калига, заряжающий Котляр и подносчик мин Седловский — уничтожил два пулемета. Бронебойщики Дмитрий Кали-

та, Петр Копилец и Хазаил Мустафаев подбили два бронетранспортера и танк.

Многие солдаты и офицеры были награждены орденами и медалями, а я — орденом Александра Невского.

Л. Голубовский

ИЗ МИНОМЕТОВ ПО ТАНКАМ

Это было в Венгрии в декабре 44-го года. Мы поддерживали минометным огнем стрелковую роту. Однажды ранним утром внезапно нас атаковали шесть танков противника, которые прошли через редкие боевые порядки пехоты.

Еще во время переподготовки нам говорили, что минометный огонь танкам не страшен. Да и сам я дважды видел, с какой легкостью танки уничтожали минометные расчеты.

А между тем танки шли на нас, даже не ведя огня. Минуту-две я ждал, что артиллеристы, расположенные неподалеку от нас, начнут действовать. Но орудия почему-то молчали.

Я понял, что может возникнуть растерянность и даже паника. И тогда по наитию подал небывалую в обычной стрельбе команду:

— «Веер»! Ориентир по танкам. По пять мин зажигательных. Залпом! Огонь!

Лихорадочно заработали расчеты 12 минометов. И через мгновение красивая дуга летящих мин обозначилась в ранних сумерках утра. Мины падали на броню танков и взрывались.

Вражеские машины под градом мин остановились. Некоторые начали стрелять из пулеметов, но это был не прицельный огонь, да и наши минометы и расчеты находились в укрытии.

Мы повторили залп, и тогда танки неожиданно развернулись и стали быстро откатываться назад.

Е. Берновский

У ОЗЕРА БАЛАТОН

В феврале 1944 года меня перевели в 270-й отдельный медсанбат нашей дивизии и назначили начальником эвакуационного подразделения.

Коллектив батальона имел большой опыт работы в боевых условиях. Многие врачи и медсестры служили здесь с начала формирования дивизии. Другие прошли в ее рядах от Волги. Это — Татьяна Арсентьевна Зайцева, Елена Павловна Евтихьева, Николай Петрович Тендетников, Владимир Павлович Аратский, Яков Израилевич Рудерман, Нина Гавриловна Данилова, Полина Ивановна Загулова, Клавдия Ивановна Зыкова, Елизавета Дмитриевна Макарова, Николай Иванович Королев, Зоя Филипповна Редькина. Командиром батальона был Владимир Николаевич Жуков, его заместителем по политчасти — Иван Афанасьевич Олюнин. О каждом из них можно рассказать много хорошего.

В коллектив я вошел как-то легко и свободно. Все, к кому обращался, помогали добрым советом, и я быстро освоился с трудным и ответственным делом — эвакуацией раненых теперь уже в масштабах всей дивизии.

В отдельные периоды боевых действий раненых к нам поступало много. Надо было распределить их на транспорт, которого, как правило, не хватало, найти и использовать любую возможность для эвакуации. За год с небольшим через наше эвакоотделение прошли многие сотни раненых.

Памятен такой случай. В январе 1945 года юго-западнее города Секешфехервар немцы предприняли контрнаступление. Их танковые соединения прорвались через боевые порядки дивизии и вышли в тыл. Наша группа медсанбата была во втором эшелоне, и мы еще не знали о прорыве немцев. В эвакоотделении скопилось много раненых, они продолжали поступать, а транспорта не было.

Вновь поступившие рассказывали о прорыве немцев, но мы не верили. Тогда один из них потребовал немедленно вывезти раненых и даже пригрозил, что в противном случае покончит с собой. Надо было проявить большое умение и такт, чтобы успокоить его. Забегая вперед, скажу, что этот офицер, как и другие раненые, был вывезен.

Убедившись в том, что немцы действительно прорвали нашу оборону и вышли в тылы, мы начали срочно эвакуировать раненых. Из эвакоотделения отправили всех, но в госпитальном взводе у врача Клавдии Максимовны Жеребятъевой оставались четверо «тяжелых», которых по существующим правилам нельзя было везти на попутном транспорте. Я остался в госпитальном взводе, чтобы помочь Жеребятъевой. Мы ждали свой транспорт, но дорога уже

была перерезана танками противника, которые открыли огонь по селению. В любой момент они могли появиться в расположении медсанбата.

Наступила ночь. И вдруг, к нашей радости, подошла маленькая санитарная автомашинка из армейского госпиталя. Мы быстро погрузили оставшихся раненых. С ними я направил врача Жеребятьеву и санитаря, а сам пристроился на другой машине.

Нас и раненых спас шофер из армейского госпиталя. Жаль, не узнал его фамилии. Большая ему благодарность. Ведь известно, какие зверства чинили гитлеровцы с ранеными и медработниками в районе озера Балатон. Они давили их танками, расстреливали или просто добивали прикладами.

Клавдия Максимовна Жеребятьева доставила раненых в госпиталь благополучно. Сама она с нашей дивизией прошла до конца войны. В трудную минуту проявила спокойствие и мужество, не поддавшись панике и с честью выполнила свой долг. Теперь ее фамилия Попова, она работает врачом в Тамбове.

А. Годовых

В КОЛЬЦЕ ТАНКОВ

Знамя дивизии — святыня. Сохранить его в любых, даже самых труднейших, обстоятельствах означает сохранить доброе имя части.

В январе 1945 года наша дивизия занимала оборону в районе города Секешфехервар. Гитлеровцы скрытно подтянули резервы, и на рассвете 18 января большая грузовиковая фашистских танков пробила брешь на стыке полков и хлынула в сторону Будапешта. Там, в венгерской степи, были окружены многие части немецких войск. С помощью танков гитлеровцы намеревались деблокировать окруженных. Сразу отмечу: намерениям этим не суждено было осуществиться...

Итак, наша дивизия вела тяжелые бои с превосходящими силами противника, находясь в кольце немецких танков.

Меня вызвал начальник штаба дивизии полковник Фролов. Он приказал вывезти в безопасное место знамя дивизии и секретные документы.

С небольшой группой солдат, среди которых была телефонистка Лида Карелина, я выбрался на окраину пар-

ка господского имения, в котором располагался штаб. Отсюда мы заметили идущую по шоссе в сторону Секешфехервара колонну немецких танков.

Залегли в кювете. Когда танки прошли, решили огородами пробраться на окраину села. За селом начиналось поле нескошенной кукурузы, которая, как мы предполагали, на время укроет нас. Но вот кукурузное поле кончилось. Нас заметили из стоящих на улице села танкеток и обстреляли.

Пришлось ползком пробираться к оросительному каналу. Я знал, что мост через канал взорван. Значит, танки в этом месте пройти не смогут. Когда мы приблизились к каналу, нас вновь обстреляли. Мост был полуразрушен. По оставшейся части моста нам удалось перебраться на противоположный берег канала.

Поздно вечером добрались мы до селения Цеце. Выяснилось, что немецкие танки находятся на противоположной его окраине. Решили воспользоваться темной частью суток. Знамя и документы погрузили на автомашину с зенитной установкой. Если машину заметят и уничтожат, рассуждали мы, будем со знаменем и документами пробираться в сторону переправы через Дунай.

На рассвете знамя дивизии и документы были в безопасном месте. Заместитель командира дивизии по тылу полковник Степанян связался по радиации с начальником штаба Фроловым и сообщил ему, что группа Соколова благополучно прибыла, задание выполнено.

С. Соколов

МОИ ПОБРАТИМЫ

В этих заметках мне хочется рассказать о дорогих моему сердцу друзьях, с которыми прошел нелегкий путь войны. Наша боевая дружба закалена в огне, скреплена совместно пролитой кровью. К счастью, после ранений каждый из нас возвращался в свой саперный взвод 928-го стрелкового полка. Трое — Алексей Павлович Голиков, Николай Петрович Татаринцев и я — стали полными кавалерами ордена Славы.

Это был самый памятный бой. Наша дивизия подошла к Дунаю. Захватить мосты мы не успели, они были взорваны. Чтобы не дать врагу опомниться, решили с ходу форсировать Дунай. Но табельные переправочные средства отстали, их подход ожидался только к утру.

Командир дивизии генерал-майор Горбачев, как обычно, в трудные моменты приезжал советоваться с теми, от кого зависел успех боя. Вот и сейчас он подъехал на «виллисе» посоветоваться с саперами. Генерал лично знал многих из нас. Обрисовав обстановку, он спросил:

— Ну, что будем делать, орлы?

Я тогда исполнил обязанности командира саперного взвода и предложил форсировать Дунай на рыбацких лодках, которые мы обнаружили.

И вот четыре лодки с десантниками тихо отошли от берега. Первую лодку вел я, а остальными управляли сержанты Голиков, Кувшинов и Сплицын. Место высадки десанта наметили еще вечером. Гитлеровцы вели беспорядочную стрельбу и пускали ракеты, но нам помог сильный туман. Когда оставалось 20—25 метров до берега, справа застрочил пулемет, однако десант был уже у цели.

Сразу же все десантники вступили в бой. Вскоре и 2-й взвод был переправлен нами и вступил в бой по расширению плацдарма. Порой казалось, что волны Дуная кипят, но через каждые полчаса десантники принимали подкрепление. Около 10 таких рейсов было сделано за ночь. На руках саперов образовались кровавые мозоли. Хочется отметить, что артиллерия своим огнем оказала большую помощь в высадке десанта.

На следующую ночь Дунайская флотилия высадил на занятый плацдарм другие подразделения. За массовый героизм, проявленный личным составом при форсировании реки Дунай, нашему полку было присвоено почетное наименование «Дунайский».

А. П. Голиков

В. А. Исайченков

В начале декабря 44-го года в районе венгерских населенных пунктов Надь-Дорог и Цеце наша дивизия вынуждена была перейти к обороне.

Противник в этом районе построил оборону так, что его передовые позиции проходили перед железнодорожной линией. Днем по линии курсировал бронепоезд и вел огонь по еще плохо оборудованным и слабо замаскированным нашим огневым точкам. Из-за плохих метеорологических условий авиация и артиллерия не могли разрушить железнодорожное полотно.

Командир полка принял решение заслать в тыл врага подрывную группу. В

нее вошли Голиков, Татаринцев, Филиппов и я. Целый день мы изучали обстановку на месте. Вечером единодушно пришли к выводу подорвать водосточную трубу железнодорожного полотна.

Мы взяли с собой до 30 килограммов взрывчатки и все необходимое для подрыва. Когда подходили к полотну, увидели на насыпи двух человек. В это время наша артиллерия открыла огонь по противнику, и часовые спрятались в водосточную трубу. Я по трубе дал очередь из автомата — охрана была уничтожена. Мы заложили в трубу взрывчатку, вставили электродетонаторы и произвели взрыв. Задание командира полка было выполнено.

6 апреля 1945 года полк подошел к реке Морава. Командир подполковник Веселков вызвал меня и сказал:

— Форсировать будем по опыту Дуная.

— Есть форсировать по опыту Дуная, — ответил я и, попросив разрешение, направился во взвод, чтобы подготовить людей к выполнению приказа. Мы с Кувшиновым нашли бревна и доски и приступили к изготовлению плота для перевозки боеприпасов и личного состава.

Днем враг атаковал передовые позиции полка. Началь-

ник штаба майор Тарасов приказал доставить боеприпасы в расположение наших войск. Мы погрузили их на плот и отправились. Фашистская авиация произвела налет. Бурлила и кипела река Морава. Тем временем по пешеходной переправе шло подкрепление. Боеприпасы были доставлены вовремя. Наши войска перешли в контрнаступление, враг бежал.

А вскоре в штаб пришел пожилой чех и сообщил, что в замке, расположенном в двух километрах, находятся старики и дети, согнанные туда немцами. Начальник штаба приказал произвести разведку. Мы выяснили, что под замком установлены минно-сюрпризные устройства. Саперы приступили к разминированию, и через несколько часов 150 человек были освобождены из минного плена.

Н. П. Татаринцев

В. Исайченко

ТРИНАДЦАТЫЙ ГЕРОЙ

Когда готовилось к печати первое издание этой книги (она называлась тогда «Наша 252-я: Ветераны дивизии вспоминают»), никто из ее составителей не знал, что бывший командир отделения 420-го отдельного саперного батальона дивизии сержант Яков Тимофеевич Поштаренко — Герой Советского Союза. Но мир не без добрых людей. Почетный шахтер СССР из Донецка Василий Андреевич Малаховецкий, заглянув в напечатанную в книге галерею портретов Героев Советского Союза и в свою личную картотеку — плод двадцатилетнего неустанного труда, — обнаружил, что мы, составители книги, «потеряли» одного Героя. Взял чистый лист бумаги и написал: у вас в дивизии не двенадцать, а тринадцать Героев Советского Союза, получивших это звание во время службы в дивизии. И назвал фамилию Поштаренко. Спасибо, дорогой энтузиаст!

...Вновь листаю далеко не полную подшивку дивизионной газеты «Боевая красноармейская». Поштаренко.. Поштаренко... Не может быть, чтобы газета не писала об этом сапере! И нахожу портрет будущего Героя, помещенный в номере от 26 апреля 1945 года. Естественно, в подписи под портретом и в заметке сержанта Г. Голуба «Бесстрашные саперы» нет и намек на то, что Поштаренко представлен к высшей награде. Об этом тогда знало лишь командование дивизии. (В скобках замечу, что Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении сержанту Поштаренко звания Героя Советского Союза подписан более чем через год после представления — 15 мая 1946 года. К тому времени воин был демобилизован.)

Мне, литературному сотруднику дивизионной газеты, доводилось встречаться с Поштаренко, писать о нем. Он был старше своих подчиненных лет на двадцать, поэтому солдаты да и молодые офицеры батальона звали его «ба-тей». Это — запомнилось.

И вот спустя более сорока лет собираю я по крупицам сведения о Якове Тимофеевиче. Из Центрального архива Министерства обороны СССР прислали его наградной лист. Состоялась беседа с бывшим командиром саперного батальона Михаилом Григорьевичем Козловым. Получил письмо из Киева, где после войны жил и работал герой. Крупица к крупице — постепенно картина проясняется.

...Это было 24 марта 1945 года.

Южнее венгерского городка Мадьяр-Байя, как бельмо на глазу, торчала безымянная высота. Наша пехота сунулась к ней, но огонь пулеметов прижал стрелков к земле, и они вынуждены были отойти. Тогда решили обойти высоту справа. Но там обнаружилось минное поле.

Мартовский день угасал. В саперный батальон поступил приказ: к рассвету разминировать поле, сделать проходы для пехоты. Рано утром предполагалась стремительная атака в обход высоты.

Отделение сержанта Поштаренко поднято по тревоге. Бойцы по небольшой ложбинке скрытно проникли к минному полю. Вскоре были обнаружены первые мины. Но мало обезвредить их, надо попытаться проникнуть в замысел вражеских саперов, разгадать порядок установки мин.

Задолго до рассвета был проделан широкий проход в минном поле. Командир отделения доложил об этом по телефону командиру батальона.

— Поштаренко, высылайте на КП проводника, — по-

слышался в трубке знакомый голос комбата. — Лично укажите пехотинцам обозначенные флажками проходы.

Через полчаса до батальона пехотинцев сосредоточилось у разминированной полосы. Едва начало светать — заговорила артиллерия. Вперед, в расположение обороны противника, земля вздыбилась от разрывов снарядов. Над траншеями нависло облако дыма и пыли. Казалось бы, наступил самый подходящий момент для атаки, но пехота почему-то медлила.

Поштаренко, находившийся среди пехотинцев, понял, что люди боятся идти через минное поле. Он знал: промедление в таких случаях смерти подобно. Поднявшись во весь рост, он крикнул:

— Товарищи! Мы разминировали широкий проход. Мин здесь нет. Идите за мной. Вперед!

Поштаренко устремился вперед, почувствовал, как за ним бегут пехотинцы. Под прикрытием артиллерии стрелки ворвались в траншею противника, выбили его и начали преследовать. В рукопашном бою Яков Тимофеевич, как это записано в его наградном листе, вывел из строя шестерых вражеских солдат.

А когда безымянная высота была очищена от гитлеровцев, к сержанту Поштаренко подошел молодой лейтенант — командир одной из стрелковых рот.

— Спасибо, отец, за поддержку и храбрость, — сказал он и обнял сержанта.

Через несколько дней — в конце марта — полки дивизии вышли к Дунаю в районе венгерского городка Комаром. Предстояло форсировать реку.

...Ночь на 30 марта была пасмурной. Облака закрыли небо. Еще с вечера сержанта Поштаренко назначили старшим расчета на полупонтоне. Грузились не спеша, соблю-

Я. Т. Поштаренко

дая тишину и светомаскировку. Под тяжестью пулеметов, боеприпасов и пятнадцати десантников полупонтон осел и, чиркнув днищем по песку, отчалил от берега.

Когда до противоположного берега оставалось не более ста метров, противник заметил смельчаков. Рядом начали рваться мины, сильный пулеметный огонь прижал десантников к днищу полупонтонa. Появились пробойны, через которые хлынула вода. Поштаренко не растерялся, заделал пробойны паклей, а вскоре, маневрируя, достиг берега реки и высадил десант.

В это время рядом с полупонтоном разорвался снаряд. Взрывной волной сержанта выбросило в воду, но он выплыл, ухватился за борт полупонтонa, ему помогли подняться. Десантники в это время вступили в бой с вражеским заслоном.

— Быстро на тот берег!

Расчет действовал слаженно. Вскоре новая группа десантников была переправлена через Дунай, усилив тем самым натиск на оборонявшегося врага.

Полупонтон не раз прошивали пули и осколки снарядов. Ранены два сапера. Волны Дуная перехлестывают через борт. Но сержант Поштаренко, быстро оправившийся от контузии, продолжал руководить переправой новых групп десантников. Буквально на ходу он заделывал пробойны.

Вот и последний рейс через Дунай. Новую группу десантников встретил командир стрелкового батальона.

— Яков Тимофеевич, — обратился он к саперу не по уставному, — вся надежда на вас. Впереди нас — минное поле.

Сержант и его друзья-саперы проделали проходы в минном поле, и вскоре десантники пошли вперед.

Указом Президиума Верховного Совета СССР Поштаренко присвоено звание Героя Советского Союза.

Яков Тимофеевич Поштаренко родился в 1904 году в селе Малые Дмитровичи Обуховского района Киевской области. До войны служил в армии, затем работал в сельском хозяйстве. С июня 1941 года участвовал в Великой Отечественной войне. Вскоре после Победы был демобилизован, жил и работал в Киеве. Умер в 1977 году.

И. Гребцов

28 марта 1945 года части нашей дивизии овладели городом Комаром и вышли к Дунаю. В ночь на 30 марта дивизии предстояло форсировать реку и во взаимодействии с моряками Дунайской флотилии овладеть чехословацким городом Комарно.

Утром 29 марта командир 932-го полка подполковник Чернышевич вызвал к себе командиров подразделений и служб полка и зачитал им боевой приказ комдива на форсирование реки. Затем обратился к командирам стрелковых батальонов с вопросом:

— Кто хочет первым форсировать Дунай?

Воцарилась тишина, все молчали. Поднялся исполняющий обязанности командира батальона старший лейтенант Пестерев:

— Товарищ подполковник! Разрешите моему батальону первому форсировать Дунай.

— Ты что, хочешь стать героем? — улыбаясь, спросил Чернышевич.

— Героем — не знаю... Знаю главное — не подведу, доверие обязательно оправдаю. В народе, товарищ подполковник, не зря говорят: герои умирают один раз, а трусы — несколько, — ответил Пестерев.

Эти слова вызвали оживление среди присутствовавших.

— Так тому и быть. Первым форсирует Дунай батальон товарища Пестерева, — сказал командир полка.

Днем 29 марта Пестерев и офицеры батальона вели тщательное наблюдение за действиями противника, изучали противоположный берег, расположение огневых точек. Заместитель командира батальона по политчасти старший лейтенант Кильдяков в это время проводил беседы с солдатами. Много военных дорог прошел он в походах и боях и везде показывал пример стойкости и отваги. Каждое его слово глубоко западало в душу солдат.

30 марта в час тридцать ночи стрелковый батальон Пестерева в составе двух стрелковых рот, взвода противотанковых ружей и приданного саперного взвода начал форсирование Дуная.

Дул северный ветер. Густые тучи плотно закрывали луну. Дунай был мрачный и неприветливый, навстречу накатывались темно-свинцовые волны.

Пока там, за рекой, было тихо. Но все знали, что про-

А. И. Пестерев

ходившая вдоль берега дамба высотой в три метра подготовлена противником к обороне.

«Бой будет тяжелым», — думал каждый десантник. Сильное течение относило лодки вниз, это значительно удлиняло путь. Но вот миновали середину реки, и в этот момент случилось то, чего так опасались все: из-за рваного края тучи неожиданно выглянула луна и залила все вокруг мертвенно-бледным, голубоватым светом.

Фашисты заметили десант. Взвились осветительные и сигнальные ракеты, затрещали пулеметы, торопливо застрочили автоматы. К лодкам потянулись огнен-

ные трассы. Мины и снаряды падали вокруг, подымая тонкие, кипжальные столбы воды. Стоны раненых, короткие команды тонули в этом беспорядочном хаосе звуков.

Но десантники не растерялись. Они ответили огнем из своего оружия. Им начали помогать наши артиллеристы и минометчики. Наконец первая лодка коснулась берега, за ней стали подходить другие.

Раздался громкий голос любимца солдат замполита Кильдякова:

— Вперед, за Родину! Ура!

— Ура-а-а! — подхватили десантники, выпрыгивая на берег.

В этот момент с вершины дамбы ударил немецкий пулемет. Кильдяков остановился, закачался и упал с вытянутой вперед рукой, будто показывая десантникам направление атаки...

Болью сжались солдатские сердца, и ничто уже не могло сдержать порыва наших воинов. Закипел рукопашный бой. Стихли пулеметные очереди. Только коротко огрызались автоматы да щелкали одиночные выстрелы. В дело

пошли ручные гранаты. Коварная луна снова скрылась за тучи, и в наступившей темноте все перемешалось.

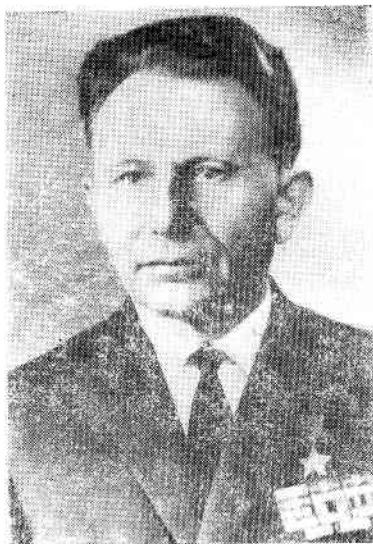
Через несколько минут дамба на небольшом участке была очищена от врага.

К рассвету на ней закрепились обе стрелковые роты. Наступило утро, и можно было осмотреть местность. Прямо перед фронтом батальона, примерно в километре от дамбы, виднелась помещичья усадьба. Правее и ближе к реке цепочкой стояли домики небольшого хутора. Левее и дальше, километрах в трех, сквозь дымку виднелась окраина словацкого города Комарно, путь к которому

преграждали две немецкие траншеи с невысокими насыпными брустверами. Было видно, как по траншеям сновали гитлеровцы. Враг готовился к контратаке.

Вскоре по дамбе ударили немецкие орудия и минометы. Потом двинулись фашистские цепи. Из района усадьбы выползли танки. Первую контратаку наши бойцы отбили без особого труда. Но это не успокоило гитлеровцев — они ее повторили. И снова были отброшены на исходные позиции. Потом контратаки следовали одна за другой. Хотя немцы всякий раз откатывались обратно, положение защитников дамбы ухудшалось. Был разрушен командный пункт батальона. Подходили к концу и боеприпасы. Положение наших воинов на плацдарме становилось критическим.

Вскоре тяжело ранено командира 5-й стрелковой роты младшего лейтенанта Хейфеца. Последний офицер этой роты выбыл из строя. Бойцов обеих рот объединили в одну группу, которую возглавил командир 6-й роты лейтенант Бусаргин. После четвертой контратаки у наших бойцов остался один пулемет. Тогда Пестерев приказал пулеметчику чаще менять позицию, создавая видимость, что

Н. М. Бусаргин

С. И. Хейфец

пулеметов на дамбе несколько.

Четвертая контратака врага была предпринята при поддержке танков. Командир взвода противотанковых ружей лейтенант Потапов вместе со своими бронебойщиками был в боевых порядках пехоты. Оставив несколько подбитых танков и бронетранспортеров, фашисты вынуждены были отступить. В этом бою смертью героя пал командир бронебойщиков. К полудню провалились пятая и шестая попытки немцев сбросить защитников плацдарма в Дунай, после чего наступило затишье.

— Скоро к нам с того берега прибудет подкрепление, — обратился к бойцам Пестерев. — До его прихода нужно продержаться. На Бусаргине — правый фланг, на мне — левый. Патронов осталось совсем мало — будем экономить. Фашистов встречать только залповым огнем...

Пестерев и Бусаргин посмотрели вперед. В траншеях и особенно возле усадьбы и на хуторе заметно усилилось движение серо-зеленых фигурок. Из тыла к ним подходили все новые и новые группы солдат. Противник готовился к очередной контратаке.

— Выдержим этот напор — дальше пойдет легче, — замямлил Пестерев.

Проводив комбата, Бусаргин, пользуясь затишьем, обошел правый фланг обороны и сделал все, чтобы лучше подготовиться к отражению контратаки. Когда он возвращался, послышался радостный возглас: «Подмога идет!» По реке плыло десятка полтора полупонтонов и еще больше надувных и деревянных лодок и плотов.

В это время гитлеровцы внезапно, без огневого налета, густыми цепями контратаковали правый фланг нашей обороны, чтобы сбросить бойцов с дамбы, а затем разделаться на воде с подкреплением. Пестерев понял, какая боль-

шая ответственность лежит сейчас на нем и его воинах. Вражеские цепи приближались. Наши бойцы встретили их залпом. Но это не остановило немцев, они только с шага перешли на бег.

— Приготовиться к атаке! — скомандовал Пестерев. — Вперед, за Родину!

Солдаты поднялись из разрушенных окопов и с дружным криком «ура» бросились за своим командиром. Гитлеровцы дрогнули и остановились. В это время к батальону Пестерева подоспело подкрепление. Немцы отступили и оставили свои две траншеи. Их настойчиво преследовал весь 932-й стрелковый полк.

Рота Бусаргина первой достигла окранны Комарно и завязала уличный бой. Под ее прикрытием подтянулся весь полк и стал пробиваться навстречу морякам Дунайской флотилии, вступившим в город с востока. Скоро совместными усилиями наших солдат и моряков город Комарно был освобожден.

Многие десантники награждены орденами и медалями. Среди них Бреусов, Вакарчук, Жимаев, Капруш, Лагута, Макаренко, Нечистенко, Пономарев, Сикета, Тарасов, Щепанов. Особо отличившимся в боях — Кильдякову и Потапову (посмертно), а также Пестереву, Бусаргину и Хейфецу Указом Президиума Верховного Совета СССР от 15 мая 1946 года было присвоено звание Героя Советского Союза.

Михаил Андреевич Кильдяков родился в 1915 году в селе Новая Яблонька Хвалынского района Саратовской области. До войны окончил ремесленное училище и работал в Каспийском морском пароходстве. Погиб 30 марта 1945 года.

Дмитрий Сергеевич Потапов родился в 1923 году в селе Новое Юхновского района Калужской области. Учился в Москве. После окончания ремесленного училища работал на заводе, откуда добровольцем ушел в армию. Погиб 30 марта 1945 года.

Алексей Иванович Пестерев родился в 1910 году в селе Муречи Кяхтинского района Бурятской АССР. До войны был партийным работником. После войны служил в армии. Сейчас на пенсии. Живет в Киеве.

Николай Матвеевич Бусаргин родился в 1919 году в селе Покровка Давлекановского района Башкирской

АССР. В армии служил с 1939 по 1959 год. Ныне на пенсии. Живет в Нальчике.

Семен Ильич Хейфец родился в 1909 году в городе Иркутске. До войны работал начальником цеха Иркутского механического завода. После войны — заместитель директора ремонтно-механического комбината. Сейчас на пенсии. Живет в Иркутске.

А. Пилипенко

УБЬЮТ — ПОГИБНУ ГЕРОЕМ

Прочти эти письма, читатель. В них вся тридцатипятилетняя жизнь Героя Советского Союза Михаила Андреевича Кильдякова, о подвиге которого рассказано в очерке «Герои Дуная».

Он был армейским партийным работником и, как все комиссары, не любил пустых речей, говорил кратко, ясно и страстно.

Вот его письмо родному брату Георгию, проживавшему тогда в городе Баку по улице Фабрициуса:

«Писать часто не буду. Останусь жив — вернусь с победой. Убьют — погибну героем. Михаил».

После гибели Михаила Андреевича его друзья писали матери героя:

«Командование части и партийная организация благодарят вас за хорошее воспитание сына Михаила, за то, что вы дали нашей Родине замечательного воина, который покрыл себя славой в борьбе с фашистскими захватчиками. Вражеская пуля оборвала прекрасную жизнь героя. Михаил погиб 30 марта 1945 года в 3 часа утра. Похоронен в городе Комарно.

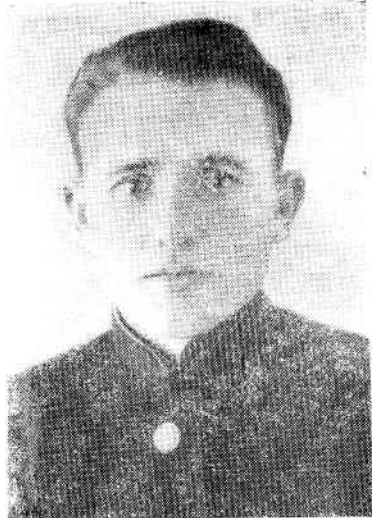
Вы потеряли своего любимого сына, а мы — замечательного, храброго офицера-большевика, который отдал свою молодую жизнь за независимость нашей Родины.

В боях с гитлеровцами мы жестоко мстим за смерть Миши и скоро полностью уничтожим врага, чтобы снова настал счастливый мир на земле. Капитан Федорин, старший лейтенант Романенко, лейтенант Аминов, старшина Мусатаев, рядовые Дыбин, Царевский».

В тот же день на дунайском плацдарме, отвоеванном у врага, смертью героя пал молодой лейтенант Дмитрий Потапов — товарищ Михаила Кильдякова. «Только вперед, только на линию огня» — эти слова Павки Корчагина были девизом комсомольца-москвича Потапова.

Д. С. Потапов

М. А. Кильдяков

В народе говорят: пуля, пущенная врагом в русского солдата, попадает в сердце его матери. Потапов в 43-м году участвовал в боях на юге страны. Дважды довелось ему быть в окружении. Дважды родители получали «похоронки». «Вы, наверно, «паныхиду» отслужили по мне, — писал он домой, — но я жив, здоров... Я был в партизанском отряде до Нового года, шесть месяцев, ну а теперь снова на фронте. Буду бить фашистов, как бил их в партизанах».

Нам не удалось отыскать письма товарищей Дмитрия Потапова его матери и отцу. Но мы знаем, что память о герое жива и на родине Дмитрия Сергеевича — в Калужской области, и в Москве, где он начинал свой трудовой и ратный путь.

Друг-читатель! Сохрани в своем сердце строки писем героев войны.

И. Гребцов

ПОДВИГ СВЯЗИСТОВ

Командир дивизии принял решение форсировать Дунай силами одного батальона 932-го полка. Мне было приказано обеспечить телефонную связь через реку. Дивизион-

ный инженер майор Карабеков получил распоряжение вы-
делить нам две лодки.

Времени на подготовку к форсированию водного ру-
бежа оставалось мало. Опыт, накопленный нами во время
боев на Днепре, здесь явно не годился: русло реки Дунай
значительно шире, течение очень быстрое. Поэтому реши-
ли одновременно прокладывать две линии связи с двух ло-
док. Для основной линии подготовили провод с пластмас-
совой изоляцией красного цвета. Для резервной — провод
с резиновой изоляцией.

— Кто хочет добровольно участвовать в форсировании
Дуная? — обратился я к связистам.

Вся линейная рота изъявила желание выполнить по-
ставленную задачу. Как старший по должности, побла-
годарил воинов и объявил о своем решении. Прокладку
линии связи через Дунай я поручил отделениям старших
сержантов Алексея Пеннозы и Дмитрия Филатова. Общее
руководство во время форсирования возложил на коман-
дира взвода лейтенанта Кузнецова.

После полуночи 30 марта началась посадка бойцов
стрелкового батальона в лодки. И тут выяснилось, что пе-
хотинцам недостает переправочных средств. Связистам бы-
ла оставлена только одна лодка. От прокладки резервной
линии пришлось отказаться.

Лейтенант Кузнецов и связисты отделения Пеннозы за-
няли свои места в лодке. Отделению Филатова было при-
казано закрепить провод на этом берегу, подключить его
к коммутатору и организовать дежурство. Начались то-
мительные и тревожные минуты ожидания.

Но вот на противоположном берегу Дуная разгорелся
сильный бой. Послышались пулеметные и автоматные оче-
реди, взрывы гранат. Противник освещал поле боя раке-
тами. Было ясно, что наши десантники успешно высади-
лись на берег и теснят гитлеровцев. Значит, скоро дадут
о себе знать и наши связисты. И мы не ошиблись.

В телефонной трубке, возле которой дежурил Филатов,
послышался характерный шорох, понятный только связис-
там. Это означало, что линия связи жива, что кто-то там,
на противоположном ее конце, подключает к ней свой те-
лефонный аппарат.

Вдруг послышалось продувание в микрофон, затем рез-
кий звонок. И долгожданные слова:

— «Береза», «Береза», как слышите меня? Прием.

У аппарата на плацдарме был телефонист ефрейтор

Алексей Агеев. Он передал трубку лейтенанту Кузнецову, который доложил мне о действиях связистов при прокладке линии по дну реки. Выяснилось, что последние 50—60 метров связисты преодолевали под сильным пулеметным огнем противника. Командир взвода сообщил, что провод закреплен надежно.

Доложив командиру дивизии о том, что связь через Дунай установлена, я тут же соединил его с противоположным берегом. Там, на плацдарме, шел ожесточенный бой. Наша артиллерия вела огонь по танкам и пехоте противника, пытавшимся сбросить дееантников в реку.

— Немцы в двухстах метрах от нас, — слышалось из-за реки. — Перенесите огонь артиллерии ближе к нашему переднему краю.

А еще через некоторое время:

— Вот теперь хорошо! Бегут!..

Агеев разошелся до того, что начал употреблять слишком вольные выражения, за что я получил замечание от комдива генерала Горбачева. Но присутствовавший при этом командир корпуса генерал Григорович заметил, что там, наверное, очень жарко и выбирать нужные слова некогда. И добавил:

— Молодцы связисты. Заслуживают самой высокой похвалы. Передайте им большое спасибо от меня и не забудьте представить к наградам.

Мне не довелось тогда поздравить связистов с наградами. Вскоре кончилась война. Мы разъехались. Награды вручались позднее. А недавно на встрече однополчан я увидел Пениозу, отделение которого прокладывало линию связи по дну реки. Рад был поздравить его с орденом Ленина, которым отмечен подвиг связиста на Дунае.

И. Осипенко

ЭТО БЫЛО НА ДУНАЕ

Командующий 7-й гвардейской армией генерал-полковник Шумилов распорядился: воинов, наиболее отличившихся при форсировании Дуная, награждать немедленно. Для этого комдив генерал-майор Горбачев приказал мне, в то время помощнику начальника отдела кадров дивизии, следовать непосредственно за нашими наступающими боевыми частями для оформления наградных материалов в ходе операции. Со мной были и наградные знаки. В груп-

пу вошли также писарь отдела кадров старшина Хомкин и два автоматчика.

В ночь на 30 марта дивизия начала форсирование Дуная. Этой же ночью наша группа в сопровождении автоматчиков на лодках, под огнем противника, переправилась через реку вслед за передовыми подразделениями дивизии.

Днем 30 марта мы в короткие перерывы между боями оформляли наградные материалы на командиров и бойцов, отличившихся при форсировании и прорыве обороны немцев. Всего за этот день было составлено 100 наградных листов, и к вечеру мы их представили командованию дивизии.

В. Палагушкин

НАШЕ ЗНАМЯ НАД БРАТИСЛАВОЙ

Форсировав главными силами Малый Дунай, наша дивизия подошла к Братиславе. В ночь на 4 апреля 1945 года начался штурм города. 924-й полк наступал в центр Братиславы, 928-й и 932-й — на левом и правом флангах.

В центре Братиславы, на холме у Дуная, возвышается старинная крепость, обнесенная каменной стеной с бойницами. Немцы расставили у двух ворот в крепость и у бойниц по стенам десятки пулеметов, из которых простреливали все подходы.

Было решено действовать внезапно, по-суворовски. Бойцам 924-го полка приказано: ни единого выстрела! Полная тишина. Пусть немцы думают, что мы отдыхаем.

На рассвете 10 наших смельчаков во главе с сержантом Борденюком стали тихо пробираться по улице, тупиком упиравшейся в глухую стену крепости. Продвигались скрытно — за выступами домов, в тени заборов, по дворам, через окна нижних этажей. У подножия холма темнел туннельный вход в большой бункер. Сержант Борденюк решительно шагнул в дверь с поднятой в руке гранатой.

— Братко, братко! — радостно встретили местные жители советского воина.

— Немцы есть? — спросил сержант.

— Нету, они там, на горе, в крепости, — охотно ответили люди и затем показали на каменную лестницу-тропинку, ведущую наверх.

Подъем к стене был крутой и высокий — метров около ста. Борденюк осмотрел указанную жителями тропинку

и отказался от мысли вести по ней бойцов, так как немцы могли заметить группу со стены.

— Полезем прямо по камням, — сказал он, — так труднее, зато вернее. Дайте веревку, — обратился сержант к словакам.

Сержант ловко взобрался на крутой обрыв. Один из жителей привязал к веревке камень и бросил его наверх, сержант закрепил веревку, все бойцы с автоматами и ручными пулеметами поднялись к своему командиру и осторожно пошли вдоль стены вправо. Дошли до железных ворот с калиткой, которая оказалась незапертой.

— Крижановский, оставайтесь с ручным пулеметом здесь, остальные — за мной! — тихо скомандовал сержант и вошел в калитку.

Налево — дверь, сержант — туда. Заглянул и увидел: столовая полна немцев, завтракают. Отважный воин поднял в руке гранату и властно крикнул:

— Руки вверх!

Гитлеровцы повиновались. Пленных без шума вывели через калитку наружу.

Затем Борденюк прошик на второй этаж этого дома. Там у окна за пулеметом дремал солдат, который сразу поднял руки.

С оставшимися бойцами Борденюк начал осторожно осматривать расположенное во дворе крепости длинное здание казармы. В здании были устроены арочные ворота. Наши бойцы вошли в них и увидели дверь налево. Открыли ее — подвальное помещение, санитарный пункт. И здесь немцы не замедлили сдаться. Но направить пленных через калитку не удалось. Гитлеровцы наконец обнаружили опасность, обошли казарму со стороны двора и открыли пулеметный огонь. В арочных воротах также появились

И. С. Фролов

немецкие автоматчики. Нашим бойцам пришлось отойти к задней стене казармы и отстреливаться.

Метко бил пулеметчик комсомолец Воронин, ему помог раненый Гончарук. Из другого пулемета вел огонь сержант Борденюк, потом передал его своему товарищу, а сам пробрался в помещение с окном, забранном железной решеткой.

Сержант стал звать через окно связного командира батальона, чтобы сообщить ему обстановку и попросить немедленную помощь. Но к окну подошел парторг роты младший лейтенант Попов. Борденюк выбил бревном два прута в решетке и помог офицеру пробраться через окно в крепость.

Между тем взвод лейтенанта Конотопченко с тремя станковыми пулеметами, вслед за группой Борденюка, подошел к стене крепости тем же путем. Лейтенант послал вправо группу бойцов — красноармейца Безрунева и два пулеметных расчета под командованием старшего сержанта Потехина — отыскать вход в крепость, а третий расчет оставил при себе.

Осматривая стену, Конотопченко заметил окно с решеткой, заглянул в него и увидел своих.

— Попов, мы здесь. Вышибайте окно! — крикнул он.

Из проема посыпались камни — проход был готов. Конотопченко и его бойцы влезли в окно, установили «максим», и Вергун хлестнул по врагу свинцовыми очередями. Через несколько минут со стороны наружных ворот ударили еще два наших пулемета. Это расчеты, посланные лейтенантом вправо, ворвались в крепость через калитку в железных воротах.

ИВАН СЕМЕНОВИЧ ФРОЛОВ

Генерал-майор И. С. Фролов служил начальником штаба 252-й стрелковой дивизии с марта 1943 года по апрель 1945 года. Во время Яско-Кишиневской операции в связи с болезнью командива он временно исполнял обязанности командира дивизии. Член КПСС с 1940 года. Родился 26 ноября 1907 года в городе Новоузенск Саратовской области, в семье служащего.

В 1929 году был призван в Красную Армию. Срочную службу проходил в стрелковом полку одногодичником, затем командовал стрелковым взводом, ротой, был начальником штаба батальона. В 1940 году окончил Военную академию имени М. В. Фрунзе. Принимал участие в войне с белофиннами.

В Великой Отечественной войне И. С. Фролов участвовал с 22 ию-

Гитлеровцы поспешно отступили в дальнюю часть двора и укрылись в траншеях. Наши две группы объединились и, заняв казарму, сосредоточили на позиции врага огонь пулеметов и противотанкового ружья. Фашисты не выдержали натиска, хотя имели численное превосходство, — замелькали белые платки, немцы начали сдаваться в плен. Но часть их успела отойти к отдельно стоящим домикам и выжидала. Их атаковал подоспевший со своими солдатами лейтенант Беляев. Вскоре и они сложили оружие. Всего в этом бою было взято в плен более 100 солдат и офицеров, захвачено 27 пулеметов и много другого оружия и боеприпасов...

У главных ворот крепости, на ее западной стороне, там, где могли проходить танки, у противника были расположены основные оборонительные укрепления — баррикады, траншеи, пулеметные гнезда в окопах и на стенах крепости у бойниц. С этой стороны крепости немцы и ожидали нашего наступления — здесь они сосредоточили основные силы.

Подойти прямо с улицы к воротам крепости нечего было и думать. Подступы эти сплошь простреливались из пулеметов. Следовало в стороне от ворот подойти к стене и затем идти вдоль нее к воротам. Но для этого нужно было хотя бы на короткое время подавить огневые точки врага.

Наш пулеметный расчет выбрал позицию. К бойцам подошел офицер. Он уверенно развернул пулемет, прицелился и дал две очереди сначала в одну бойницу, а затем в другую. Два вражеских пулемета замолчали.

ня 1941 года. Командовал стрелковым полком 120-й дивизии, затем был назначен на должность начальника штаба 252-й дивизии.

В конце апреля 1945 года становится начальником оперативного отдела штаба 53-й армии. Принимал участие в боях с японскими милитаристами в августе—сентябре 1945 года. В 1946 году поступил в военную академию, после окончания которой служил начальником отдела штаба военного округа и начальником штаба армии. В мае 1957 года И. С. Фролову было присвоено звание генерал-майор. В 1960 году он уволен в запас.

За заслуги перед Родиной И. С. Фролов награжден орденом Ленина, тремя орденами Красного Знамени, двумя орденами Отечественной войны I степени, орденами Богдана Хмельницкого II степени, Красной Звезды, медалями, в том числе социалистических государств. Живет в Кишиневе.

— Кто у пулемета? — спросил командир полка майор Коваль, наблюдавший за стрельбой.

— Я стрелял, командир батальона капитан Гитуна.

Батальон капитана Гитуна имел задачу обойти крепость и отрезать противнику пути отхода, а затем атаковать его со стороны главных ворот. Воспользовавшись замешательством врага, воины батальона Гитуна проскочили к стене крепости и стали продвигаться вдоль нее к воротам. В этой группе были офицеры Пушкарев, Волошин, парторг Иманкулов, пулеметчики Тимошук и Захарчевный. Они благополучно добрались до главных ворот — на рубеж атаки. Лейтенант Пушкарев подал команду:

— Вперед! Ура!

Пятеро бесстрашных воинов ворвались в ворота крепости, полоснули по гитлеровцам автоматными очередями и открыли огонь из двух пулеметов. Внезапность удара решила успех боя. Среди немцев поднялась паника.

С тыла на главные ворота пошли в атаку воины капитана Стояна. Соппротивление немцев полностью подавлено, число пленных достигло 200.

Братиславская крепость была взята. Комсомолец лейтенант Волошин и красноармейцы-пулеметчики Тимошук и Захарчевный водрузили на башне крепости красное знамя. Это было в полдень 4 апреля 1945 года. К исходу дня 5 апреля Братислава, главный город Словакии, была полностью освобождена нашими войсками.

252-я прибавила к своим наградам почетное наименование «Братиславская» и в составе 7-й гвардейской армии с боями продвигалась к Вене.

И. Фролов

РСБ И «НЕМКА»

Начну, как говорится, с конца. В середине июля 1945 года, когда наша дивизия была расквартирована в господских дворах Дьендьеша, что в Венгрии, и у нас началась лагерная жизнь, поступило распоряжение откомандировать бывших курсантов — старшин Георгия Теплякова и Ивана Кузякова, сержантов Германа Прокофьева и Александра Головкова — в Пермь. Мы проводили своих товарищей туда, откуда они прибыли в 1942 году в нашу дивизию.

Не скрою, мне было грустно. Ведь вместе пройден путь от Сталинграда до Дуная. Всякое было. О некоторых эпизодах нашей фронтовой жизни расскажу.

Небольшое отступление. Радиосвязь штаба дивизии с вышестоящим командованием осуществляла наша отечественная станция РСБ-ф (радиостанция самолета бомбардировщика фургонного типа), которую мы получили на Урале во время пополнения. Младший лейтенант Алексей Калинин был назначен начальником радиостанции, а Кузяков, Прокофьев и Головков (тогда все — красноармейцы) — радистами. Сержант Тепляков стал радистом.

Почему, спросите вы, в заголовок также вынесено слово «немка»? Дело в том, что Корсунь-Шевченковская операция принесла дивизии богатые трофеи. В этом, как мы его называли, «втором сталинградском котле» немцами было брошено много различных машин. Среди них — спецмашина, которую мы приспособили под радиостанцию для начальника штаба дивизии. Выглядела машина немногостранно. На крыше лежали закрепленные на роликах полые трубки, словно кровать. Эти трубки являлись антенной.

— Ну, как наша «немка»? — поинтересовался на другой день начальник штаба полковник Фролов.

Так с легкой руки Ивана Семеновича и окрестили мы новую машину «немкой».

...Наша РСБ (шофером «газика» всю войну был Виктор Мещерин) держала связь со штабом армии из балки Грачевой. Не знаю почему, но только радисты вынесли тогда рацию из кузова автомашины и расположили ее в окопе.

Начался сильный артиллерийский обстрел. И в это время приказ: срочно связаться со штабом армии. Над рацией склонились Тепляков и Кузяков. Лица их напряжены. Сумеют ли связаться? Не подведет ли радиостанция?

РСБ работала четко. Связь была устойчивой. За ключом Кузяков. А в это время рядом рвутся снаряды. Над головой свистят осколки. Вот разрыв совсем близко. Радисты пригибаются к рации вплотную, словно желая спасти ее от осколков. Все нормально! Рация цела.

Когда обстрел закончился, оба радиста взглянули на автомашину. Ее кузов был пробит в нескольких местах.

С этого дня в коллективе стало правилом: развернув связь, копай окоп для рации. Земля-матушка надежно прикроет от осколков и пуль.

...Полки дивизии выдвигались на направление вероятного прорыва противника. Наши РСБ и «немка» продвигались за ними. В пути мы еще и еще раз проверяли надежность радиоаппаратуры. Кто-то из нас выглянул из кузова машины, услышал нарастающий гул и увидел над собой самолет У-2. «Кукурузник» покачал крыльями и начал снижаться. Что бы это значило?

Когда самолет сел неподалеку от машин, мы бросились к летчику. Тот сообщил, что навстречу нам, по этой же дороге, движется колонна немцев. Сразу же было приказано занять оборону и быть готовыми к отражению возможной атаки.

...Штаб дивизии располагался в одной из деревень Венгрии. Вражеские танки рвались к Будапешту, и ночью несколькими из них удалось скрытно пройти к нашему штабу и открыть пулеметный огонь.

Трассирующие пули роем летели над крышей радиостанции. Штабу дивизии все же удалось выйти из зоны обстрела, а наша машина не смогла преодолеть подъем.

Между тем обстрел продолжался. Но мы не растерялись и, вооружившись на всякий случай гранатами, начали искать другой путь отхода. И нашли. Машина была выведена из опасной зоны, и мы соединились со штабом.

...И еще маленький эпизод. Так получилось, что в Венгрии, сначала в эфире, а затем и воочию встретились два радиста-эрэбиста, два уральца. Одним из них был я, вторым — радист соседней 84-й стрелковой дивизии Григорий Баянов.

С Гришей я учился в Тобольской школе ФЗУ связи. Оба прошли большой путь. Не раз вели разговоры по рации, но до поры до времени не знали, кто сидит за ключом. А когда выяснилось, что мы — земляки и друзья, решили встретиться. И случай помог: наши машины оказались по соседству.

В эти дни мне вручили медаль «За отвагу». Награждение было поводом для встречи, мы с земляком решили тогда сохранить верность своей фронтовой профессии. Радиоделу я действительно остался верен. Вернувшись с фронта, стал начальником радиотехнического узла Уральского территориального геологического управления.

П. Смирных

*(Из фронтовой газеты «Суворовский натиск»
от 5 мая 1945 года)*

В этой статье я хочу рассказать об активе нашей газеты, о связях с военкорами, о том, как мы помогаем им в работе.

Постоянно пишет в газету большая группа бойцов, сержантов, офицеров и редакторов боевых листков. Ежедневно почта приносит нам от 10 до 15 писем. Мы ведем строгий учет полученной корреспонденции. Ни одно письмо не остается без внимания.

Опубликовав корреспонденцию, редакция немедленно высылает автору номер газеты. Бывают письма, в которых рассказывается об интересных фактах, но они не полны. В таких случаях сотрудник редакции идет в подразделение и там вместе с автором собирает дополнительные сведения. Так было со статьей ефрейтора Бабаева. Он написал о том, что красноармеец Василий Онищенко меткой пулеметной очередью заклинил башню тяжелого немецкого танка.

Как поступила редакция? После опубликования информации литературный сотрудник лейтенант Гребцов пошел в роту, где служит пулеметчик Онищенко. На второй день в газете появилась статья, в которой парторг роты младший лейтенант Прохоров рассказал о воинском мастерстве пулеметчика Василия Онищенко. Пропагандируя опыт умелых бойцов, лучших командиров, газета тем самым способствует дальнейшему совершенствованию воинского мастерства личного состава. Этим редакция обязана своим лучшим военкорам снайперу Бондарю, бронебойщику Шабашову, саперу Кувшинову, командиру стрелкового отделения Котову, разведчику Богданову, командиру орудия Гончару и многим другим.

Старшина Богданов регулярно выступает на страницах газеты с советами разведчикам. Командир стрелковой роты старший лейтенант Мужаницын руководит в газете заочной школой снайперов. Лейтенанты Капустин и Рулев дают консультации о ведении залпового огня. Старший сержант Бабайцев, прошедший со своим орудием от Сталинграда до Чехословакии, в своих коротких заметках учит молодых артиллеристов, как лучше использовать противотанковые орудия в борьбе против немецких танков.

Мы гордимся, что наш лучший военкор — броневой Федор Шабашов — стал Героем Советского Союза.

По вопросам партийно-политической работы в подразделениях нам часто пишут сержант Дьяченко, лейтенант Щекотов, агитаторы сержант Затокин и старшина Зимин, парторг роты сержант Бочаров, агитатор капитан Дмитриев, парторг батальона Аминов.

Это ими написаны статьи: «Перед боем», «Пусть громче звучит слово агитатора-большевика», «Воспитание бдительности», «Работа с газетой», «Почему немцы так яростно цепляются за Венгрию?», «О непрерывности партийно-политической работы».

Успехи не пришли сами по себе. С военкорами нужно постоянно работать, воспитывать их. Не так давно мы провели двухдневный семинар военкоров. Они учились тому, как следует отбирать факты. Каждый из них написал заметку, которую коллективно разобрали.

В часы затишья мы регулярно проводим инструктивные совещания военкоров в ротах и батальонах. Они получают письменные советы и задания. Находясь в командировках, сотрудники редакции на местах помогают редакторам в выпуске боевых листков.

Нельзя сказать, что в нашей работе нет недостатков. Они есть, и коллектив редакции делает все, чтобы еще лучше укрепить связь с нашим активом, организовать систематическую его учебу, ежедневно помогать словом и делом.

Теперь вся мощь печатного слова, все формы и методы газетной работы должны быть полностью использованы для того, чтобы мобилизовать наших воинов на окончательный разгром врага.

*Д. Мотовилов, редактор
газеты «Боевая красноармейская»*

МАЛЬЧИК И ПИРОЖОК

Это было в самом конце войны. Наш 3-й стрелковый батальон 924-го полка находился на подступах к Пльзеню. Батальон, командиром которого был боевой капитан Николай Стоян, наткнулся на вражеский заслон. Фашисты были вооружены пулеметом.

Комбат приказал мне, комсоргу батальона, взять четырех комсомольцев и провести разведку. В это время начало светать, туман рассеивался. Стали видны домики и

постройки. Мы поползли к селению, вскоре добрались до крайнего домика.

Когда приблизились к нему, открылась дверь, и на пороге появился мальчик.

Я жестом дал ему понять, чтобы он вернулся в дом, так как мы будем стрелять. Мальчик не уходил и тоже жестом объяснил мне, что впереди — опасность.

Приподнявшись, я увидел большую воронку от авиабомбы. Она была глубокой. На дне ее сидели офицер и два немецких солдата. Они завтракали и меня не замечали.

Я снова нагнулся и дал понять мальчику, чтобы он уходил домой. Затем приготовил гранату, автомат и чуть продвинулся к воронке. В это время один из солдат поднял голову и заметил меня. Почувствовав недоброе, всполошился и офицер. Он схватил было ручной пулемет, но солдат прижал ствол пулемета к земле.

Тогда офицер пытался выхватить пистолет. Другой солдат повалил его и обезоружил.

Так без боя был ликвидирован заслон. Немцы сдались в плен.

Вскоре весь батальон присоединился к нам.

Когда мы проходили мимо дома, на крыльце его вновь появился мальчик. Нам очень хотелось отблагодарить маленького чеха. Кто-то из бойцов сунул мне в руку кусочек сахара. Я протянул его мальчику. В ответ на это он протянул пирожок. Из-за моего отказа взять пирожок мальчик пытался вернуть кусочек сахара. Я взял гостинец мальчика.

От этого пирожка каждому из нас досталось по крохе. Но каким вкусным нам показалось угощение!

...Прошло 40 лет. Я часто вспоминаю этот день войны. Вспоминаю мальчика-чеха, который нам помог, его гостинец.

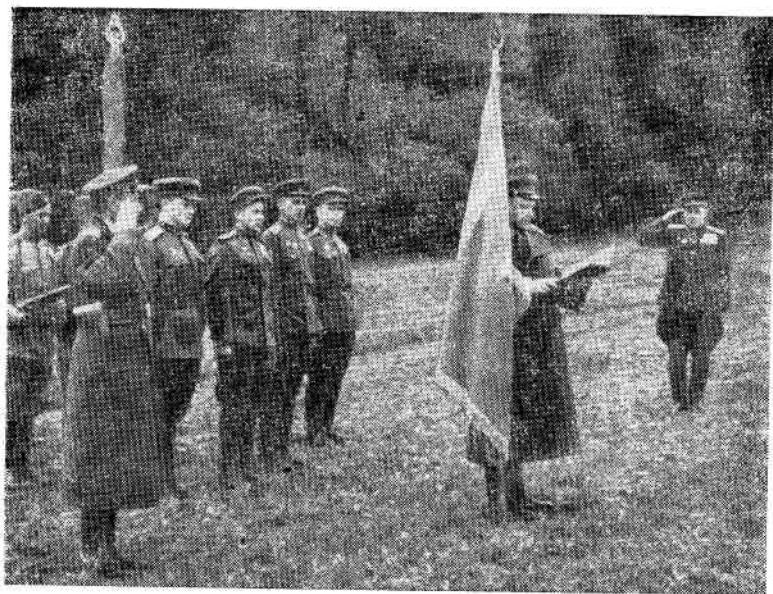
Спасибо тебе, друг. Жив ли ты?

А. Решетняк

ПОСЛЕ ПОБЕДЫ

Артиллеристы отдельного истребительно-противотанкового дивизиона День Победы отпраздновали в столице Моравии — Моравска-Остраве.

...Еще накануне, 8 мая, был жаркий бой за город Висовицы. Бой возник неожиданно на подступах к городу. Мно-

2 мая 1945 года. Вручение дивизии орденов Суворова и Богдана Хмельницкого

го дней наши подразделения шли на запад, не встречая сильного сопротивления отходящего противника. Мы двигались походной колонной. Передовой разъезд в составе взвода противотанковых ружей был посажен на трофейный немецкий дизельный грузовик. В его кузове также сидело несколько пленных, захваченных по дороге.

Видимо, поэтому наше приближение не вызвало подозрений у противника, занимавшего позиции на окраине города Висовицы, и передовой взвод неожиданно ворвался в боевые порядки немецкого охранения. Завязалась рукопашная схватка. Бойцы в упор расстреливали растерявшихся гитлеровцев. В течение нескольких минут были уничтожены три вражеские пулеметные точки, и путь в город был открыт.

Однако шум боя насторожил противника. Враг открыл пулеметный огонь по шоссе с двух вышек. Мы развернули орудия 1-й батареи для стрельбы прямой наводкой по этим целям, и наш «специалист по колокольням» старший сержант Григорий Шулежко вторым снарядом обезглавил

вышку. В городе шла беспорядочная стрельба, немецкий гарнизон охватила паника. Местные жители помогали нам очистить Висовицы от фашистской нечисти. В этом последнем бою мы захватили много пленных и трофеев — десятки автомашин с продовольствием, боеприпасами и обмундированием. У нас были ранены несколько бойцов и командир батареи старший лейтенант Михаил Федоров.

Доложив генерал-майору Горбачеву о результатах боя, я получил по радиации приказ — с рассветом выступить в направлении Моравска-Остравы и, достигнув ее, ждать дальнейших приказаний.

На подходе к Остраве надо было доложить комдиву. Радист старшина Алексей Безукладов забросил антенну радиации на придорожную яблоню и стал настраиваться. Вдруг он подозвал меня и передал наушники. В эфире гремела музыка, слышался торжественный голос диктора, читавшего текст. Оказалось, что передавали директиву одного из штабов о порядке празднования Дня Победы в воинских частях. Это было 9 мая. Вот она, наша Победа!

Весть о победе мгновенно облетела всю часть. Люди преобразились. Внешне спокойные воины, повидавшие многое на долгих фронтовых дорогах, кричали «ура», бросали в воздух пилотки и фуражки, обнимали друг друга, качали своих командиров.

Была подана команда: «По машинам!» Воины дивизиона двинулись в город навстречу восторженно встречающим нас жителям столицы Моравии. Прямо на улице возник митинг. Откинули борт автомашины — получилась импровизированная трибуна. С нее заместитель по политчасти капитан Николай Брагин поздравил воинов с Великой Победой. Затем выступило несколько солдат. Вечером наши артиллеристы танцевали в сквере под звуки русского баяна и чехословацкого эстрадного квартета.

А утром был получен приказ: идти форсированным маршем на Бенешов—Краловице, навстречу союзной американской армии. Начался марш-бросок. Шли походной колонной с боевым охранением, рассредоточивались лишь для прочесывания лесов. На пути попадались мелкие группы солдат и офицеров противника, которые мы пленили.

На рассвете 13 мая дивизион оседлал шоссе Прага — Пльзень в районе южной окраины хутора Голубков. Проведенная разведка бойцами старшины Пугачева подтвердила, что в Голубкове нет американских войск.

Приняли решение перекрыть шоссе южнее хутора.

У опушки леса были поставлены импровизированный шлагбаум и четыре пушки с зачехленными стволами.

Через некоторое время мы заметили, что в полукилометре от шлагбаума на шоссе остановилась легковая машина. Из нее вышли три офицера американской армии и навели бинокли в нашу сторону. Шлагбаум их явно заинтересовал. После оживленного обсуждения американцы сели в машину и укатили обратно. Я попросил к рации комдива и открытым текстом доложил, что видел машину с американскими офицерами неподалеку от нашего шлагбаума.

Генерал Горбачев поздравил меня с выполнением боевого задания, приказал передать благодарность всему личному составу, утвердил решение перекрыть шлагбаумом шоссе, а также приказал ждать приезда начальника разведки дивизии майора Храптовича.

Майор Петр Степанович Храптович — мой старый боевой товарищ. Я всегда высоко ценил его храбрость, трезвый ум и высокое военное мастерство. Давно мы не виделись с Петром Степановичем, давно не получали общих заданий, и я с нетерпением ожидал его приезда.

А в это время на американской стороне тоже устанавливался шлагбаум, наскоро сделанный из срубленных деревьев. По сторонам шоссе за шлагбаумом были установлены два средних танка. Стволы пушек смотрели в нашу сторону. Движение на шоссе было перекрыто с обеих сторон.

Через час после разговора с комдивом прибыл майор Храптович с военным переводчиком. Оговорив наши дальнейшие действия, мы трое — Храптович, я и переводчик — вышли на шоссе перед шлагбаумом. Перед американским тоже появилась группа офицеров, и трое из них пошли нам навстречу. Двинулись и мы, рассчитывая встретиться с ними не ближе середины расстояния между шлагбаумами. Так и получилось.

От американцев на встречу с нами прибыли командир отдельного танкового батальона, представитель штаба 1-й пехотной дивизии и переводчик. При представлении друг другу мы называли номера частей, должности, звания и фамилии офицеров.

После знакомства командир танкового батальона пригласил нас к себе отметить встречу. Мы поблагодарили за приглашение и сослались на необходимость немедленно доложить своему командованию об этом важном собы-

тии. По той же причине и американцы ответили отказом на приглашение пожаловать к нам через 30 минут. Расстались мы очень тепло, выразив взаимную надежду, что наша встреча все же состоится в ближайшие дни. Встреча солдат, офицеров и генералов наших дивизий состоялась позднее.

К вечеру того же дня я передал охрану шлагбаума командиру одного из стрелковых подразделений и ушел в указанный мне район дислокации — лес в трех километрах северо-восточнее местечка Мито, в котором разместился штаб нашей стрелковой дивизии.

В. Пичугин

СЛОВО О МУЗВЗВОДЕ

Весть о Победе докатилась до нас еще 8 мая, в Чехословакии. Подразделения дивизии шли на запад походной колонной.

Последующие дни проходили бурно. То и дело капельмейстера вызывали в штаб дивизии. Наконец последовал приказ: подготовиться к встрече с союзниками. Работы, что называется, невпроворот. Репетиция следует за репетицией.

И наступил этот день. Большая группа офицеров и солдат дивизии во главе с генералом Горбачевым выходит из дома в местечке Мито, где должен состояться прием гостей. Показались «виллисы». Наш оркестр играет встречный марш. Рукопожатия. Улыбки. Генерал приглашает членов американской делегации в здание. Все рассаживаются за столом. И вот уже музыка плывет по залу.

...А мне в эти минуты припомнился 42-й год, Сталинградская битва, первые, тогда еще очень робкие шаги нашего музвзвода.

Наша концертная группа возникла во второй половине 1942 года. Кроме небольшого музвзвода при дивизии был еще оркестр из девяти человек в 932-м полку. Музыканты полка принимали участие и в боях. Так было, в частности, в районе Пяти курганов на дальних подступах к Сталинграду. В этих боях смертью храбрых пали четыре наших товарища — Аркадий Иванов, Виктор Беляков, Василий Бортников и Михаил Чевордаев.

После завершения Сталинградской битвы командование дивизии приняло решение объединить два музыкаль-

Май 1945 года. Чехословакия. На встрече воинов дивизии с американскими солдатами и офицерами

ных подразделения в одно. В итоге образовался музыкальный взвод, состоящий из духового оркестра и концертной группы. Коллектив возглавил капельмейстер старший лейтенант Александр Шпитальник.

Началась работа по созданию литературно-музыкальной композиции о славном боевом пути нашей дивизии. Над ней работали артисты-профессионалы Михаил Бори-

сов и Владимир Дегтерев, а музыку к уже готовым номерам подбирали Георгий Безгинский и Шайхет (имени, к сожалению, не помню).

В оркестровую группу входили Михаил Брагинский, Дмитрий Косенко, Федор Ландин, Георгий Спессорев, Григорий Баскин, Василий Ташев, Сергей Лукашевич. Среди чтецов и солистов были уже названные мною Борисов и Дегтерев, а также Михаил Тюфяков, Дмитрий Волков и я.

Мы участвовали в работе по эвакуации тяжелораненых воинов из медсанбата, несли караульную службу в различных подразделениях штаба дивизии. Но главной нашей обязанностью были выступления с концертами во всех подразделениях дивизии. В репертуар коллектива входили популярные русские народные песни, революционные и военные песни, стихи и рассказы известных советских писателей. Звучали и сатирические куплеты. Участникам Сталинградской битвы нравились такие, например:

Фриц на Волге думал жить,
Думал Дона воду пить,
Но нажил себе беды —
И ни туды, и ни сюды...

Когда мы как освободители вступили в Европу, наш ансамбль нередко выступал перед жителями Румынии, Венгрии, Чехословакии, Австрии. Так, наш концерт состоялся в самом большом зале города Печь. Местные жители бурно аплодировали певцам и танцорам...

И вот мы выступаем на встрече воинов нашей дивизии с представителями союзников.

Мы видим, как хозяева и гости поднимают тосты за Победу, союз и нерушимую дружбу.

Потом танцы. Оркестр наш непрерывно играет вальсы, танго, фокстроты и, конечно же, удалые русские плясовые мелодии.

Помнят ли об этом те, с кем воины нашей дивизии в мае 45-го встречались в местечке Мито?

С. Фельдман

ПЕСНЯ

Уже после победного мая в чешском селении, где мы остановились на отдых, среди пластинок с вальсами Штрауса и рапсодиями Листа наткнулся я на старенький, изрядно потертый диск. Пластинка была невзрачной на

вид, и я подумал, стоит ли ее слушать. Но какая-то внутренняя сила толкнула меня... Поставил пластинку на бархатный диск патефона, и комната неожиданно наполнилась звуками старинной русской песни.

Э-э-эй, у-ух-нем! Э-э-эй, ух-нем!
Е-еще-е ра-ази-ик, еще-е раз!
Ра-а-зовь-ем мы бе-ре-езу,
Ра-азо-овь-ем мы ку-удря-яву!..

Я закрыл глаза.

...То было на Украине. Мы, небольшая группа солдат-связистов, подошли к Днепру. Остановились неподалеку от берега. Была тихая сентябрьская ночь. Измученные недавними тяжелыми боями и многодневными переходами, солдаты осторожно по одному выползали к реке. Набрав во фляги студеной днепровской воды, возвращались обратно, под сень небольшой рощицы, что укрывала нас.

Предстояло обеспечить проволочной связью через Днепр героев-десантников, вот уже сутки ведущих бой на правом песчаном берегу. В те минуты о предстоящей переправе думал каждый из нас, как, впрочем, и о собственной судьбе. Как-то она сложится?

Послышались шаги. К группе солдат подошел стройный чернявый офицер. Это был наш командир — Иосиф Цибутович.

— Что, братцы, — спросил офицер, — да вы никак приуныли?

Солдаты молчали.

— Знаю, — как-то просто произнес он. — Знаю. Устали — бои, переходы...

Подсев к нам, он вдруг запел. Тихо-тихо.

У прибрежных лоз, у высоких круч
И любили мы и росли.
Ой, Днипро, Днипро, ты широк, могуч...

Эта такая знакомая песня, которую чуть слышно пел наш командир, перевернула в нас все. словно к нам сюда, на ночной пустынный берег Днепра, пожаловало наше невесть куда улетучившееся детство. Каждый в эти святы минуты думал о своем. Одним, наверное, виделись голубые девичьи глаза, другим — заросший черемухой пруд, третьим...

А песня звучала все громче и увереннее.

Мы пришли к тебе, Днепр, отец-река...

Мы поднимали усталые головы. Вот уже один, другой, третий подпевает командиру.

А когда она кончилась, командир встал, встали и солдаты.

— Пора.

Осторожно спустившись к воде, мы усаживались в лодку. Налегли на весла.

— Счастливого пути! — тихо несло с берега.

Правый берег встретил нас огнем. И на помощь пришла все еще звучавшая в ушах каждого песня о Днепре. Она повелевала, звала, возвышала.

...Какой уже раз ставлю пластинку на диск патефона.

Э-э-эй, у-ух-нем! Э-э-эй, ух-нем!..

Слушая эту старинную русскую песню на далекой чужбине, я невольно всем сердцем, всем своим существом потянулся к родным местам. Теперь мне предстоит дорога на восток. Это тогда, на Днепре, она пролежала только на запад. Теперь — на восток!

И. Гребцов

Я ШЕЛ В МОСКВУ ЧЕТЫРЕ ГОДА...

В субботу, 21 июня 1941 года, в Бельском педагогическом училище, что на Смоленщине, был выпускной вечер. А на следующий день будущие учителя начальных классов собирались по путевке ехать в Москву. Как нам хотелось побывать в столице! Ведь многие, в том числе и я, знали ее только по рассказам, песням да фотографиям.

Но наступило 22 июня... Все выпускники училища, семнадцатилетние ребята и кое-кто из девчат, так и не повидав столицу, ушли на фронт. Одни стали танкистами, летчиками, снайперами, другие — связистами, медсестрами... Я попал в партизанскую разведку. Но и в глубоком тылу у немцев, а потом на передовой, когда мы брали «языка», когда форсировали Дунай, я думал о Москве. И чем дальше мы гнали фашистов на запад, тем ближе и ближе была Москва, день ото дня сокращались сроки встречи с ней.

День Победы я встретил на пути к Праге. В середине мая нам сообщили радостную весть: в Москве решено провести Парад Победы, и мы будем представлять полки, дивизионы и роты нашей дивизии. Возглавили группу майор Михаил Макарович Савченко и капитан Леонид Иванович Голубовский. В нее, кроме меня, вошли разведчики М. Ор-

лов, М. Колесник, Л. Марченко, артиллеристы П. Баринов, Д. Березнев, автоматчики В. Захаров и Т. Огилько.

...Поезд подходит к границе. «Да здравствует Родина! Ур-ра!». Первая встреча с советскими людьми. Короткий митинг, объятия, поцелуи, слезы радости... Разве можно описать все, что мы видели на своем пути! В каждом городе, на каждом полустанке сотни, тысячи советских людей встречали нас и забрасывали цветами.

В летний солнечный вечер наш эшелон прибыл на Курский вокзал столицы. Тысячи москвичей вышли нас встречать. И чуть ли не каждого выносили из вагона на руках. В Москве у меня нет родственников, но сколько здесь родных мне людей! Москва ежеминутно следила за боями своих воинов, салютовала их победам. И вот теперь она встречала их как самых родных, как самых близких.

Строем, с оркестром и песнями, шагали мы по широким московским улицам. Идти легко и в то же время... нелегко. Дорога запружена москвичами. Они приветствовали нас, улыбались, дарили цветы. А что делали дети?! Ох уж эти дети! Они шмыгали между нашими шеренгами, разглядывали награды, пристраивались к колонне и маршировали вместе с нами.

Больше месяца гостили мы в столице. Каждое утро — строевые занятия в Сокольниках, подготовка к параду.

Для участников парада широко раскрыли свои двери театры, музеи, выставки. Нам выдали постоянные пропуска, и каждый мог идти в театр, музей по желанию.

Утро 24 июня 1945 года. Сводные полки (по одному сводному полку от каждого фронта) и другие части выстроились на Красной площади. По ступенькам Мавзолея Ленина поднимаются руководители партии и правительства. Из кремлевских ворот на белом коне выезжает маршал Жуков. Маршал Рокоссовский докладывает ему: «Сводные полки для Парада Победы — построены!» Жуков подъезжает к каждому полку, приветствует его и поздравляет в его лице фронт с Победой. Над Красной площадью гремит нескончаемое солдатское «у-рр-ра-а!». Затем Жуков, объехав все полки и части, поднимается по ступенькам Мавзолея и произносит краткую приветственную речь.

Начинается парад... Перед Мавзолеем проходят шеренги прославленных воинов Великой Отечественной войны. Подходит к Мавзолею и наш полк — 2-го Украинского фронта. Неопишимо состояние каждого у Мавзолея. Ле-

нин рядом. Это святое имя — наше знамя. Ленин вел нас в бой с фашистами, с Лениным мы победили. В эти минуты и гордость, и радость, и волнение. Мне особенно посчастливилось. В каждой шеренге 20 человек, а я — правофланговый, шел ближе всех к Мавзолею.

Четко выбивая шаг под марш сводного оркестра, в эти незабываемые минуты я день за днем вспоминал все четыре года, которые шел к Москве, к Красной площади, к Ленину. И мне показалось тогда, что впереди колонны шагают мои боевые друзья — разведчики лейтенант Александр Кулаков, старшина Василий Буравченков, сержант Георгий Липатов и многие, многие другие наши воины, геройски павшие в боях при форсировании Днепра, Буга, Дуная...

Да, мысленно с каждым из нас, вместе с нами были все советские люди, которые жизни не пожалели своей, чтобы состоялся этот исторический Парад Победы.

Г. Леоное

О ЧЕМ МОЛЧАТ КУРГАНЫ

Песня

Где шли жестокие бои,
Где бушевали ураганы, —
Там вечный сон друзей моих
Хранят высокие курганы.

И только плачущие ивы
Роняют косы к пыльным травам,
Где ветерок шумит над нивой
Да соловьи поют в дубравах.

Обильной кровью оросилась
Святая Русь — земля родная.
К победе шли сыны России,
В тяжелых битвах умирая.

Огнем фашистов выметая,
Спасая честь родной державы,
Шла Двести пятьдесят вторая,
Кровь проливая не для славы.

Пути-дороги далеки,
Победы мы не знали дату.

Шли Манагарова полки
И на штыках несли расплату.

К великой скорби матерей,
Не все вернулись с поля боя,
Не всех дождались сыновей, —
В сердцах осталась тяжесть боли.

Победный май звенел набатом,
Всех павших в памяти храня.
А над неведомым солдатом
Пылают лепестки огня.

Н. Ведмидский

ДВЕСТИ ПЯТЬДЕСЯТ ВТОРАЯ

Песня

Друзья, если в прошлое наше взглянуть —
Наш путь боевой был нелегок и длинен.
Суровый наш путь, солдатский наш путь
С тебя начинался, Калинин.

Были сражения жаркие,
Ты возмужала в боях,
Двести пятьдесят вторая Харьковская
Славная дивизия моя.

И грозную битву у Волги-реки
Особой отметить нам почестью надо:
Упорством прославились наши полки
Навеки у стен Сталинграда.

Прорыв не забудется Курской дуги:
Рассвет возвестили нам артиллеристы,
Дивизии двинулись грозно полки —
И вспять повернули фашисты.

У нас гимнастерки в поту и в пыли,
И нам далеко до привала —
Пред нами просторы родимой земли
В слезах, в пепелищах вставали.

Мы, Харьков, в родные предместья твои
Вошли после долгих разведок.

Нам имя твое подарили бои,
Немало пришлось нам изведать.

Полтава встречала нас, Днепр, Кременчуг,
У города Яссы кольцо мы замкнули.
Царил над врагами и страх, и испуг,
Свистели советские пули.

Под Прагой закончила трудный поход
Дивизия наша со славой.
Навеки с ней Харькова имя живет,
Сроднившись с сестрой Братиславой.

С. Фельдман

«БОЕВАЯ КРАСНОАРМЕЙСКАЯ»

По страницам дивизионной газеты

ПОДВИГ ГЕРОЕВ

Ноябрьская ночь серой мокрой пеленой висела над Дунаем. Противоположный берег яростно огрызнулся пулеметным и артиллерийско-минометным огнем.

Неслышно отчалила лодка. Сотни метров водной глади остаются позади. Все ближе правый берег. Вдруг вражеская ракета осветила реку, и вслед за ней в безумной ярости застрочили пулеметы.

— Быстрее! Вперед! — звучит тихий, но твердый голос командира взвода коммуниста Кулакова.

Сквозь стену огня лодка прорывается к берегу. Фашисты пытаются преградить путь дерзким разведчикам — первым храбрецам. Но все напрасно. В нескольких метрах от берега офицер Кулаков прыгает в воду и устремляется вперед. За ним — старшина Буравченков и рядовой Погиба. Метким выстрелом лейтенант свалил гитлеровца, пытавшегося бросить гранату. Старшина обезоружил другого фашиста, приподнявшегося из траншеи. Стремительно налетели три советских богатыря на вражескую траншею и овладели ею, обрушив на врага огонь своих автоматов.

*Старший лейтенант Н. Ивашина,
ефрейтор И. Баранник
2 декабря 1944 г.*

ПИСЬМО НА РОДИНУ

Здравствуйте, мои дорогие — папаша Василий Андреевич, жена Акулина Ефимовна и милые дочурки Маня, Валюша, Зиночка!

Шлю я вам сердечный новогодний привет и самые наилучшие

пожелания! Вот уже четвертый раз я встречаю Новый год в разлуке с вами и теперь — вдали от любимой Родины, на чужой стороне.

Провожая прошедший год, я вспоминаю наши боевые пути и победы. Жестокие были бои. В суровых боях с заклятым врагом прославили мы свое Отечество, восемь благодарностей Верховного Командования за год, как самое дорогое, хранит в своем сердце каждый из нас.

В минуты затишья и в жарких боях я часто вспоминаю вас, дорогие мои. Родные, близкие сердцу картины встают перед глазами: колхозные поля и рощи, село в садах у реки, улица, где под ласковым солнцем играли наши счастливые дети.

Мы строили новую прекрасную жизнь. Коварный враг протянул кровавую лапу к нашему мирному дому. Мы поднялись в гнев и всенародном и вышвырнули фашистскую нечисть с советской земли. Раненый зверь уползает на запад. Дорога привела нас в Венгрию. И здесь мы сражаемся за счастье советской земли, за наше общее счастье, родные мои.

*Ваш Николай Бабайцев
1 января 1945 г.*

От редакции: старший сержант Николай Васильевич Бабайцев на фронте с первых дней войны. За проявленное мужество он награжден орденами Красного Знамени, Красной Звезды, Славы III степени и медалями «За боевые заслуги», «За оборону Сталинграда».

ПРИ СВЕТЕ ГОРЯЩЕЙ СКИРДЫ

Ночью, используя темноту, гитлеровцы предприняли контратаку. Правее слышался шум моторов. Артиллерия противника с закрытых позиций обстреливала наш передний край.

Офицер Хорьков попросил артиллеристов поджечь скирду соломы на пути противника. Заснеженное поле озарилось красноватым светом, и на равнине стали видны фашистские цепи. Противник уже в 30 шагах. И тогда над окопами поднялся офицер Коровин,

— Вперед! — Его голос прозвучал, как набат, как призыв к победе. В гитлеровцев полетели гранаты.

— Ура! Ура-а-а! — прокатилось по равнине. Это наша царица полей пошла в штыки. Лицом к лицу, при свете горящей скирды, в чистом поле столкнулись две силы. Фашистов было больше, но кто может устоять перед русским штыком, перед молодецкой удалью солдата России!

Гитлеровцы дрогнули, смешались и бросились наутек.

Младший лейтенант И. Басов
14 января 1945 г.

ПОЕДИНОК ПУЛЕМЕТЧИКА С ТАНКОМ

Немало подвигов на счету у комсорга подразделения отважного пулеметчика Андрея Бажуры. Однажды, в тяжелом бою, когда гитлеровцы стали насаждать на большую группу наших бойцов, Бажура со своим пулеметом зашел в тыл врага и огнем прикрыв наших пехотинцев.

А недавно немецкие танки пошли в контратаку. Один полз прямо на окоп Бажуры. Пулеметчик стиснул зубы.

Танк был в 150 метрах. Через минуту это расстояние еще сокра-

тилось. Бажура тщательно прицелился. И вдруг свинцовый ливень «максима» рассек воздух и полоснул по башне и смотровым щелям машины. Башня была заклмана. Танк стал. Из него начали выскакивать гитлеровцы. Но новая лента уже была заправлена, и Андрей короткими очередями прижал гитлеровцев к земле. В это время пехотинцы решительно атаковали противника.

В тот же день политработники выпустили и размножили «листок славы», посвященный подвигу Андрея Бажуры.

Младший лейтенант И. Бекинев
4 февраля 1945 г.

НАСТУПЛЕНИЕ — ПУТЬ К ПОБЕДЕ

*(Открытое письмо пехотинцев
офицера Рулева
артиллеристам офицера Уварова
и минометчикам
офицера Макарова)*

Друзья боевые! Через многие славные бои прошли мы с вами плечом к плечу. Освобождали родную свою Украину, громили гитлеровцев на Пруте, а сейчас бьем их в Венгрии. И стоило попросить «огонька», как сотни снарядов и мин обрушивались на головы фрицев. Так в боях росла и крепла наша боевая дружба. Дружба и взаимная выручка явились залогом наших побед.

Вспомним, товарищи, самые тяжелые бои. 12 дней в воздухе не смолкала непрерывная канонада. В этих боях храбрость показали ваши артиллеристы и минометчики. Смело дрались офицер Алексей Мельников, старшие сержанты Ахмед Давлесупов, Михаил Зорин, сержант Василий Гордиенко, младшие сержанты Илья Захарчук, Яков Черниченко, рядовой Федор Котляр.

Товарищ по оружию! Будем и дальше крепить нашу боевую дружбу. В новых боях покажем

новые образцы мужества и умения. Победа не за горами. Дорога к победе — через бой. Наступление — путь к победе. Стремительнее вперед!

*Младший лейтенант С. Ишимов,
сержант А. Перняк,
младший сержант Ф. Сегеда,
красноармеец С. Долбняк
4 февраля 1945 г.*

ПЕХОТА ИДЕТ В АТАКУ

Левый скат высоты немцы старались удержать любой ценой. Бойцы офицера Бусаргина стремительно атаквали гитлеровцев. Пулеметчики Навойчик, Гудзь, Матковский незаметно выдвинулись вперед и свинцовым ливнем обрушились на вражеских автоматчиков. Пользуясь этим, стрелковое отделение Юдина броском достигло вражеского рубежа. В траншеи гитлеровцев полетели гранаты. Ефрейтор Нефедов, красноармейцы Воронцов и Вешко первыми ворвались в траншею, а затем и в блиндаж.

Немецкие орудия продолжали бить, но перенести огонь по нашим бойцам они не успели. С захваченного рубежа бронебойщики Плаксий и Карпов уже брали их на прицел. Грянуло несколько выстрелов бронебоек, и два вражеских орудия были выведены из строя. Пулеметчик Кантемиров со своим расчетом с фланга ударил по немецким автомашинам. Две машины, пробитые пулями, остались стоять на месте.

*Редактор боевого листка
П. Штаркерман
9 апреля 1945 г.*

ГЕРОИЧЕСКАЯ БАТАРЕЯ

В этом бою новой воинской славой покрыли себя артиллеристы офицера Мартыненко. Утром немцы предприняли яростную

танковую контратаку. 26 фашистских танков и самоходных орудий пошли на батарею офицера Синицына.

Все ближе вражеские машины, все ожесточеннее их огонь по нашим позициям. Но тверд в решимости устоять командир огневого взвода офицер коммунист Дорофеев. Рядом — командир орудия коммунист Василий Черевко, его бесстрашный наводчик коммунист Пермяков, заряжающий комсомолец Фролов. Все готово у них. Они ждут сигнала.

Звучит четкая команда, и снаряд полетел в самоходку, за ним — второй. Через минуту самоходка пылала. А в это время расчет, где парторгом Александр Звоненко, подпустив немецкий танк на 300—400 метров, ударил по нему. Точно навел коммунист Брыксин и метким снарядом поджег его.

Натолкнувшись на силу нашего огня, немецкие танки и самоходки вынуждены были отойти обратно.

*Старший лейтенант П. Беляков
13 апреля 1945 г.*

БЕССТРАШНЫЕ САПЕРЫ

Перед саперами подразделения офицера Нестерова была поставлена задача — в короткий срок подготовить переправочные средства для форсирования Дуная.

Мартовская ночь была лунная, и немцы обстреливали наш берег. Но саперы работали слаженно и быстро. Сержант Витер, ефрейтор Сухоярский и рядовой Бабяк нашли материал для плотов. Все трудились не покладая рук и досрочно выполнили задание.

— Грузиться! — послышалась команда.

В числе первых поплыли саперы, соорудившие плоты. Противник встретил смельчаков пулеметными очередями. Но не дрогнули

советские войны. Стрелки завязали перестрелку, а саперы сильнее налегли на весла.

Обеспечив успешную переправу, саперы начали расчищать путь наступающим. Они обнаружили и обезвредили более 200 вражеских мин.

*Сержант Г. Голуб
26 апреля 1945 г.*

ПОД ОГНЕМ

Саперы офицера Дьяченко шли в боевых порядках пехоты. Обезвреживая мины и всевозможные ловушки, они расчищали ей путь.

Под непрерывным вражеским огнем работал сержант Герасименко, за несколько дней боев обезвредивший 1500 мин. По 300 мин сняли и проделали несколько проходов через проволочные заграждения саперы Лапчук и Сиренко. А когда саперам пришлось встретиться с врагом, взвод Дьяченко не дрогнул, вступил в единоборство с большой группой гитлеровцев и одержал победу.

*Лейтенант В. Шекотов
4 февраля 1945 г.*

РУССКАЯ ДЕВУШКА

— Сестра... Сестренка... — стоял боец. Сестра милосердия Клава Тараканова спешила. Надо перевязать. Потом осторожно взяла бойца на плечи и понесла его к перелеску. Вокруг рвались снаряды. Ноги у девушки подкашивались, но бледному лицу ее стекали капельки пота. Но она продолжала идти.

Наконец сестра с раненым добралась до перелеска, передала бойца подоспевшему санитару с повозкой и бегом пустилась обратно на батарею. Расчеты продолжали стрелять. Все были заняты своим делом и не заметили, как от взрыва снаряда загорелся ящик с боеприпасами.

Клава бросилась к горящему ящику. У нее пропал страх. Пригоршнями мокрого песка она начала сбивать пламя, и оно наконец угасло.

Артиллеристы неустанно вели огонь. Снаряды поражали броню немецких танков, воспламеняли их моторы. А когда бой стих, возбужденные артиллеристы увидели своего «доктора» у обгоревшего ящика.

— Ну и Клава, — шутили они, — мы огонь раздуваем, а она тушит.

*Лейтенант И. Гребцов
8 марта 1945 г.*

РОДИНА ШЛЕТ НАМ ПРИВЕТ

В начале 1945 года выступление офицера К. М. Иванчина было передано по Всесоюзному радио. Многие отозвались на пламенные слова сибиряка. Он получил более тысячи писем.

Кто такой Иванчин? Боевой командир. На фронте — с первых дней войны. Его грудь украшают ордена Красного Знамени, Отечественной войны, Красной Звезды, три медали.

Приводим выдержки из трех писем.

«Здравствуйте, дорогой дядя! Примите горячий привет от маленького товарища! Мне 9 лет, зовут меня Гена. Я очень хочу писать письма на фронт дяде, который бьет врагов сильно, как бил их мой папа под Москвой и Сталинградом.

Мой папа погиб за Сталинград. Я прошу Вас, дядя дорогой, отомстите врагам за моего любимого папу!

Напишите мне, из какого оружия Вы стреляете? Я буду учиться на летчика, у меня уже есть пилотский шлем. Гена Рыбальченко. Гор. Прокопьевск».

«Дорогой воин! Вы своими боевыми делами приближаете всеоб-

щее ликование советского народа — праздник победы.

Я, как и тысячи других девушек, уже три года работаю на военном заводе. Моя комсомольская фронтовая бригада выполняет сменное задание на 350—370 процентов.

Давайте, товарищ Иванчин, вы на фронте, а мы в тылу, усилим свою мощь, чтобы ускорить день победы!

С комсомольским приветом Шура Корсуная. Сибирь».

«Когда я услышала по радио Ваш призыв, в моем сердце еще сильнее возросла любовь к нашим воинам. Вами, товарищ Иванчин, героями войны, гордится вся наша страна. Еще сильнее бейте ненавистных врагов! А мы, девушки глубокого тыла, приложим все усилия, чтобы помочь нашей армии своим трудом. Дина Гончарова. Кемеровская область».

27 апреля 1945 г.

ПЕСНЯ О 924-м

От Калинина и Сталинграда
Мы с боями прошли до Днепра.
И солдата встречала, как брата,
Украина — родная сестра.

Припев:

Пусть звенит солдатская
Песня молодецкая,
Пусть во славу крепнет,
выполняя долг,

Орден ордена Хмельницкого,
Александра Невского
Наш стрелковый Кишиневский
полк!

Наше знамя овеяно славой
Грозных, дерзких и смелых атак.
Мы с боями прошли
к Братиславе —
Водрузили над городом стяг.

Припев.

Озарилась солдатские лица.
С громкой славой Победа пришла.
Мы умели за Родину биться,
Мы поем про былые дела.

Припев.

С. Фельдман
1945 г.

ВETERАНЫ В СТРОЮ

6

*Ты же выжил, солдат!
Хоть сто раз умирал.
Хоть друзей хоронил
И хоть насмерть стоял.
Что же ты плачешь, солдат,
У святого огня?
Или сердце горит?
Или раны болят?..*

Маргарита Агашина

*Пока еще в обойме есть патроны,
Покуда бьются старые сердца,
Займите круговую оборону,
Держитесь, ветераны, до конца.*

Михаил Матусовский

ВСТРЕЧИ, ВСТРЕЧИ...

В мае 45-го года, как поется в известной песне, отгремев, закончились бои. Великую радость в сердце каждого человека принесла наша победа над коварным врагом. Часы истории начали отсчитывать мирное время. Руки воинов, за многие годы истосковавшиеся по труду, тянулись к рукоятке токарного станка, рычагу трактора, чертежной доске...

Уже в июне 333 специалиста наиболее важных отраслей промышленности и сельского хозяйства, служивших в нашей дивизии, были демобилизованы. Состоялись торжественные проводы, был дан праздничный обед в честь отъезжающих, поезд отправился из Венгрии, где тогда находилась дивизия, на Родину. Через три месяца еще 2,5 тысячи солдат и офицеров дивизии уезжали на восток. Всюду, особенно в западных районах страны, пострадавших от войны, работы было, что называется, невпроворот.

Шли годы, десятилетия. Страна залечивала раны, появлялись новые города, гидроэлектростанции, создавались огромные промышленные комплексы. Мы, естественно, старели, многие из нас обзавелись внуками. И появилось желание увидеть своих товарищей по грозному 1941 году, по боям и походам от Волги и Днепра до Дуная. Все чаще и чаще каждый из нас задавался вопросом: «Где же вы теперь, друзья-однополчане, боевые спутники мои?»

Первая встреча ветеранов нашей дивизии состоялась 9 мая 1965 года. На ней собрались в основном однополчане-москвичи — 28 человек. Тогда договорились организовать поиск своих боевых друзей, проживающих в самых отдаленных уголках страны. Условились, что следующая встреча состоится 9 мая 1970 года.

За пять лет поисков в списках появились новые фамилии и адреса ветеранов дивизии. В 1970 году на встречу

в Москву прибыло около 100 человек из 22 городов и сел. Воспоминаниям и рассказам, казалось, не было конца. Тогда же был избран совет ветеранов дивизии во главе с генерал-лейтенантом в отставке Георгием Ивановичем Анисимовым. В работе совета принял участие генерал-лейтенант в отставке Виктор Казимирович Урбанович. Многие эпизоды встречи засняты на киноплёнку.

Такие же массовые встречи проводились в Москве в майские дни 1971, 1972, 1973 и 1975 годов. На одной из них побывал Ге-

рой Советского Союза Павел Дмитриевич Свистов. Юбилейная встреча, посвященная 30-летию Победы, собрала в парке речного вокзала в Химках — традиционном месте встреч ветеранов нашей дивизии — более 250 однополчан из 87 населенных пунктов страны. На встречу прибыл и выступил перед собравшимися начальник политуправления Сухопутных войск генерал армии С. П. Васягин. Он, бывший начальник политотдела дивизии, предложил почтить память погибших минутой молчания. Вечером собравшиеся отправились в центр Москвы и возложили цветы на могилу Неизвестного солдата у Кремлевской стены.

Праздник Победы в 1976 и 1982 годах большая группа наших ветеранов встретила в Харькове, за освобождение которого дивизия удостоена почетного наименования «Харьковская» и ордена Красного Знамени. Однополчане побывали на местах бывших боев, на командном пункте командующего Степным фронтом Маршала Советского Союза И. С. Конева, приняли участие в торжественно-траурных митингах у братских могил своих товарищей в Люботине и Пересечной, осмотрели там музеи боевой славы, встретились с рабочими и школьниками.

В августе 1983 года группа наших однополчан побывала на торжествах по случаю 40-летия освобождения Харькова от немецко-фашистских оккупантов. Гостеприимные

С. П. Васягин

харьковчане познакомили нас с достижениями промышленности и сельского хозяйства области.

Незабываемы майские дни 1977 и 1980 годов, проведенные на берегах Днепра. Там, где войны дивизии форсировали могучую украинскую реку, в 60-х годах вырос город Комсомольск — младший брат Комсомольска-на-Амуре. На многочисленных встречах в школах, в техническом училище № 3, на горно-обогатительном комбинате, на городских торжествах, посвященных Дню Победы, выступили генерал-майор в отставке Иван Семенович Фролов, Герой Советского Союза Алексей Иванович Пестерев, Николай Матвеевич Бусаргин, Семен Ильич Хейфец, полный кавалер ордена Славы Евгений Алексеевич Симонов, другие ветераны. Гости и хозяева возложили цветы к мемориалу Боевой Славы, у братских могил. На территории технического училища были высажены привезенные из Сибири саженцы елочек. Питомцы училища познакомили нас с экспонатами музея 252-й дивизии. Состоялась встреча с партийным активом города. Ветераны высказали желание увековечить память погибших героев дивизии в названии улиц Комсомольска.

В конце сентября 1983 года более 70 наших однополчан были гостями Комсомольска. Отмечалось 40-летие со дня форсирования частями нашей дивизии Днепра и освобождения Полтавской области от фашистских захватчиков. Это был яркий праздник на берегах воспетой Гоголем могучей реки. В средней школе № 5 был открыт музей боевой славы нашей дивизии.

В мае 1978 года одна группа ветеранов дивизии побывала на местах жарких боев за город Калинин, другая — в Кировоградской области, где погибли командир полка Герой Советского Союза Юрий Киприанович Глибка и пятнадцатилетний разведчик Анатолий Комар, повторивший подвиг Александра Матросова. Однополчане отдали почести товарищам по оружию.

Неизгладимые впечатления произвели на наших однополчан торжества по случаю 35-й годовщины освобождения Молдавии, состоявшиеся в августе 1979 года. Нас пригласили в город Унгены, в освобождении которого участвовала наша дивизия. Здесь состоялось открытие памятника воинам, павшим при освобождении молдавской земли. Мы побывали в совхозе «Кодры», у пограничников, пионеров и школьников. Привет и добрые пожелания однополчанам прислал Герой Советского Союза Федор Филиппо-

9 Мая 1973 года. Встреча ветеранов дивизии в Москве

вич Шабашов. А 9 мая 1983 года в унгенской школе № 4 в торжественной обстановке был открыт музей боевой славы дивизии.

В августовские дни 1984 года, когда отмечалось 40-летие освобождения города Унгены, мы снова вместе с гостеприимными горожанами побывали на местах боев, возложили цветы к могилам погибших товарищей.

Памятны для всех нас майские дни 1981 года. Встреча состоялась в Москве. На праздник были приглашены представители братских стран — Чехословакии, Венгрии, Монголии, Вьетнама. Собравшиеся минутой молчания почтили память павших в боях за Родину. Друзья из Чехословакии сердечно поблагодарили тех, кто принимал участие в освобождении столицы Словакии — Братиславы. Перед собравшимися выступил полный кавалер ордена Славы Василий Андреевич Исайченков.

И, наконец, 40-я годовщина нашей Великой Победы. Из дорогого нашим сердцам города Комсомольска в 450 адресов полетели приглашения горкома партии и горисполкома. На торжества по случаю юбилея Победы в Комсомольск приехало 140 однополчан. Мы побывали в школах, техникумах, техническом училище, на горно-обо-

гайтельном комбинате, в других организациях города. В средней школе № 6 мы присутствовали на торжественной пионерской линейке по случаю присвоения пионерской дружине имени 252-й стрелковой дивизии, на открытии музея боевой славы дивизии. Ветеранам войны и труда Комсомольска был вручен знак «Почетный ветеран 252-й стрелковой дивизии».

Встречи однополчан еще больше цементируют дружбу, рожденную в суровое время. Они обогащают каждого из нас, дают заряд бодрости.

Но они обогащают и тех, с кем мы встречаемся. Уроки мужества в школах. Вручение в торжественной обстановке комсомольских билетов и паспортов, поздравление будущих строителей коммунизма с совершеннолетием. Просто беседы «о времени и о себе», как сказал бы Маяковский... Это — незримая, но полезная работа участников минувшей войны, делающих все возможное, чтобы война больше никогда не повторилась.

И. Гребцов, А. Годовых, И. Анисимов

ДОРОГИЕ МОИ ЗЕМЛЯКИ

Передо мной лежат анкеты моих однополчан-земляков. За каждой из них — человек, его неповторимая жизнь, его судьба. Просматриваю анкету за анкетой, и в памяти оживает год 1973-й.

Именно тогда, в конце зимы, небольшая группа однополчан, проживающих в Перми, начала поиск своих товарищей по дивизии. Большую помощь нам в этом деле оказали областная и районные газеты, опубликовавшие заметку «Отзовитесь, ветераны!». В ней мы указали адрес, по которому ветераны 252-й дивизии могли бы обратиться к нам. Примерно в это же время местное телевидение подготовило специальную передачу.

И к нам начали поступать письма.

Вот, например, что писал мне тогда Аликин из Карагайского района: «Шестого февраля 1973 года я смотрел телевизионную передачу «Ветераны сталинградской победы». Она меня взволновала. Сразу же после передачи я сел за стол и стал писать вам это письмо. Нахлынули воспоминания, и я не мог уснуть до утра. А дело в том, что я участвовал в боях под Сталинградом в составе 252-й дивизии. Там был ранен. И вот мои однополчане обращаются ко мне: отзовись! Да, я готов немедленно ехать на на-

шу встречу. Она намечается на 6 мая, и я обязательно приеду».

6 мая 1973 года уже значительно пополнившаяся группа однополчан встретила в Перми, был избран областной совет ветеранов дивизии, а 7 мая 12 человек из 30 собравшихся выехали в Москву. День Победы мы провели в кругу своих товарищей по оружию. Сколько было неожиданных встреч! Сколько воспоминаний! Это была наша первая встреча с однополчанами, проживающими в других районах страны. Незабываемый день! Он останется в нашей памяти навсегда.

А между тем ряды наши пополнялись. Все мы включились в военно-патриотическую работу. В школах, в училищах мы рассказывали о тех, кому не суждено было вернуться с полей войны. Их имена теперь известны многим. Назовем их. Это — Сергей Зайцев, Василий Ашихмин, Иван Лебедев, Михаил Корягин, Григорий Загородских, Дмитрий Потапов... Все они навсегда останутся в нашей памяти, в памяти уральцев, в памяти всего советского народа.

Рассказывали мы и о тех, кто призывался в армию в нашей области и кому посчастливилось вернуться в родные края.

Вот имена девяти однополчан: Николай Иванович Мерзляков из Оханского района, Василий Петрович Беляев из Юсьвинского района, Аркадий Анисимович Гончаров из Перми, Федор Петрович Губин из Добрянского района, Александр Иванович Овчинников из Кунгурского района, Марк Потапович Путин из Верещагино, Мухамет-Кашиф Гайсович Балтаев из Бардымского района, Николай Александрович Боросан из Кунгура и уже названный мною Иван Яковлевич Аликин из Карагайского района. Почему их имена поставлены в один ряд? Что их роднит и объединяет?

Прежде всего то, что все они 1923 года рождения. Все они до службы в нашей дивизии были курсантами, почти все, влившись в дивизию, становятся командирами пулеметных расчетов. Овчинников и Боросан — минометных расчетов.

Роднит их и дальнейшая судьба. Все девять наших товарищей в боях под Сталинградом получили ранения.

В первом же бою у балки Грачевой был ранен помощник командира пулеметного взвода 924-го стрелкового полка сержант Гончаров. Товарищи посчитали его мертвым,

А. А. Гончаров

и командование сообщило родителям о том, что их сын пал смертью храбрых.

Но Гончаров остался жив. Кто-то из медицинских работников полка уловил еле ощутимое биение пульса пулеметчика, оказал ему первую помощь. Гончаров очнулся в госпитале. А когда понял, что будет жить, продиктовал письмо домой. Пришел ответ, немало озадачивший его. «Наш сын Аркадий, — писала мать, — погиб в бою, мы получили на него похоронку. Велико наше горе, поэтому просим так не шутить...»

Долго не верили родители в воскресение сына из мертвых. Окончательно по-

верили лишь тогда, когда Аркадий, получив краткосрочный отпуск, появился на пороге отчего дома.

Потом фронтовые дороги, учеба на курсах младших лейтенантов Московского военного округа, служба в рядах Советской Армии на различных должностях, начиная с командира взвода. Аркадий Анисимович Гончаров позже стал начальником политотдела Пермского областного военного комиссариата. На кителе офицера — два ордена Красной Звезды и орден Славы III степени.

Таким же солдатским орденом отмечен подвиг Мерзлякова. После излечения в госпитале он был направлен в другую часть, стал артиллеристом, в бою подбил немецкий танк. Мерзляков вернулся в родной совхоз «Прикамский», где в предвоенные годы работал трактористом.

Орденами Красного Знамени и Красной Звезды, другими боевыми наградами отмечены подвиги пулеметчика Губина. В одном из писем он, рабочий человек, делился со мной своими сокровенными мыслями: «Нам, солдатам, минувшую войну, бои, походы не забыть никогда. Но пусть все это останется только с нами, пусть это никогда не коснется наших детей».

Пулеметчик Беляев после ранения под Сталинградом получил еще две «отметины» и всякий раз возвращался в строй. Ему довелось ходить в тыл врага за «языком». Награжден орденом Красной Звезды и двумя медалями «За отвагу». Вернувшись на родину, стал техником-лесоводом.

Минометчик Боросан после войны становится нефтяником. К его боевым наградам прибавилась медаль «За трудовую доблесть». Не покинул поле боя раненый в руку минометчик Овчинников, вернувшийся после войны к мирному труду. Так же на родину возвращается Балтаев. Несмотря на инвалидность, он идет работать. Пулеметчики Путин и Аликин, уволенные в запас после ранения в Грачевой балке, нашли свое место в строю. Первый стал железнодорожником, второй — работником органов МВД. Все они отмечены наградами Родины.

Клавдия Ивановна Зыкова в нашу дивизию была зачислена летом 1942 года. Боевой путь дивизии — это и путь мужественной женщины, отмеченной боевыми наградами. Она была медицинской сестрой. Многие войны обязаны ей жизнью. Вернувшись в Пермь, Клавдия Ивановна работает в школе, становится заслуженным учителем школы РСФСР.

В годы войны Петр Сергеевич Медведев успешно обеспечивал связью полки, одним из первых среди связистов ступил на правый берег Днепра. Сейчас П. С. Медведев на пенсии, но ведет большую общественную работу.

Орденом Славы III степени и медалью «За отвагу» отмечен ратный путь артиллериста Накня Нуревича Юсупова из Бардымского района. В своем письме, отвечая на вопросы, он заметил: «Особых подвигов не совершил...» Ему приходилось участвовать в рукопашном бою. Однажды он возглавил роту, когда в ней не осталось ни одного офицера. А четыре ранения за войну! Нет, Накня Нуревич явно поскромничал в своем письме. После войны он работал главным бухгалтером в родном колхозе.

Судьба Егора Дмитриевича Шляпникова из села Грызаны Ординского района в чем-то схожа с судьбой Гончарова. Он был ранен в боях под Сталинградом. В дни, когда страна отмечала победу на Волге, в семью Шляпниковых пришла весть о том, что Егор Дмитриевич пропал без вести.

А Егор был тяжело ранен, контужен и чудом уцелел. Уже из госпиталя, через месяц после получения в семье страшной вести, он смог наконец сообщить, что остался

жив. Вернулся Егор Дмитриевич инвалидом, но сразу же пошел работать в колхоз. Вместе с женой Анастасией Семеновной вырастили они и вывели в люди троих сыновей.

Семье Елизара Паршакова также довелось оплакивать сына. А он, младший лейтенант, командир стрелкового взвода, чудом остался жив. Товарищи посчитали его погибшим, и похоронка опередила письмо самого Елизара из госпиталя. Лечиться пришлось долго, кончилась война, и только в августе 1945 года Елизар Федорович вернулся домой.

Вот как он описывает свое возвращение в одном из писем: «От станции шел пешком и в своей деревушке очутился ночью. Вокруг тишина. Подхожу к дому. Ворота покоились. По всему видно, что матери без нас, мужиков, было трудно. Стучу. Мать, видимо, уже задремала на печи. Потом слышу голос: «Кто там?» — «Это я, мама», — отвечаю... Нужно ли говорить, сколько радости, сколько слез было. А через два дня домой вернулся отец».

Кавалер ордена Красной Звезды Елизар Федорович Паршаков многие годы работал кузнецом.

Виктор Иванович Мамаев из Перми был поваром в дивизии. А перед этим с автоматом в руках ходил в атаку, получил ранение и контузию.

Самый старший среди нас — Никита Алексеевич Трубин из Осинского района. Там он до войны работал зоотехником по пчеловодству. Окопную жизнь познал еще в годы первой мировой войны. После Великого Октября защищал молодую Советскую республику. И вот судьба вновь призвала старого солдата в строй. Никита Алексеевич после ранения становится начальником дивизионных мастерских по пошиву солдатской одежды.

И в заключение несколько слов о военно-патриотической работе ветеранов-пермяков. Они, как поется в песне, не стареют душой. Многие охотно выступают перед молодежью на заводах, в колхозах и институтах. Их рассказы воскрешают боевые подвиги товарищей, отдавших свои жизни за Родину. Ветераны оказали большую помощь в создании комнат боевой славы нашей дивизии в городах области.

А. Польшгалов

Сперва немного статистики. В сентябре 1942 года на фронт отправились 205 курсантов Военно-морской медицинской академии (ВММА). Среди нас было: членов и кандидатов в члены партии — 9, комсомольцев — 185; русских — 133, евреев — 39, украинцев — 24, армян — 3, белорус, осетин, крымчак, татарин, карел и мордвин.

Вернулось 112 человек, из них 99 — снова в ВММА. Установлено, что погибли на фронте 44 человека. Судьба остальных осталась пока невыясненной; большинство из них, скорее всего, тоже погибли.

Оставшиеся в живых курсанты Сталинградского курса ВММА (под таким названием наш курс вошел в историю академии) дали стране министра здравоохранения СССР, 14 профессоров и докторов наук, 18 кандидатов медицинских наук. А если бы весь курс окончил академию? А сколько таких курсов полегло на необозримых полях войны?

Мог быть крупным ученым Николай Загорский, в числе немногих курсантов выпущенный из учебного батальона дивизии сразу командиром роты. Этот крепко сбитый, светловолосый, жизнерадостный ленинградец в труднейшую минуту ночного боя на подступах к хутору Платонов, когда 3-й батальон 932-го полка, попавший под перекрестный огонь противника, лишился руководства, крикнул:

— Товарищи бойцы! Ни шагу назад! Командование батальоном беру на себя!

Через несколько дней в бою за Вертячий он поднимал в атаку уставших бойцов твердым приказом, добрым словом, подначивающей усмешкой. Рота взяла свой рубеж, а Николай Загорский остался лежать на мерзлой земле.

Наверняка достойное место в послевоенной жизни занял бы Петр Барко, крестьянский парень. Перед отправкой на фронт он заболел. Сестра ввела его в госпитальную палату. Минуту спустя вошла санитарка:

— А моя дочка сказала, что ваш курс сегодня уезжает.

Барко, ни слова не говоря, схватил свою одежду и выбежал из палаты. Его пытались поймать — куда там! Уверен: если бы Барко тогда знал, что он будет убит, он все равно схватил бы свои вещи и помчался на курс, чтобы быть вместе с товарищами, воевать вместе...

А Георгий Даннлочкин! Высокий, стройный, атлетиче-

ски сложенный, мастер спорта, обладатель хорошего певческого голоса, — он погиб на Курской дуге.

В числе передовых был и Федя Огнев, маленький, худенький парнишка, ставший лихим разведчиком. Он был награжден двумя медалями «За боевые заслуги» и орденом Красной Звезды. Тяжелое ранение оборвало его жизнь.

Чувство братской дружбы и фронтового товарищества, рожденное в донских степях и поддерживаемое до сих пор, хорошо выразил наш однокурсник, минометчик в боях под Сталинградом, а сейчас преподаватель гражданской обороны в Ленинградском мединституте, Павел Гандельман:

И пока буду жив, каждый будущий день безвозвратный
Я надеюсь быть с теми, кто мной обретен и любим,
И ходить в должниках, и платить по долгам аккуратно
Доброй памятью мертвым и доброю дружбой живым.

В тяжелом бою за хутор Верхне-Бузиновка Николай Баньковский, стремясь подавить вражескую огневую точку, прижавшую нашу пехоту к земле, бросился во главе своего отделения вперед, но фашистская пуля ударила в грудь. Несколько часов пролежал он на морозе, пока не появился однокурсник Сергей Филатов (ныне полковник медицинской службы запаса) и не отвез на салазках в медсанбат будущего доктора медицинских наук, профессора, главного уролога ВМФ.

Там же, под Верхне-Бузиновкой, командир батальона 928-го полка вызвал комвзвода Платона Климова:

— Пойдете по открытой местности напрямик на огневые точки. Отвлекающий маневр. Остальные проберутся по оврагу.

— Есть, — спокойно ответил Климов, хотя понял, что шансов уцелеть мало...

Климова ранило. Он упал в воронку от снаряда, и тут же к нему пополз однокашник Лев Трубников (теперь врач-терапевт в Ленинграде). Климова вытащили из зоны огня.

После демобилизации он стал работать в Институте физиологии имени И. П. Павлова АН СССР. Необычайное упорство и целеустремленность, влюбленность в дело вывели его в первую шеренгу физиологов страны. Он — автор более 100 опубликованных работ. Академик А. П. Александров, вручая Климову диплом о присуждении премии, заметил:

— Крепкое рукопожатие у физиолога.

Да, твердо шел по жизни бывший командир взвода, ныне профессор, почетный член ряда иностранных медицинских обществ Платон Константинович Климов...

Дмитрий Зуихин в бою за хутор Вертячий командовал взводом минометчиков, мстил за павшего друга Василия Бугаенкова. Внезапно большой черно-оранжевый «куст» вырос перед глазами. Когда очнулся, увидел, что его несут на носилках. В полевом госпитале на двенадцатый день он уже стоял у перевязочного стола, помогал хирургу и смотрел, смотрел, словно предчувствовал, что это пригодится ему. Тридцать три года служил Дмитрий Зуихин в плавсоставе врачом, начальником медслужбы. Ни одного дня в научном учреждении. Но тем не менее, в 1970 году защитил кандидатскую диссертацию, а завершил свою флотскую службу в 1980 году успешной защитой докторской диссертации.

Кафедру физического воспитания Московского автомеханического института возглавляет доцент Валентин Степанович Поляков. Мирная профессия. Но за плечами его — долгий боевой путь. Перед войной окончил институт физкультуры имени Лесгафта, стал мастером спорта по фехтованию, был чемпионом страны по военно-прикладному двоеборью. Свое мастерство он проявил в полной мере в боях с белофиннами — добровольно вступил в особый, состоявший из студентов-лесгафтовцев и спортсменов Ленинграда, отряд лыжников-разведчиков глубокого тыла. Медаль «За боевые заслуги» ему вручал в Кремле Михаил Иванович Калинин.

Под Сталинградом Валентин Поляков командовал взводом в разведроты. Однажды в районе Пяти курганов добыл «языка». Настроение было приподнятое. Но при возвращении, уже возле своих окопов, его внезапно обстрелял снайпер. Поляков сразу же упал на спину и потерял сознание. Восемь врачей дивизионного медсанбата Зайцева своевременно прооперировали его. И вот, всем смертям назло, Валентин Поляков выжил и ныне полон бодрости и оптимизма...

Иннокентий Всеволодович Шастиш. Представительный мужчина с очень доброй, обаятельной улыбкой. А я вспоминаю: учбат дивизии занимал оборону в районе «девяяти танков». К вечеру послышался лязг вражеских машин — очередная попытка немцев прорвать нашу оборону. Станислав Полозун, старшина роты учбата, подбил из ПТР передний танк. Артиллеристы, среди которых был наш Ва-

Силь Панченко, подбили еще несколько машин. Автоматчики соскочили с брони и бросились в атаку. У ручного пулемета лежали двое: Шастин и Василий Козлов (ныне профессор, заведующий кафедрой анатомии и физиологии человека Брянского педагогического института). И именно в этот момент у Шастина заел дегтяревский пулемет — полетел упор.

Мороз был зверем, что над всеми властен,
И прилипала к стали кожа рук,
Но рукавицы бросил наземь Шастин
И пулемет чинил, заглохший вдруг.

Немецкой пехоте до наших окопов оставалось метров двадцать, но снова заработал пулемет, и враг не прошел.

Шастин был ранен 27 января 1943 года. Пуля прошла рядом с сердцем. Хорошо, что рядом оказались друзья-однокурсники Козлов и Полозун. Они перевязали рану, и Козлов потащил Шастина волоком в медсанбат...

Семейная традиция привела Шастина в ВММА. Его отец, военный врач, погиб в 1924 году при разработке новой вакцины. Династия врачей Шастиных работала в Монголии. Сам Иннокентий Всеволодович после ВММА стал терапевтом. Год провел в Антарктиде. Ныне он — главный терапевт Центрального военного госпиталя, заместитель главного терапевта ВС СССР, профессор, генерал-майор медслужбы.

По всей нашей необъятной стране разъехались курсанты-сталинградцы.

В Ленинграде в Военно-медицинской академии имени С. М. Кирова возглавляют кафедры профессора генерал-майор медслужбы Валентин Лисовский и полковник медслужбы Лев Поляков. Александр Ермаков — доцент одной из кафедр. Заведует кафедрой в одном из вузов города на Неве профессор Всеволод Рудаков; гигиенические проблемы решает профессор Петр Яговой; преподает в мединституте Юрий Лейкин; работает в клинике глазных болезней института усовершенствования врачей Борис Могутин.

Вениамин Клебанов работает во Владивостоке, Иван Якушев — в Бресте, Михаил Столбов — в Сочи, Михаил Штерензон — в Волгограде, Виктор Шершаков — в Юрмале. Петр Гребцов, ходивший под Сталинградом к немцам парламентаром, трудится в Курске; Василий Панченко, первым в арtpолку удостоенный ордена Славы, — в Чернигове. А в Москве работает врачом-урологом Рубен Айропетян...

В африканских странах трудились терапевт Иван Никитин и детский хирург Евгений Филиппов, в Женеве — Лев Васильев.

Сталинградский курс дал стране министра здравоохранения СССР. Сергей Буренков в первые дни наступления под Сталинградом командовал отделением бронесбойщиков. 23 ноября был контужен, но быстро вернулся в строй, стал санинструктором. Его умелые, решительные и хладнокровные действия оценило командование, он был награжден медалью «За отвагу».

Вернувшись в академию, отлично занимался, командовал взводом. Окончил ВММА, но нелегкие фронтовые дни отозвались на здоровье, и вскоре он демобилизовался. Работал ординатором, затем главврачом больницы в Разливе под Ленинградом. Был председателем Сестрорецкого райисполкома, затем первым секретарем райкома партии. Следующая ступень — заведующий Ленинградским горздравотделом. Сочетал эту работу с клинико-теоретической, защитил кандидатскую диссертацию. В 1971 году — первый заместитель министра здравоохранения. С декабря 1980 года по декабрь 1986 года заслуженный врач РСФСР Сергей Петрович Буренков был министром здравоохранения СССР.

Годы быстро летят. Мы уже перевалили шестидесятилетний рубеж.

Увы, в наших рядах смерть пробилла невосполнимые бреши. Рано ушел из жизни заведующий кафедрой судебной медицины Иван Скопин. Нет уже профессора Миронова. Инфаркт скосил Станислава Полозуна. Тяжелым ударом для Сталинградского курса явилась смерть Николая Баньковского. Он так хорошо держался, что друзья недоумевали: неужели он, профессор, не догадывается, чем болен. Теперь-то совершенно точно знаем, что он сознательно вводил нас в заблуждение. Он показал нам, как могут умирать настоящие бойцы...

В мае 1980 года Лев Хомкин писал мне из Зеленограда: «...Я тут немного прихворнул, получил инвалидность II группы...» Юмор не покидал Лева никогда, даже в трагические минуты. «Немного прихворнул» оказалось операцией по удалению опухоли головного мозга. Держался Хомкин хорошо. Оптимизма не терял. Но в апреле 1981 года — резкое ухудшение, и еще одна потеря в наших рядах.

Невыносимо тяжелы утраты, но жизнь идет вперед со

всеми своими радостями и бедами, успехами и ошибками. Снова цитирую однокашника Павла Гандельмана:

Нет, мы не безгрешны, и нас на стезе повертело.
Мудрим на распутьях, мельчим иногда второпях.
А сделано в жизни едва ли не главное дело
Не в суетных буднях, а там — в сталинградских степях.

— Я не более как соломинка в снопе по сравнению со всем Сталинградским курсом, — сказал наш однокурсник врач Петр Федоров. — А курс наш — не более чем соломинка, брошенная в полыхавший костер войны. Однако эта соломинка поддерживала пламя и не давала гаснуть народному костру, который светил четыре года и привел к победе...

Я смотрю на курсовую фотографию, сделанную перед отправкой на фронт, и вспоминаю слова доцента Максимиюка:

— Это те мальчишки, которых послали спасти человечество.

Мы горды, что относимся к военному поколению, вынесшему на своих плечах невыразимые тяготы, спасшему страну от порабощения, отстроившему заново наше Отечество.

А. Соколовский

ВАСИЛЬ БЫКОВ — ВОИН И ПИСАТЕЛЬ

На братской могиле возле деревни Большая Северинка под Кировоградом стоит обелиск. В длинном списке фамилий погибших значится и имя Василя Быкова. А он выжил, хотя был тяжело ранен.

...Семнадцатилетним он добровольно уходит в армию. В 1943 году, после окончания Саратовского артиллерийского училища, Быков воевал на 2-м Украинском фронте, был командиром взвода противотанковых орудий. В начале января 1944 года в бою под Кировоградом тяжело ранен.

После излечения, в апреле 1944 года, Быков прибыл в нашу дивизию и был назначен на должность командира взвода противотанковой батареи 924-го полка. лейтенант Быков участвовал в боях по освобождению Советской Молдавии, Румынии и Венгрии.

23 августа, в ходе Яско-Кишиневской операции, противник оказал сильное сопротивление его полку, наступавшему в южном направлении вдоль берега реки Прут.

Боевые порядки стрелкового батальона капитана Савченко, которому был придан взвод противотанковых орудий лейтенанта Быкова, атаковала вражеская пехота, поддержанная сильным огнем артиллерии и минометов. Около трех часов шел напряженный бой. Гитлеровцы несколько раз ходили в психическую атаку, но это им не помогло. Расчеты орудий Быкова, ведя огонь прямой наводкой, посылали снаряд за снарядом в цепи фашистов, заставляя их откатываться назад. Измотав противника, подразделения полка утром 24 августа перешли в наступление...

В. В. Быков

На рассвете следующего дня гитлеровское командование бросило в бой несколько танков. На участке стрелкового батальона, который поддерживал артогнем лейтенант Быков, появились три вражеские машины. Быков подал команду «огонь». Два снаряда разорвались рядом с передним танком, но тот продолжал двигаться. Грянул третий выстрел — и немецкая машина остановилась. Другие вражеские танки стали обходить горящую машину, ведя на ходу огонь по нашим орудиям.

Осколками вражеского снаряда было повреждено орудие, убит его командир сержант Лукьянченко, ранены наводчик и заряжающий. В эту трудную минуту к орудию стал Быков. Через канал ствола он навел орудие, затем зарядил и выстрелил в приближающийся танк противника. Фашистская машина развернулась на одной гусенице и остановилась...

Противотанковая батарея полка понесла значительные потери в личном составе и боевой технике, поэтому лейтенант Быков был назначен командиром взвода роты автоматчиков этого же полка. Не раз ему приходилось со своим взводом ходить в атаку и отбивать контратаки про-

тивника. В конце ноября Быков возвратился на свою прежнюю должность.

На территории Венгрии противник бросил в бой большое количество танков и атаковал боевые порядки нашей дивизии. В этих ожесточенных боях Быков вновь проявил мужество и стойкость. Отражая танковую атаку противника, он был тяжело ранен и эвакуирован в госпиталь. После излечения, с марта до конца войны, Быков служил в 10-й истребительно-противотанковой бригаде 26-й армии. Войну закончил в Австрии.

После увольнения из армии Быков около двух лет работал в редакции газеты «Гродненская правда». Затем снова служил в Советской Армии — в Дальневосточном военном округе, на Сахалине и Курильских островах. В 1955 году майор Быков был уволен в запас и всецело посвятил себя литературной деятельности.

В настоящее время Василь Быков — видный советский писатель и кинодраматург. Лучшие его повести «Журавлиный крик», «Третья ракета», «Альпийская баллада», «Дожить до рассвета», «Обелиск», «Западня», «Сотников», «Волчья стая», «Знак беды», «Карьер» и другие получили признание миллионов читателей как в нашей стране, так и за рубежом.

Василь Быков — Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и Государственных премий СССР и БССР. Он ведет большую общественную работу. Не забывает и своих фронтовых товарищей. В дни встреч ветеранов нашей дивизии мы получаем от него добрые слова приветия.

А. Пилипенко

ПАМЯТЬ

Недавно я летел в Москву по делам службы. Рядом со мной оказалась женщина моих лет с военными наградами, которые говорили о ее фронтовых дорогах. По всему было видно, что летит она на встречу с однополчанами-ветеранами, а может, пригласили просто друзья-подружки, и сейчас она вся погружена в свои мечты, и мысли совсем в другом времени, времени нашей прекрасной юности. Пусть было тяжело, невыносимо трудно, но юность все-таки была прекрасной, ибо она выстояла, выдюжила, вынесла все ужасы невиданной войны, неслыханных страданий

и, чести своей не замарав, защитила Родину, спасла мир от фашизма.

Где воевала эта женщина? Кем была на войне? Медсестрой или связисткой? Зенитчицей или разведчицей? Может, со мной рядом шла по истерзанной земле милой Украины? Перевязывала раны на том пятачке, на той пяди «Прощай, Родина», что лежит на берегу Днепра?

И вспомнились мои друзья, живые и мертвые, вспомнилась наша родная славная 252-я, вспомнилась наша дивизионная газета «Боевая красноармейская». Перед моим мысленным взором возникли образы ее редактора, нашего старшего друга Дмитрия Ивановича Моговилова, который пришел в армию с Урала из газеты «Уральский рабочий», его заместителя Сергея Алексеевича Тельканова, ставшего впоследствии видным советским поэтом, ответственного секретаря газеты трудолюбивейшего Наума Николаевича Ивашины. Вспомнил я и своего, в буквальном смысле, одноклассника, однокотелочника — ныне крупного советского писателя Василя Быкова.

Что ж, друзья-однополчане, все-таки все мы люди счастливые оттого, что, как сказал поэт, посетили сей мир в его минуты роковые и достойно пронесли имя свое через поле жизни.

Обо всем, что довелось нам испытать на ратном поле, поведаем без утайки временам грядущим. Бесценный опыт каждой воинской части, вытекающая из огненной памяти живых на страницы незабвенных Историй воинских подразделений, должен остаться в памяти потомков как священный завет, незыблемый и вечный.

Поэму «Через Днепр» посвящаю своим однополчанам.

Д. Н. Кугультинов

Сентябрьская полночь черна и глуха.
 Сентябрьская полночь так странно тиха —
 Ни звука вокруг. Далеко до утра...
 Уткнулась война в левый берег Днепра.
 Он наш, этот берег, а правый — чужой.
 И черные всплески меж ними — межой.
 И кажется, нет и в помине войны —
 Такой безмятежный покой тишины!
 Не этой ли ночи дремотный покой
 В «Полтаве» воспет был волшебной строкой?!
 Не этой ли ночи волнующий миг
 У Гоголя в сердце, как песня, возник?!
 Сентябрьская полночь тиха и черна.
 Но лжива, но лжива ее тишина!..
 Я весь ожиданье. Я знаю, вот-вот
 Деманов с бойцами в разведку уйдет.
 Лежу неподвижно, как будто уснул,
 А мышцы танцуют под кожей скул.
 И в ночь я гляжу — даже больно глазам:
 «Когда же?! Когда же? Уж лучше б я сам...
 Мне было б спокойнее — мне не впервой...»
 Но выпало им рисковать головой...
 «Когда же?!» Вдруг всплеск, как с размаху веслом...
 «Они?..» — «Нет, — мне шепчет сосед, — это сом...
 Играет, каналья... Вот это уха!..»
 И снова днепровская полночь тиха.
 И снова днепровскую полночь сверлят
 К воде устремленные взгляды солдат.
 Внезапно ударил прожектор луны
 По черному скату пологой волны.
 И мы увидали: скользят по волне
 Две лодки Деманова к той стороне.
 И мы ощутили, как та сторона
 Опять напряглась тишиной, что струна.
 О, тишь перед взрывом!.. Я знаю ее!
 Она, будто алой стрелы острие,
 Увидалась мне — там, на карте штабной,
 Она замахнулась над той стороной!
 И сам я частичка той алой стрелы,
 Что утром внезапно ударит из мглы,
 Когда, выполняя задание свое,
 Деманов возникнет началом ее!

А где же Деманов? Луна, помоги!
Закутайся в тучу, пусть в мире ни зги,
Укрой маскхалатом ночной пелены,
Чтоб лодкам добраться до той стороны!
Не знаю, услышала ль это луна,
Но ветер как будто воспрянул от сна
И тучи, согнав их свистящим крылом,
Немыми полками повел над Днепром.
Метнулся прожектор луны и погас —
Как будто бы небо услышало нас!
Нахлынувшим ветром дыша тяжело,
Родное, оно нам на помощь пришло!
И — темень, хоть выколи глаз!.. Только вой
Волны, что вдруг стала в Днепре штормовой!
И каждый из нас, сколько было вокруг,
Подумал: «Вот-вот... Вот начало...» И вдруг
Вдоль левого берега, раскалена,
Громово разверзла уста тишина.
И сразу на правом земля — ходуном,
И вдребезги небо, и Днепр — вверх дном!
Всю ночь между двух берегов до утра
Басило ревающее горло Днепра!
И тучи нахмуренно шли напролом,
И тропы в траншеях вязались узлом,
И в каждом окопчике, в каждом из нас
Стучало: скорей бы, скорей бы приказ!
Чтобы мигом оставить пригретый песок
И мимо вопроса: «Ты ранен, браток?» —
Махнуть в три шага — к жизни или к беде,
Но только вперед, только к черной воде!
Вода клокотала, седела вода.
С землею гранитная Келеберда
Сровнялась, и в груди дымящей земли
Село Куцеволовка тлело вдали.
И вдруг: «Приготовиться!..» — вмиг по шнуру
Огнем побежала команда к Днепру!
И встал я!.. И вмиг оказалась у ног
Вода, и внезапно коснулась сапог,
И руки ожгла ледяным серебром...
Я перед броском умываюсь Днепром!
Как воду целебную, пью не напьюсь
И мысленно этой водою клянусь
Добраться, дорваться, настигнуть врага
И снова Днепра породнить берега!

Скорее!.. Тот берег уже недалек...
«Доплыть бы!» — тревожно стучится в висок.
Мучительно трудно тревогу мне скрыть —
Неужто туда не смогу я доплыть?
«Нет, врешь!.. Доплыву!..» — закричать я хочу,
Хочу закричать, но плыву и молчу.
Молчу, стиснув зубы, молчу, сжав приклад,
Молчу, устремив к тому берегу взгляд.
И каждую рядом кипящую пядь
Стремлюсь подсознательно в память вобрать!
Мне, может быть, кажется — я никогда
Не видел, чтоб вдруг заалела вода.
Она показалась мне алой такой,
Как будто плыву я по крови людской...
Минута прошла, или год, или час?
Торопят ракеты Деманова нас.
«Скорее!..» — взвиваясь, кричат впереди...
И тут над рекой раздалось: «Выходи-и...»
И тотчас волна — широка, высока,
Как будто бы сделала выход река, —
Застыла и стала дорогой сплошной...
И — вот он, тот берег, уже подо мной!..
...Дымится костер, как домашний очаг,
Лежит тишина у меня на плечах.
За хворостом сделал два шага едва,
Гляжу: в стороне, у куста, — голова...
Лежит... То ли смех, то ли плач на губах...
И волосы рыжие выбелил страх...
А рядом обрубок в зеленом сукне...
И — честно! — на миг стало жаль его мне.
Но только на миг! Потому что вокруг
Дымилась земля... Догорал Кременчуг...
Там в красной кирпичной пыли на крыльце
Лежала убитая, с мукой в лице,
Малышка... На плечиках мамина шаль...
И стало вдруг страшно, что стало мне жаль
Надменного рыжего, в гибельный миг
Понявшего: ужас расплаты настиг!
Тут прямо из кустика сделал прыжок
Смешной лягушонок. И замер у ног.
Он выпучил глазки на зелень сукна,
Как будто подумал: откуда она?
Он тоже был зелен, но только пной!
Зеленостью, схожей с извечной весной!

И мысль полетела в простор мой степной,
И Волга плеснула мне в душу волной,
И — море тюльпанов, и — ржанье коней...
«Чем дальше от Волги, тем ближе я к ней!..»
Вот солнце в Днепре расплеснулось. И вот
Еще один день наступленья встает,
Чтоб снова без усталы ночью и днем
Громить чужеземцев! На запад идем!
...Теперь вспоминаю строкою стиха:
«Сентябрьская полночь так странно тиха...»

Давид Кугультинов

Перевели с калмыцкого
Д. Долинский и В. Стрелков

ПОЭТ ТЕЛЬКАНОВ

Впервые со стихами лейтенанта Сергея Тельканова я познакомился в дни сражений под Сталинградом. Они печатались в нашей дивизионной газете «Боевая красноармейская». На меня, «грешившего» стихами, они производили хорошее впечатление, а написанное, видимо, по горячим следам стихотворение «Лейтенант Кладовщиков» быстро запомнилось, и я нередко по памяти читал его своим друзьям-связистам.

Вскоре в «дивизионке» одно за другим появились два моих стихотворения, а весной 1943 года меня неожиданно вызвали в редакцию и попросили показать новые стихи. Читал их сам Сергей Алексеевич Тельканов. Он же отобрал пять-шесть стихотворений, и через несколько дней целая страница газеты вышла под заголовком «Стихи сержанта Гребцова».

В начале 1944 года меня переводят в редакцию на должность литсотрудника, и Сергей Алексеевич становится для меня, начинающего журналиста, наставником. Это наставничество продолжалось заочно и после того, как в конце весны того же года вся наша редакция не без грусти проводила Тельканова на новое место работы — во фронтовую газету «Суворовский натиск». И теперь чуть ли не с карандашом в руках вчитывался я в глубокие по содержанию и оригинальные по форме очерки и статьи моего учителя, публикуемые в большой газете.

Потом, уже в шестидесятых годах, в течение семи лет мы общались с Сергеем Алексеевичем в Хабаровске. После войны подполковник Тельканов остается верен «Суво-

С. А. Тельканов

Девятнадцатилетний Сергей Тельканов — разъездной корреспондент свердловской областной комсомольской газеты «На смену». «Куда меня пятилетка забросит по зову момента, узнаете по заметкам «От нашего корреспондента», — писал он в те годы.

Почти с первых дней войны Сергей Алексеевич — в Красной Армии, на фронте. Вот его поэтическое свидетельство:

Было десять атак на участке полка.
Уцелело лишь трое из нашего взвода.
Пахнет дымом строка, пахнет кровью строка, —
Это запах стихов сорок первого года.

За плечами Тельканова — дороги через границы семи государств. Пройдя пол-Европы, он войну закончил на Тихом океане, в легендарном Порт-Артуре. Путь солдата и поэта отмечен четырьмя орденами и многими медалями.

В 1961 году, в день пятидесятилетия Сергея Алексеевича, его фронтовой командующий Маршал Советского Союза Р. Я. Малиновский, в то время министр обороны СССР, наградил Тельканова именными золотыми часами. Приказ об этом награждении зачитывался в ротях и батареях.

Умер Тельканов в 1974 году.

Поэт оставил нам полтора десятка книг, среди которых его фронтовой дневник «Семь границ». Песня на слова

ровскому натиску» — газете Дальневосточного военного округа. Он становится членом Союза писателей СССР, бессменным членом редколлегии журнала «Дальний Восток», в котором вел раздел поэзии. Его стихи печатались в московских газетах и журналах, в Воениздате вышел сборник «Костры походные». Это был признанный советский поэт...

...А начинался поэт Тельканов на Урале. Родился в Пермской области в 1911 году. Первые стихи были опубликованы в 1925 году в пионерской газете «Будь готов».

Тельканова «Идут солдаты ротами» поется и ныне. В Воен-издате вышел сборник стихов Сергея Тельканова «Багульник». Поэт-воин остается в строю.

И. Гребцов.

ХУДОЖНИК КАЛИНКИН

В День Победы 9 мая 1981 года мы, ветераны 252-й стрелковой дивизии, собрались в Москве на встречу.

В выступлениях участников встречи были высказаны теплые поздравления и добрые пожелания всем ветеранам войны. И вдруг ведущий называет мою фамилию. Выхожу из-за стола к микрофону. Здесь, в этот торжественный день, мне был вручен портрет отца — генерала Георгия Ивановича Анисимова, бывшего командира дивизии. Оказывается, однополчанин, майор запаса Алексей Андреевич Калинин, специально к этому дню написал маслом портрет. Так из его рук я получил дорогой для всей нашей семьи подарок.

...Детство и юность Алексея Калинкина прошли на Рязанщине. Природа среднерусской полосы, с тихими светлыми водами Оки, задумчивыми озерами и широкими заливными лугами, веселыми березовыми перелесками, уже тогда очаровала мальчика своей неброской красотой. У него появилось желание рисовать.

В 1938 году шестнадцатилетний юноша поступает в Рязанское художественное училище. Но Великая Отечественная война прерывает его занятия живописью. Находясь на фронте, Алексей Калинин в перерывах между боями делает зарисовки, наброски, рисует карандашом и акварелью портреты своих боевых товарищей.

5 мая 1945 года в бою под городом Брно в Чехословакии Калинин был тяжело ранен. Его подобрала и отправили в полевой госпиталь солдаты санитарной роты другой дивизии. Вслед за Алексеем Андреевичем был послан солдат с его личными вещами, в том числе и фронтовыми рисунками. Но солдат не нашел Калинкина...

После окончания войны Алексей Андреевич служит в рядах Советской Армии. Все эти годы, где бы он ни находился, Калинин продолжает заниматься живописью, отдавая ей все свое свободное время. Он участвует в создании и оформлении музеев боевой славы частей и соединений, пишет портреты сослуживцев.

После увольнения в запас в 1960 году он снова поступает в Рязанское художественное училище. Его дипломная работа «Возложение венков на братские могилы советских воинов в Трептов-парке города Берлина» получает отличную оценку.

Алексей Андреевич решает продолжить эту тему в своем творчестве и работает над созданием памятников героическим защитникам нашей Родины. По проекту Калининкина в 1967 году был построен обелиск-памятник 206 его односельчанам — жителям села Половское, погибшим на войне.

После встречи с однополчанами в 1976 году Алексей Андреевич начинает работать над созданием портретной галереи воинов нашей дивизии — Героев Советского Союза, командиров и своих боевых товарищей. С тех пор им написаны портреты генерал-лейтенанта Г. И. Анисимова, генерал-майора И. С. Фролова, Героев Советского Союза Г. Г. Деманова и А. И. Пестерева, полных кавалеров ордена Славы В. А. Исайченкова и Е. А. Симонова, писателя В. В. Быкова, ветеранов дивизии А. К. Годовых, П. Ф. Смирных, И. А. Бруханского, И. В. Кузякова, А. И. Инамова, М. Е. Мантулина, П. С. Медведева и других.

Наш дивизионный художник Алексей Андреевич Калинин, отмеченный тремя орденами и многими медалями, полон творческой энергии и новых интересных замыслов. Он задумал написать картину «Марш ветеранов 252-й стрелковой дивизии 9 мая в городе Комсомольске».

Больших творческих успехов тебе, воин и художник!

И. Анисимов

МАТЕРИНСКИЙ ПОКЛОН

— Ты уж постарайся, напиши, куда надо, — попросила меня Екатерина Ивановна. — Хоть бы место знать... Буду здорова, съезжу к нему на могилку.

Это была просьба человека, который в 1943 году потерял сына — Александра, а еще через год мужа — Семёна Сергеевича. Мог ли я остаться безучастным?

Встреча и беседа, о которой я пишу, состоялась осенью 1974 года. Екатерина Ивановна Кузнецова приехала из Вологды в Грязовец к сестре. Та, видимо, сообщила ей о моих поисках погибших на войне земляков. Мы встретились.

Екатерина Ивановна познакомила меня с письмом командира Козлова и его заместителя по политчасти Иванчина. Офицеры сообщали, что ее сын Александр Семенович Кузнецов за мужество, проявленное в боях под Сталинградом и Харьковом, был награжден орденом Красного Знамени и медалью «За отвагу».

Далее в письме говорилось: «29 сентября 1943 года лейтенант Кузнецов со своим подразделением первым вышел к реке Днепр, разведкал переправу, помог форсировать этот водный рубеж нашим десантникам. Выполняя ответственное задание командования, он 15 октября пал смертью героя. Выражая глубокое соболезнование по поводу гибели Вашего сына, офицеры, сержанты и солдаты обещают Вам отомстить за Александра Семеновича в грядущих боях с врагом, воспитывать воинов на примере боевых подвигов лейтенанта Кузнецова».

Официального извещения о гибели сына у матери не оказалось. Екатерина Ивановна утратила этот документ. Восстановить его можно было только в Архангельске, по месту призыва Кузнецова в армию. На мой запрос ответил облвоенком Рогов. Он выслал копию фронтового извещения, в котором говорилось, что командир взвода отдельного саперного батальона 252-й дивизии лейтенант Кузнецов Александр Семенович «похоронен в Кременчугском районе Полтавской области, в Восиках, на северной окраине».

Из Кременчугского райисполкома, куда я обратился в первую очередь, пришел неутешительный ответ: населенного пункта Восики на территории района нет. В письме из райисполкома высказывалось предположение о том, что, возможно, при переписке искажено название селения, упоминалось несколько сел, сходных по названию, но расположенных в других районах. К сожалению, и в этих районах поиски были бесплодными.

Да, установить место захоронения лейтенанта Кузнецова оказалось не так просто, как мне представилось вначале. Куда я только не писал, к кому не обращался! Сейчас у меня хранится дело с материалами этого поиска на 111 листах. На запросы получал разные ответы: одни с сочувствием и пониманием отнеслись к просьбе, хотя и сами ничего утешительного сообщить не могли, давали какие-то советы, указывали новые адреса, другие попросту отписывались: населенного пункта Восики в нашем районе нет, третьи...

Полтора года преследовали меня неудачи. Не стану их описывать. Скажу лишь, что после обмена еще несколькими письмами с Полтавским областным и Кременчугским городским военными комиссариатами я неожиданно получил уведомление от секретаря Полтавского облисполкома Фомичева. Он писал, что, по архивным данным, хутор Восяки расположен в Кременчугском уезде Полтавской губернии. В связи с новым строительством в 1957—1958 годах он был снесен, а перезахоронение останков воинов произведено в братскую могилу. Она находится в центре города Комсомольск, у кинотеатра «Юность».

Нужно ли говорить, что я немедленно написал письмо в Комсомольск. Да, такое перезахоронение в год начала строительства города на Днестре состоялось, останки Кузнецова покоятся в братской могиле. Об этом я сообщил матери героя — Екатерине Ивановне. Позднее получил из Комсомольска фотоснимок братской могилы. На одном из свежих венков, возложенных к подножию памятника воинам, можно было прочитать: «Дорогому сыну Кузнецову А. С. от матери Кузнецовой Е. И.»

Побывал и я в Комсомольске. Пригласили меня ветераны 252-й дивизии и учащиеся технического училища № 3 города на Днестре. Сердце учащенно забилось, когда я увидел на мраморном обелиске золотые буквы: «Лейтенант А. С. Кузнецов». Там, на Днестре, ветераны дивизии назвали меня — восьмидесятилетнего железнодорожника, награжденного орденом Ленина, — почетным ветераном дивизии. Мне был вручен знак ветерана.

Горжусь и тем, что отныне комсомольская организация Грязовецкой средней школы носит имя своего выпускника 1937 года Александра Кузнецова.

С. Образцов

МЕДАЛЬ «ЗА ОТВАГУ» № 292665

В Пересечной, что в 12 километрах от Харькова, на площади имени маршала Конева стоит памятник воинам 252-й Харьковской Краснознаменной и 299-й Харьковской стрелковых дивизий, погибшим при освобождении поселка. На гранитном постаменте застыли фигуры солдата в шинели и девочки с букетом цветов в руках, бережно склонившей их к братской могиле.

Мои товарищи по 252-й молча стояли у памятника, к которому в День Победы были принесены все выращенные

в округе цветы. Наше внимание привлек укрепленный на постаменте небольшой металлический венок, в центре которого написано: «Дорогому Велигуре Михаилу Петровичу — от жены и детей».

— Поговорите с Татьяной Константиновной Желтой, — посоветовал сосед, видимо, местный житель. — Работала она учительницей, а сейчас заведует нашим историческим музеем.

Рассказ Татьяны Константиновны взволновал, и позднее я по памяти записал его.

...Во дворе Пересечанской средней школы ученики пятых и шестых классов разбивали площадку для спортивных игр. Им потребовалось вырыть яму. Работа спорилась, и вдруг лопата наткнулась на металлический предмет.

Пионеры помнили предупреждение своей учительницы — быть осторожными при раскопках, металлический предмет может оказаться и миной, и гранатой. Но это было что-то очень маленькое. Счистили налипшую землю, и в руках одного из школьников блеснула медаль.

Да, это была медаль «За отвагу». Очищенная от земли, промытая, она поведала нашедшим ее ребятам свою главную тайну — номер. На оборотной ее стороне вполне четко значилось — 292665.

— Вот теперь, друзья мои, мы попытаемся узнать, кому она принадлежала, — сказала Татьяна Константиновна. — Сегодня же напишем письмо в Министерство обороны, в наградной отдел, там и установят.

Через два месяца был получен ответ, в котором сообщалось, что медалью «За отвагу» с порядковым номером 292665 был награжден сапер старший сержант Велигура Михаил Петрович. В письме назывался год рождения владельца медали — 1905-й, его домашний адрес.

Теперь уже сами ребята предложили написать письмо по указанному адресу. Это больше всего порадовало Татьяну Константиновну.

Письмо сочиняли все вместе. Обращаясь к родственникам погибшего солдата, ребята просили их отозваться. Они сообщали также, что 20 августа, до которого оставался месяц, исполняется 35 лет со дня освобождения их поселка от гитлеровцев, что они полны желания воздать должное погибшему в боях за Родину саперу Михаилу Петровичу Велигуре.

Через полмесяца, не получив ответа и каким-то особым чутьем угадав, что письмо не доставлено адресату,

пионеры решили обратиться в райисполком и попросить депутатов местного Совета помочь им отыскать родственников погибшего воина.

Вскоре в адрес пионеров Пересечанской школы поступила телеграмма. Жена Михаила Петровича — Анастасия Васильевна Велигура — сердечно благодарила ребят, учительницу и сообщала, что она, близкие погибшего выезжают в Харьков. В этот день на календаре значилось 16 августа. До 35-й годовщины освобождения поселка оставалось четыре дня.

Первыми приехали два внука солдата с семьями. Прилетели Анастасия Васильевна, два ее сына и две дочери. Тоже с семьями. Вслед за ними прибыли племянницы сапера и их мужья.

Нет, такого в Пересечной еще не было! Поклониться праху солдата, погибшего 35 лет назад, солдату, о котором в семье хранится казенная бумага «пропал без вести», приехали 18 его родственников. Не верили они, не могли верить, что человек может пропасть без вести. Еще сравнительно недавно продолжали они писать во все концы, стучаться во все двери. Они просили добрых людей отыскать место гибели мужа и отца.

Приступая к описанию главного, я больше всего боюсь громких слов. После того что было сказано, а вернее, сделано каждым в отдельности и всеми Велигурами вместе во имя памяти — трудно подобрать достойные слова. Но я постараюсь.

Горе и радость — не совместимы. Нет в живых человека. Сапера. Солдата. Храброго солдата. Годы — а их прокатилось тридцать пять — не снимают горечь утраты. Но надо было видеть пионеров, видеть их учительницу в минуты встречи с родственниками погибшего! Вот когда и горечь утраты, и — да простится мне это слово — радость встречи были вместе.

В поселке только и разговоров — о Велигуре. О его жене, детях, внуках, правнуке. Что будет дальше? Прошел слух, что сын сапера Николай Михайлович Велигура нашел на месте захоронения металлическую зажигалку, которую смастерил своими руками и положил в карман уходящего на призывной пункт отца.

Не знаю, учительнице ли пришла эта мысль, пионерам ли, а может, жителям Пересечной, только решили с почестями перезахоронить останки солдата в братскую могилу.

19 августа. Воскресенье. 12 часов. В Доме культуры, в фойе, на самом видном месте установлена урна с останками старшего сержанта Велигуры, погибшего в такой же августовский день 1943 года. Население поселка словно бы удвоилось. Жители соседних сел и деревень, никем не уведомленные, никем не позванные, пришли на центральную площадь, к памятнику. Молча они прошли возле урны, установленной в Доме культуры.

А в это время перед памятником выстроилось воинское подразделение. В строю стояли парни, по возрасту своему — внуки и даже правнуки погибшего, парни, для которых дело погибшего — их родное дело.

Я не стану описывать дальнейшее. Нет таких слов, которыми можно было бы передать чувства и мысли всех собравшихся на площади, когда из дверей Дома культуры была вынесена урна, высоко поднятая над согбенными спинами, когда поплыла щемящая сердце музыка и были сказаны положенные в таких случаях слова, когда рядом с памятником земле были вновь преданы останки воина Великой Отечественной и грянул залп...

...И вот — металлический венок. «Дорогому Велигуре Михаилу Петровичу — от жены и детей». Я читаю эти строки и мысленно вижу уже немолодую женщину, живущую в станице Динской Краснодарского края, ее двух сыновей и двух дочерей, продолжающих дело отца на этой благодатной земле, ее внуков, берущих разбег в жизни, и маленького еще правнука. Прав поэт: будут внуки потом — все опять повторится сначала.

И здесь мне хочется воздать должное Татьяне Константиновне Желтовой, ее лучшим друзьям — красным следопытам. Сама она выросла в Пересечной. В школе, что находится у памятника погибшим воинам, училась, а с 1947 года работала учительницей. Она — первый председатель совета красных следопытов этой школы. Ныне ее дело в руках дочери — Ольги Валентиновны Желтовой. За прошедшие десятки лет имена более 500 воинов, перезахороненных из многих могил окрестных поселений Пересечной в братскую могилу, были установлены красными следопытами школы. И среди них немало таких, о которых в семьях только слова — «пропал без вести».

Я побывал в музее поселка. До 1975 года это была комната боевой славы сначала в школе, потом в Доме культуры. Когда же с документами и экспонатами комнаты познакомился Маршал Советского Союза И. С. Конев, чей

наблюдательный пункт в период боев за Харьков был на высоте подле Пересечной, он сказал Желтовой:

— Для такого материала в поселке должен быть настоящий музей.

В 1975 году такой музей открылся. Значит, о Велигуре Михаиле Петровиче, сотнях других воинов, павших в боях за Советскую Родину, будут знать наши дети, внуки, правнуки...

И. Гребцов

МЕМОРИАЛ НАШЕГО СЕЛА

В нашем Соколовском сельском историко-краеведческом музее много места уделено 252-й дивизии. Однако, прежде чем рассказать о музее села, вернемся к далекому 1944 году.

...Советская Армия в те весенние мартовские дни принесла нашей Подолии освобождение от трехлетнего фашистского ига. За эти годы я и мои односельчане пережили столько, что этого хватило бы нам на всю оставшуюся жизнь.

А вскоре после освобождения наше село выставило более тысячи человек для пополнения рядов Советской Армии. Среди новобранцев-соколовчан был и я.

Припоминается прощание с родными, слезы и наказания. И наша походная колонна, выстроившаяся на окраине села, начала свой нелегкий путь к фронту. Фашисты, оставляя на полях сражений разбитую технику, откатывались все дальше и дальше на запад.

— Будем, товарищи бойцы, продвигаться вперед и обучаться военному делу, — обратился к нам в этот же день командир сводного батальона капитан Кузнецов.

Время мы зря не теряли. Ежедневно добрых двадцать километров — в походе. И не просто шли, а каждая группа под руководством наших же односельчан занималась строевой подготовкой. А на привалах, на отдыхе знакомились со стрелковым оружием, учились бросать гранаты, слушали беседы о внутренней и внешней политике нашей партии, о положении на фронтах.

За плечами осталась родная Винницкая область. Наш батальон вступил на молдавскую землю. А когда миновали город Бельцы, всех тех, кто ранее служил в армии, кто умел обращаться с оружием, выстроили отдельно. Они бы-

ли переданы в маршевые роты и направлены в части, которые сражались на фронте.

Нас осталось 210 человек. Еще пылит дорога за нашей колонной, село сменяется новым селом, долина — долиной. Военные занятия на ходу — днем и ночью. Так мы 20 апреля прибыли в расположение 252-й стрелковой дивизии.

Дело было вечером. Опускались сумерки. Нас построили. Все были пока в своей домашней одежде и обуви.

Началось распределение прибывших по полкам и ротам. Я в числе десяти человек был направлен в роту связи 932-го полка, к капитану Шкире. Полк, рота связи стали для меня родными до расформирования части.

...А теперь вернусь к рассказу о сельском музее. Ему я посвятил всю свою жизнь.

Разместился он в четырех комнатах. Экспонаты повествуют об истории края, о нашем селе, о колхозе имени Владимира Ильича Ленина. Широко здесь показаны боевые действия нашей славной дивизии. С особой любовью мы стремились рассказать о жителях нашего села — колхозниках, рабочих сахарного завода, школьниках, которые в 44-м году влились в ряды нашей родной армии, храбро сражались с врагом.

Посетители музея — дети и внуки бывших бойцов — убеждаются, что все соколовчане честно и добросовестно выполнили свой священный долг. Они внесли достойный вклад в дело борьбы народа с лютым врагом, приближали, как могли, День Победы.

Из материалов музея посетители узнают и о том, каких успехов добился наш колхоз, Соколовский сахарный завод, как преобразилось наше село за сорок с лишним лет мирной жизни.

Всегда чисто и торжественно в сквере Славы, где захоронены останки защитников и освободителей. А рядом еще один памятник, на котором выбиты фамилии и имена соколовчан, павших на фронтах Великой Отечественной войны.

Их — 449.

Многие из них сражались с врагом в составе нашей 252-й.

В. Стодольский

Эту удивительную историю услышал я от сотрудника одного из подмосковных музеев.

...В музей пришли женщины. Они с нескрываемым любопытством знакомились с предметами народного рукоделия, удивлялись мастерству далеких предков, оживленно спорили об извечных зигзагах моды.

Потом перешли в зал 1941 года. В глубочайшей тишине осматривали они знамена, боевые ордена и медали, оружие и другие экспонаты военной поры, среди которых почему-то было вышитое полотенце.

Вдруг от группы отделилась женщина, бросилась к полотенцу и... разрыдалась. Ее обступили подруги.

— Валя, что с тобой?

А Валя, вытирая мокрым платком катившиеся по щекам слезы, не в силах была совладать с нахлынувшим вдруг волнением. Чем были вызваны эти слезы? Может, она вспомнила кого-то из близких, погибших под Москвой в тот грозный год?

Женщина, которую подруги называли Валей, склонилась над полотенцем, указывая на что-то. И бесхитростные слова, вышитые нитками, пояснили многое: «Дорогой товарищ, умывайся, утирайся и домой с победой возвращайся. Валя Громова».

Так вот что взволновало их подругу! Память перенесла ее к тем временам, когда она девчонкой вышила эти незатейливые слова на полотенце и в посылочке отправила на фронт «самому храброму солдату».

А мне припомнилась история далекой военной поры.

...Наша дивизия, прорвав оборону противника в районе Клетской, что северо-западнее Сталинграда, в бескрайних донских степях сжимала кольцо вокруг армии Паулюса. Ноябрь 42-го сменился более холодным декабрем. Немцы цеплялись за каждый населенный пункт. Затем, выбитые из него, они отходили к другому хутору, и мы снова на много дней оказывались в продуваемой всеми ветрами степи. Хлеб, вспоминается, долбили штыком. В котелке с супом плавали льдинки. Ночью спали прямо на снегу, укрывшись с головой плащ-накидкой.

В один из декабрьских дней в нашу роту принесли посылки. Их было много.

Обладателем одной такой посылочки был и я. Развернул ее. Выпало письмецо. «Дорогой сынок, — читал я не-

ровные строчки, выведенные, видимо, старческой рукой, — посылаю тебе теплые варежки и носки...». Женщина сообщала, что работает она в колхозе, что ее сын погиб в 1941 году, а мне она желала остаться невредимым и победить супостата. Обратного адреса не было. Подписалась эта добрая женщина простым русским именем — Марья.

Давно уже нет тех носков и варежек, связанных руками заботливой Марьи, но память об их тепле в продуваемой колючими ветрами бескрайней степи сохранится до последних моих дней.

Полотенце, о котором я рассказал в начале этих заметок, было найдено в декабре 1941 года на подступах к Калинин в вещевом мешке, видимо, погибшего солдата. Мне, ветерану 252-й дивизии, почему-то подумалось, что этим солдатом мог быть воин нашей части. У меня, естественно, нет никаких доказательств. Разве только то, что в этих местах в декабре 41-го шли в бой полки нашей дивизии, освобождавшие город Калинин.

Но не будем уточнять эту деталь. Важно, видимо, другое.

Мы, солдаты войны сороковых-роковых, и по сей день находимся в неоплатном долгу перед теми, кто, недосыпая ночей, недоедая, выбиваясь из последних сил, стоял у станков, варил сталь, водил поезда, строил заводы, выращивал хлеб, а потом — в свободные минуты — вышивал полотенце, вязал варежки и носки, шил теплое белье для солдат. А потом... Потом посылали все это с коротеньким письмецом (на большое сил не хватало) на фронт.

И. Гребцов

ГОРДИМСЯ ОТЦОМ И ДЕДОМ

Передо мной письма. Их много, фронтовых писем отца, Николая Александровича Онькова — более 200. Среди них есть короткие, содержащие всего несколько слов: «жив, здоров, продолжаю громить врага». Есть письма на нескольких страницах, написанные в перерывах между боями, в часы отдыха.

Письма сохранила моя мама, учительница. Когда отец вернулся домой, он увидел в шкафу связку писем, бережно завернутую в бумагу и перевязанную лентой. Узнав, что это его письма, удивился: зачем их хранить? Мама ответила, что это не просто письма одного из многих участников войны, а сама история. Пройдет время, добавила мама, и

фронтовые письма найдут свое место в музеях боевой славы.

Отец не дожил до 30-летия Победы, умер в декабре 1974 года. Я помню, как мечтал поехать на этот праздник в Москву, встретиться с однополчанами. Воспоминания о своих боевых товарищах, о боевом пути дивизии были самыми дорогими для него. Он часто рассказывал об этом.

Вместо отца на встречу ветеранов 252-й дивизии 9 мая 1975 года поехала я, его дочь. Встретилась со многими товарищами и друзьями отца, его бывшим начальником Николаем Сергеевичем Стоговым, узнала многое о работе отца в органах контрразведки.

Товарищам отца я рассказала, как в морозный мартовский день 1942 года мы с мамой провожали его в армию. Жили мы тогда в Пермской области. Рассказала и о полученных в годы войны отцовских письмах.

Вот одно из первых фронтовых писем: «Живем в землянках, по ночам бывает холодно, но приходится мириться. Работы много, работаем день и ночь, привыкаю к фронтовой жизни».

«Бои, бои... Вот уже 16 дней находимся в боях. Письма почтальоны приносят прямо на передовую. Я был ранен в левую щеку ниже глаза, но с поля боя не ушел». А через некоторое время отец писал: «Меня наградили орденом Красной Звезды. Буду так громить врага, чтобы скорее вернуться к вам».

А это письмо было адресовано мне: «...Вся наша страна собирает деньги на постройку танков и самолетов. Ты возьми 100 рублей у мамы и внеси их на создание военной техники. Проведи эту работу среди учеников школы. Будь застрельщиком этого дела, чтобы все ученики следовали твоему примеру. Это нужно Родине. Учись на отлично, слушайся маму, помогай ей». Я выполнила просьбу отца, каждый год с отличными оценками переходила из класса в класс.

«Шлю привет из Сталинграда, который сегодня стал нашим. Встретились с воинами других частей. Безмерно рады, что поставленную задачу выполнили».

А вот письма из Белгородской, Харьковской и Полтавской областей. Отец радуется, что Харьков снова наш, что они приближаются к Днепру. «И снова упорные бои. Вчера держали один рубеж на острове. Реку Днепр уже форсировали. Немцы хотели окружить нас, применив хитрость, но их номер не прошел...»

В одном письме он сообщает, что получил повышение по должности, в другом — поздравляет маму в день ее рождения, просит не жалеть ничего из его вещей, обменивать их на продукты питания, в третьем поздравляет меня с успешным окончанием учебного года, а вскоре сообщает, что его наградили орденом Отечественной войны.

«Поздравляю тебя и дочь с великой победой над врагом, — писал он в мае 1945 года. — Народ Чехословакии с восторгом встречает нас. Сегодня встретились с американскими солдатами и офицерами».

Из армии в Пермскую область отец вернулся в 1946 году. Вплоть до выхода на пенсию он, как и прежде, работал в торговой организации. Дело свое любил. Запомнилось мне на всю жизнь, что он никогда не вступал в сделку со своей совестью.

Вместе со своим сыном, названным в честь деда, вновь перечитываю письма отца. Они воскрешают его фронтовую жизнь, думы и мысли, мечты. Мы гордимся отцом и дедом, членом партии с 1929 года, участником Великой Отечественной войны. Мы будем хранить его письма, его ордена и медали. Мне хочется, чтобы мой сын в главном был похож на своего деда.

Л. Онькова

УЧУСЬ У ОТЦА

Отца своего — Героя Советского Союза Георгия Георгиевича Деманова — я не видел. Родился, когда его уже не было в живых. Благодарен маме, что назвала меня в честь отца и деда Георгием.

От мамы я узнал, что дед мой Георгий Павлович Деманов был георгиевским кавалером. Рассказала мне мама и о том, как отец в трудное для страны время добровольцем ушел на фронт, был командиром стрелкового взвода. В числе первых ступил на правый берег Днепра, был ранен, но поле боя сразу не покинул. Стал Героем Советского Союза, о чем узнал он буквально перед смертью.

Как самые дорогие реликвии, хранятся в нашей семье фронтовые письма отца к матери. И когда возникают трудности, когда надо принимать ответственное решение, я обращаюсь к письмам отца. Они для меня — источник сил и бодрости. В такие минуты я словно бы советуюсь с отцом, спрашиваю его: как поступил бы он?

Г. Г. Деманов

И вот в 1964 году я решил стать военным. Рассуждал так: профессий много, все они, конечно, хороши, но есть одна профессия, которую в грозное для страны время предпочел отец. Эта профессия, рассуждал я словами отца, имеет особое назначение. Военный человек призван защищать нашу многонациональную Родину. И пока есть враждебные силы, которые могут в любое время проверить нашу прочность, я — сын героя — должен стоять на страже интересов того дела, за которое сражался и отдал свою жизнь отец. И я стал профессиональным военным. Окончив училище, получил офицерское звание.

Рядом со мной подрастают мои сыновья — Руслан и Георгий. Постараюсь воспитать их в духе славных традиций нашей фамилии и буду очень доволен, если они пойдут по стопам отца, деда и прадеда. Им есть с кого брать пример. Таким примером для них является не только боевая слава их деда и прадеда. Их прадед в годы коллективизации одним из первых вступил в колхоз, славно трудился там в годы Великой Отечественной войны, за что был награжден. Их дед в те далекие годы был комсомольцем, работал в колхозе, потом в МТС трактористом, механиком, мастером, активно участвовал в рационализаторской работе, конструировал механизмы, приборы. В свободное от работы время вместе с моей матерью он участвовал в художественной самодеятельности, был руководителем струнного оркестра агитбригады «Синяя блуза». Сам изготавливал музыкальные инструменты.

Знают мои дети и то, что после госпиталя их дед не сидел дома сложа руки. Он не мог не работать в то трудное для страны время. Однако тяжелые раны дали о себе знать, и врачи оказались бессильны.

Рассказываю я своим сыновьям и об однополчанах их

деда. Мне часто приходится бывать на встречах ветеранов дивизии, в которой воевал отец. Это — незабываемые встречи. Здесь я воочию увидел, что фронтовая солдатская, дружба крепче стали.

Особенно запомнилась мне встреча ветеранов в городе Комсомольск. Отсюда в далеком 1943 году дивизия форсировала Днепр. Там, на правом берегу реки, был ранен отец. Город вырос в послевоенное время. В нем живут молодые люди. Отрадно видеть трогательное внимание жителей к тем, кто сражался у Днепра в годы войны, кто приехал поклониться могилам боевых друзей.

Мне от своего имени, от имени своих детей хочется поблагодарить ветеранов дивизии за память об отце, за добрые отношения к нам.

Г. Деманов

ПРИСЯГА

Присяга,
Присяга,
Присяга —
Святое солдатское слово!..
Мне шелест багряного стяга
Сегодня слышался снова.
Я вижу наш полк на поляне
Осенней военной порою.
А где-то далеко в тумане
Моторы над селами воют.
А где-то снаряды кромсают
Холмы, перелески, овраги...
А я перед строем читаю
Горячие строки Присяги.
Стою перед строем и вижу
Не только солдатские взоры —
Ко мне придвигаются ближе
Отчизны родные просторы.
Ее города и селенья,
И шири бескрайние пашен,
И рек полноводных течение —
Все милое, светлое, наше!..
Все это со мною, все рядом...
В руке моей — сталь автомата,
И сделать мне многое надо,
Чтоб выполнить клятву солдата.

Мне надо в степях сталинградских
Суровой зимою бурной
Не раз и не два по-солдатски
Пройти сквозь огонь ураганный.
Мне надобно, в громе и гуле,
В лощине, окутанной дымом,
Укрыться от снайперской пули,
Уйти от нее невредимым.
Вставать на пристрелянном поле,
Вгрызаться в промерзлую землю...
Солдата высокую долю
Я честно и твердо приемлю.
И я не один перед строем —
Нас тысячи, нас миллионы...
В поля, обожженные боем,
Шагают полки, батальоны...
Одним — уходить за Карпаты,
Другим — пробиваться к рейхстагу...
...Я вижу: сегодня солдаты,
Как мы, принимают Присягу.
Кровинкою каждой и нервом,
Всей жизнью они присягают,
И так же, как нас в сорок первом,
Их взоры Отчизны ласкают.
Торжественны юные лица,
И в сердце — пламя отваги.
В солдатские жилы струится
Великая сила Присяги.
Мне шелест багряного стяга
Сегодня слышался снова...
Присяга,
Присяга,
Присяга —
Святое солдатское слово!

Сергей Тельканов

Айзенберг Михаил Львович род. в 1912 г. в Винницкой области. В дивизии с августа по октябрь 1942 г. Был командиром пулеметной роты 928-го полка. Выбыл по ранению. Награжден орденом и многими медалями. После войны работал в штабе гражданской обороны. Умер в 1983 г.

Анисимов Георгий Иванович. См. с. 84.

Анисимов Игорь Георгиевич род. в 1925 г. в Бобруйске. В дивизии с июня по сентябрь 1943 г. Был командиром огневого взвода 787-го артиллерийского полка. Выбыл по ранению и контузии. Награжден двумя орденами и многими медалями. После войны работал архитектором в Институте генерального плана Москвы. Член Союза архитекторов СССР. Сейчас на пенсии, инвалид войны. Живет в Москве.

Беляев Ефим Израильевич род. в 1907 г. в Могилеве. В дивизии с 1941 по 1945 г. Был фотографом штаба. Награжден орденом и многими медалями. После войны работал в Научно-исследовательском институте санитарного просвещения Минздрава СССР. Умер в 1982 г.

Берновский Евгений Андреевич род. в 1911 г. в Симферополе. В дивизии с 1944 по 1945 г. Был командиром минометной роты 928-го полка. Награжден орденом и многими медалями. После войны работал директором школы в Харьковской области. Умер в 1977 г.

Бодялова (Бодял) Екатерина Константиновна род. в 1927 г. в Кировоградской области. В дивизии с декабря 1943 по 1945 г. Была связисткой 928-го полка. Награждена орденом и многими медалями. После войны работала в колхозе, в других организациях

и на предприятии. Сейчас на пенсии. Живет в Кировограде.

Бородавка Данил Родионович род. в 1915 г. в Киевской области. В дивизии с 1943 г. Был командиром батареи 787-го арtpолка, а с 1945 г. — заместителем редактора газеты «Боевая красноармейская». Награжден четырьмя орденами, многими медалями. После войны — на партийной работе. Сейчас на пенсии. Живет в Полтавской области.

Ведмидский Николай Максимо-вич род. в 1924 г. в Черниговской области. В дивизии с февраля по август 1943 г. Был помощником командира взвода. Выбыл по ранению. Награжден орденом, многими медалями. После войны служил в армии. Ныне инженер-конструктор. Живет в г. Нежин Черниговской области.

Годовых Андрей Кондратьевич род. в 1916 г. в Курганской области. В дивизии с 1942 по 1945 г. Был командиром санвзвода 924-го полка, старшим фельдшером 176-й отдельной роты связи, начальником эвакуотделения 270-го медсанбата. Награжден четырьмя орденами и многими медалями. После увольнения в запас — на счетно-бухгалтерской работе. Сейчас пенсионер. Живет в Москве.

Голубовский Леонид Иванович род. в 1919 г. в Киевской области. В дивизии с 1944 по 1945 г. Был командиром батальона 928-го и 932-го полков. Награжден пятью орденами и многими медалями. После увольнения из армии работал в разных организациях. Сейчас пенсионер. Живет в Харькове.

Гребцов Игорь Григорьевич род. в 1923 г. в Красноярском крае. В дивизии с 1942 по 1945 г. Был командиром отделения 176-й отдельной роты связи, литсотруд-

ником газеты «Боевая красноармейская». Награжден четырьмя орденами и многими медалями. В послевоенный период — журналист. Член Союза журналистов СССР. Автор четырех сборников стихов. Работает в аппарате ЦК КПСС.

Деманов Георгий Георгиевич род. в 1944 г. в Горьковской области. Окончил военное радиотехническое училище. Служит в Московском военном округе в войсках ПВО.

Драбкин Семен Иосифович род. в 1914 г. в Туле. В дивизии с 1942 по 1943 г. Был инструктором политотдела. Награжден пятью орденами и многими медалями. После войны работает начальником лаборатории в научно-исследовательском институте. Живет в Москве.

Зайцев Иван Михайлович род. в 1891 г. в Москве. В дивизии с 1942 по 1943 г. Был заместителем командира дивизии по строевой части. Выбыл по ранению. Награжден пятью орденами и многими медалями. После увольнения в запас работал в Москве. Умер в 1974 г.

Зыкова Клавдия Ивановна род. в 1917 г. в Перми. В дивизии с 1942 по 1945 г. Была медицинской сестрой 270-го медсанбата. Награждена орденом, многими медалями. После войны работала в школе. Заслуженный учитель школы РСФСР. Сейчас на пенсии. Живет в Перми.

Иванов Александр Васильевич род. в 1923 г. в Калининской области. В дивизии служил в 1941 г. Был связистом. Награжден орденом и многими медалями. После войны работал в народном хозяйстве. Сейчас на пенсии. Живет в Кабардино-Балкарской АССР.

Ивашина Наум Николаевич род. в 1907 г. в Днепропетровской области. В дивизии с 1942 по 1945 г. Был ответственным сек-

ретарем, заместителем редактора газеты «Боевая красноармейская». Награжден пятью орденами и многими медалями. После войны — журналист, редактор городской газеты. Сейчас на пенсии. Живет в Днепродзержинске.

Инамов Абдулла род. в 1919 г. в Намангане. В дивизии с 1941 по 1942 г. Был политруком минометной роты 928-го полка. Награжден орденом, многими медалями. Выбыл по ранению. После госпиталя работал в органах милиции, был председателем колхоза, директором мясокомбината. Ныне трудится на топливной базе. Живет в Намангане Узбекской ССР.

Исайченков Василий Андреевич род. в 1919 г. в Смоленской области. В дивизии с 1942 по 1945 г. Был командиром саперного отделения, помкомвзвода и командиром саперного взвода 928-го полка. Награжден орденом Славы трех степеней, двумя орденами и многими медалями. После войны работал в органах МВД. Ныне на пенсии. Живет в Смоленске.

Калинкин Алексей Андреевич. См. с. 259.

Каминский Яков Моисеевич род. в 1923 г. в Киеве. В дивизии с августа по октябрь 1942 г. Был минометчиком 924-го полка. Выбыл по ранению. Награжден двумя орденами и многими медалями. После войны — инженер-строитель в Киеве и Севастополе. Сейчас на пенсии. Живет в Киеве.

Камнев Гаврил Николаевич род. в 1918 г. в Башкирской АССР. В дивизии с 1942 по 1944 г. Был артиллеристом 787-го полка. Награжден четырьмя орденами, многими медалями. После войны работал в сельском хозяйстве. Сейчас на пенсии. Живет в Иркутской области.

Керцман Абрам Зейликович род. в 1913 г. в г. Жмеринка Винницкой области. В дивизии с

1941 по 1943 г. Был арттехником, начальником мастерских 932-го полка, начальником боепитания 932-го и 787-го полков. Награжден двумя орденами и многими медалями. После войны работал на заводах, в проектных организациях, в техникуме и институте. Сейчас на пенсии. Живет в г. Владимир.

Козлов Михаил Григорьевич род. в 1907 г. во Владимирской области. В дивизии с 1942 по 1945 г. Был командиром роты, заместителем командира, а затем командиром 420-го отдельного саперного батальона. Награжден пятью орденами и многими медалями. После увольнения в отставку работал в ряде организаций. Сейчас на пенсии. Живет в Москве.

Кокшаров Петр Федорович род. в 1912 г. в Челябинской области. В дивизии с 1942 по 1944 г. Был оперативным работником штаба 924-го полка и дивизии. Награжден орденом и многими медалями. После войны — на советской и партийной работе. Ныне на пенсии. Живет в Челябинске.

Колодяжный Иван Степанович род. в 1925 г. в Челябинской области. В дивизии с марта по август 1944 г. Был командиром стрелкового взвода. Награжден тремя орденами, многими медалями. После войны служил в армии. Сейчас на пенсии. Живет в Одессе.

Константинов Илья Алексеевич род. в 1923 г. в Оренбургской области. В дивизии с 1942 по 1945 г. Был командиром топографического взвода и начальником топографической службы 787-го артиллерийского полка. Награжден двумя орденами и многими медалями. После увольнения из армии работает инженером грузового автотранспортного предприятия. Живет в Майкопе.

Костин Николай Елисеевич род. в 1920 г. в Харьковской области.

В дивизии с 1942 по 1945 г. Был начальником радиостанции 787-го артиллерийского полка. Награжден орденом и многими медалями. После войны работает токарем. Живет в Харькове.

Кугультинов Давид Никитич род. в 1922 г. в Калмыцкой АССР. В дивизии с 1943 по 1944 г. Был литературным сотрудником газеты «Боевая красноармейская». Награжден четырьмя орденами и многими медалями. Народный поэт Калмыкии, лауреат Государственных премий СССР и РСФСР, секретарь правления Союза писателей РСФСР. Живет в Элисте.

Легостаев Григорий Тихонович род. в 1909 г. в Харькове. В дивизии с 1942 по 1943 г. Был радиомастером в 787-м артиллерийском полку. Награжден орденом и многими медалями. После войны работал радиотехником. Сейчас на пенсии. Живет в Харькове.

Леонов Георгий Никитович род. в 1923 г. в Калининской области. В дивизии с 1943 по 1945 г. Был разведчиком 332-й отдельной разведроты. Награжден четырьмя орденами и многими медалями. После войны — преподаватель, партийный работник, журналист. Ныне заведующий Харьковским отделением ТАСС-РАТАУ. Живет в Харькове.

Лисицкая Алла Никитична род. в 1918 г. в Житомире. В дивизии с 1941 по 1944 г. Была фельдшером, командиром эвакуационного взвода 270-го медсанбата. Награждена двумя орденами и многими медалями. После войны работала заведующей здравпунктом. Сейчас на пенсии. Живет в Москве.

Медведев Петр Сергеевич род. в 1918 г. в Пермской области. В дивизии с 1942 по 1945 г. Был радистом 176-й отдельной роты связи. Награжден орденом и многими медалями. После войны работал в колхозе, на строительстве завода, в Пермской об-

ластной конторе госбанка. Сейчас на пенсии. Живет в Перми.

Моисеев Василий Родионович род. в 1922 г. в Смоленской области. В дивизии с 1943 по 1945 г. Был инженером 924-го полка, заместителем командира 420-го отдельного саперного батальона. Награжден шестью орденами и многими медалями. В настоящее время работает преподавателем кафедры гражданской обороны в институте. Живет в Новочеркасске Ростовской области.

Мотовилов Дмитрий Иванович род. в 1903 г. в Курганской области. В дивизии с 1942 по 1945 г. Был заместителем редактора и редактором газеты «Боевая красноармейская». Награжден четырьмя орденами и многими медалями. После войны — заведующий отделом, ответственный секретарь газеты «Уральский рабочий». Умер в 1970 г.

Образцов Сергей Александрович род. в 1902 г. в Вологде. Награжден орденом Ленина и многими медалями. Работал телеграфистом, дежурным по станции, ревизором движения, начальником станции Грязовец, а после выхода на пенсию ревизором движения Вологодского отделения железной дороги. Умер в 1982 г.

Овсиенко Антон Федорович род. в 1903 г. в Днепропетровской области. В дивизии с 1943 по 1944 г. Был заместителем командира дивизии по тылу. Награжден четырьмя орденами и многими медалями. После увольнения из армии работал на Харьковском тракторном заводе. Умер в 1983 г.

Обчинников Александр Иванович род. в 1923 г. в Пермской области. В дивизии с 1942 по 1943 г. Был минометчиком 928-го полка. Выбыл по ранению. Награжден орденом и многими медалями. После войны — железнодорожник Пермского отделения

Свердловской железной дороги. Сейчас на пенсии. Живет в Перми.

Онькова Лилия Николаевна род. в 1931 г. в Пермской области. Окончила Ленинградский политехнический институт. Работает старшим научным сотрудником ЦАГИ. Живет в г. Жуковский.

Осипенко Иван Григорьевич род. в 1914 г. в Киевской области. В дивизии с 1942 г. Был начальником связи дивизии. Награжден шестью орденами, многими медалями. После войны служил в армии, затем работал в органах связи. Сейчас на пенсии. Живет в г. Сумы.

Палагушкин Василий Тимофеевич род. в 1903 г. в Мордовской АССР. В дивизии с 1942 по 1945 г. Был писарем 932-го полка, помощником начальника штаба 924-го полка и помощником начальника отдела кадров дивизии. Награжден двумя орденами и многими медалями. После войны работал в органах МВД. Умер в 1982 г.

Петльованный Виталий Иванович род. в 1914 г. в Випнице. В дивизии служил в 1943 г. Был замкомбата по политчасти в 932-м полку, инструктором политотдела дивизии. Награжден четырьмя орденами и многими медалями. После войны — литсотрудник окружной военной газеты. Член Союза писателей СССР. Живет в Киеве.

Пилипенко Алексей Степанович род. в 1917 г. в Черниговской области. В дивизии с 1943 по 1945 г. Был начальником отдела кадров дивизии. Награжден пятью орденами и многими медалями. После расформирования дивизии продолжал служить в Советской Армии. Ныне на пенсии. Живет в Чернигове.

Пичугин Виктор Артамонович род. в 1912 г. в Пермской области. В дивизии с 1942 по 1945 г.

Был начальником штаба дивизиона, начальником штаба артиллерии дивизии, командиром отдельного истребительно-противотанкового артиллерийского дивизиона. Награжден шестью орденами и многими медалями. Работал в аппарате ВЦСПС. Умер в 1982 г.

Польгалов Андрей Петрович род. в 1918 г. в Пермской области. В дивизии с 1942 по 1943 г. Служил в артснабжении. Награжден двумя орденами и многими медалями. После войны работал в органах МВД. После увольнения в запас был бухгалтером, директором торговой базы и рынка. Сейчас на пенсии. Живет в Перми.

Попов Евгений Николаевич род. в 1893 г. В дивизии с 1941 по 1945 г. Был начальником штаба, командиром 787-го артиллерийского полка. Награжден семью орденами и многими медалями. После увольнения из армии работал в одном из московских военных издательств литературным сотрудником. Умер в 1973 г.

Пушин Григорий Александрович род. в 1918 г. в Удмуртской АССР. В дивизии с 1942 по 1945 г. Был старшим врачом 932-го полка. Награжден четырьмя орденами и многими медалями. После войны работал в органах здравоохранения. В настоящее время — заведующий кафедрой Запорожского мединститута, доктор медицинских наук, профессор. Живет в Запорожье.

Решетняк Александр Иванович род. в 1924 г. в Кировоградской области. В дивизии с 1943 по 1945 г. Был помкомвзвода, комсоргом батальона. Награжден тремя орденами, многими медалями. После войны работал на промышленных предприятиях. Умер в 1985 г.

Савельев Петр Максимович род. в 1906 г. в Новосибирске. В дивизии с весны 1944 по 1945 г.

Был начальником штаба батальона 932-го полка. Награжден тремя орденами и многими медалями. После войны работал инженером в управлении Западно-Сибирской железной дороги. Сейчас на пенсии. Живет в Новосибирске.

Седелкин Петр Филиппович род. в 1916 г. в Наро-Фоминске. В дивизии с 1941 по 1945 г. Был командиром батареи 787-го артиллерийского полка. Награжден четырьмя орденами и многими медалями. После войны работал машинистом холодильной установки. Умер в 1983 г.

Симонов Евгений Алексеевич род. в 1922 г. в Воронежской области. В дивизии с 1943 по 1945 г. Был помощником командира взвода разведки 928-го полка. Награжден орденом Славы трех степеней и тремя орденами Отечественной войны, многими медалями. После войны работал лесничим, главным инженером, а затем директором лесхоза. Ныне на пенсии. Живет в г. Черкассы.

Смирных Петр Федотович род. в 1917 г. в Тюменской области. В дивизии с 1942 по 1945 г. Был связистом 924-го полка, радистом 176-й отдельной роты связи. Награжден орденом, многими медалями. После войны работал начальником связи объединения Уралгеология. Сейчас на пенсии. Живет в Свердловске.

Соколов Степан Тимофеевич род. в 1923 г. в Горьковской области. В дивизии с 1942 г. Был командиром стрелкового, затем комендантского взводов, комендантом штаба дивизии. Награжден тремя орденами, многими медалями. После войны работает на заводе. Живет в г. Выкса Горьковской области.

Соколовский Александр Михайлович род. в 1924 г. в Ленинграде. В дивизии с августа по ноябрь 1942 г. Был командиром стрелко-

вого отделения 932-го полка. Выбыл по ранению. Награжден четырьмя орденами и многими медалями. После войны — врач госпиталя, заместитель начальника военно-врачебной комиссии. Ныне врач медкомиссии. Член Союза журналистов СССР. Живет в Ленинграде.

Спирин Филипп Павлович род. в 1907 г. в Тамбовской области. В дивизии с 1942 по 1945 г. Был старшим ветеринарным врачом 932-го и 787-го полков. Награжден тремя орденами и многими медалями. После увольнения из армии работал ветврачом отдела Министерства сельского хозяйства Северо-Осетинской АССР. Сейчас на пенсии. Живет в Орджоникидзе.

Стодольский Владимир Григорьевич род. в 1923 г. в Житомирской области. В дивизии с 1944 г. Был связистом 932-го полка. Награжден орденом и многими медалями. После войны работал воспитателем детдома, директором Дома культуры. Сейчас на пенсии, работает в колхозе художником-оформителем. Живет в с. Соколовка Винницкой области.

Стороженко Петр Семенович род. в 1923 г. в Керчи. В дивизии с августа по декабрь 1942 г. Был командиром минометного расчета 928-го полка. Награжден двумя орденами, многими медалями. Сейчас на пенсии. Инвалид войны. Живет в Кировоградской области.

Тельканов Сергей Алексеевич. См. с. 257.

Терещенко Иван Павлович род. в 1924 г. в Черниговской области. В дивизии с марта по ноябрь 1943 г. Был наводчиком 45-миллиметрового орудия. Выбыл по ранению. Награжден орденом и многими медалями. После войны служил в армии, работал. Живет в Киеве.

Уваров Иван Васильевич род. в 1922 г. в Московской области. В дивизии с 1942 по 1945 г. Был командиром огневого взвода и батареи 787-го артиллерийского полка. Награжден пятью орденами и многими медалями. После увольнения из армии в запас работает инженером по технике безопасности в стройуправлении. Живет в Луцке.

Фельдман Семен Борисович род. в 1920 г. в Житомирской области. В дивизии с 1942 по 1945 г. Был культработником в 932-м полку, а затем в музыкальном взводе дивизии. Награжден орденом и многими медалями. После войны работал архитектором ряда институтов. Член Союза архитекторов СССР. Сейчас на пенсии. Живет в Москве.

Фролов Иван Семенович. См. с. 210.

Холоднов Венедикт Степанович род. в 1924 г. в Калининской области. В дивизии с марта 1943 по 1945 г. Был командиром минометного расчета 924-го полка. Награжден тремя орденами, многими медалями. После войны работал на заводе. Сейчас пенсионер. Живет в Петропавловске Казахской ССР.

Черненко Лидия Васильевна род. в 1926 г. в Красноярском крае. В дивизии с 1943 по 1945 г. Была пекарем, затем завращицей на складе горюче-смазочных материалов. Награждена орденом и многими медалями. После войны работала в библиотеке. Сейчас на пенсии. Живет в Новочеркасске.

Черных Владимир Иванович род. в 1916 г. в Пермской области. В дивизии с 1941 по 1945 г. Был командиром стрелкового отделения 924-го полка, радистом 176-й отдельной роты связи. Награжден орденом и многими медалями. После войны работал в леспромхозе, затем мастером сплавного рейда, инженером по

гражданской обороне. Умер в 1983 г.

Чигодайкин Иван Васильевич род. в 1920 г. в Мордовской АССР. В дивизии с 1943 по 1944 г. Был на командной и журналистской работе. Награжден двумя орденами и многими медалями. Член Союза писателей СССР. Автор ряда поэтических сборников. Умер в 1986 г.

Шастин Василий Петрович род. в 1924 г. в Кировской области. В дивизии с 1943 по 1945 г. Был

связистом 787-го арtpолка. Награжден орденом и многими медалями. После войны служил в Советской Армии, затем работал в Киргизии. В настоящее время пенсионер. Живет в Кировском районе Киргизской ССР.

Шмотов Павел Иванович род. в 1922 г. в г. Казани. В дивизии с 1942 по 1944 г. Был связистом 787-го арtpолка. Награжден орденом и многими медалями. После войны работал механиком. Сейчас пенсионер. Живет в Казани.

СОДЕРЖАНИЕ

1. Грозный год (июнь 1941 — июль 1942)

Есть 252-я! (Е. Попов)	4
Грозный год (И. Зайцев, Н. Ивашина, Д. Мотовилов, В. Петльованный)	6
Комиссар Антропов (П. Кокшаров)	21
Письмо о самом трудном (А. Инамов)	22
Выручила граната (А. Иванов)	24
Если товарищ в беде... (В. Черных)	25
Память о них священна (П. Седелкин)	26
Наша Клава (А. Лисицкая)	27
Взрывы за плечами (А. Керцман)	29
Прорыв (Е. Попов)	31
«Боевая красноармейская». По страницам дивизионной газеты	34

2. Второе рождение (август — сентябрь 1942)

Идет пополнение (В. Пичугин)	38
Курсантов Отчизна зовет (А. Соколовский)	44
Один день и вся жизнь (М. Айзенберг)	51
Едем на фронт (К. Зыкова)	52
«Боевая красноармейская». По страницам дивизионной газеты	56

3. От Волги до Днепра (октябрь 1942 — сентябрь 1943)

Здесь и земля горела (Н. Костин, П. Шмотов)	60
Отвлекающий удар (Я. Каминский)	62
Там, за балкою Грачевой... (А. Годовых)	63
Грачевая балка (С. Тельканов)	67
О друзьях-товарищах (И. Гребцов)	68
Выдержка (И. Осипенко)	72
Вызываю огонь на себя (Д. Бородавка)	73
Мы — коммунисты штаба (П. Кокшаров)	74
Не забуду никогда (П. Стороженко)	77
Смотреть было страшно (А. Годовых)	77
Нас было пятеро друзей (А. Овчинников)	79
Из немецкого танка — по врагу (Г. Камнев)	81
К Сталинграду. Записки комдива (Г. Анисимов)	82
С мандатом за линию фронта (С. Дробкин)	89
Гривастые помощники (Ф. Спириин)	91
На учениях — как в бою (И. Уваров)	94
Эх, дороги фронтовые... (И. Анисимов)	95
Подвиг Демиды Бабака (Е. Попов)	99

«Ползающие» мины (М. Козлов)	101
У родного порога (Г. Легостаев)	102
Дорога на Харьков. Записки комдива (Г. Анисимов)	103
«Боевая красноармейская». По страницам дивизионной газеты	108

4. От Днепра до границы (октябрь 1943 — август 1944)

Десантники (И. Гребцов)	112
Бой у Днепра (И. Терещенко)	116
«Которому вечно пятнадцать» (А. Пилипенко)	118
Разведчик Комар (С. Тельканов)	121
Во имя Родины (А. Пилипенко)	122
Капитан Погребной (П. Медведев)	124
Медпункт на пятачке (Г. Пушин)	126
Картошка (П. Савельев)	129
В шестнадцать девчоночьих лет... (Е. Бодялова (Бодял))	131
И моя служба нужна (Л. Черненко)	134
Тылы подкрепляют фронт (А. Овсиенко)	135
С доброй улыбкой (П. Кокшаров)	139
Вся страна пишет солдату Иванову (И. Гребцов)	140
Материнское счастье (В. Пицугин)	144
За партбилетом... по-пластунски (В. Холоднов)	145
Бои местного значения (И. Колодяжный)	147
Три снаряда (В. Шастин)	151
На полях Молдавии (И. Фролов)	152
В ночной поиск (И. Константинов)	156
Мост взорван (В. Моисеев)	156
Бой за Унгены (В. Пицугин)	157
Подвиг разведчика (А. Пилипенко)	159
Лейтенант Белобородов (И. Фролов)	160
Смелому и танк не страшен... (И. Фролов, А. Пилипенко)	161
Отважный пулеметчик (И. Чигодайкин)	163
Домик на отшибе (И. Гребцов)	165
«Боевая красноармейская». По страницам дивизионной газеты	169

5. К Дунаю-реке (сентябрь 1944 — май 1945)

По дорогам Европы (И. Гребцов)	176
Виноград (П. Савельев)	180
С кем идти в разведку (Е. Симонов)	181
За «языком» (Г. Леонов)	185
Батальон атакует врага (Л. Голубовский)	186
Из минометов по танкам (Е. Берновский)	189
У озера Балатон (А. Годовых)	189
В кольце танков (С. Соколов)	191

Мои побратимы (В. Исайченков)	192
Тринадцатый Герой (И. Гребцов)	195
Герои Дуная (А. Пилипенко)	199
Убьют — погибну героем (И. Гребцов)	204
Подвиг связистов (И. Осипенко)	205
Это было на Дунае (В. Палагушкин)	207
Наше знамя над Братиславой (И. Фролов)	208
РСБ и «немка» (П. Смирных)	212
Военкоры — наша опора (Д. Мотовилов)	215
Мальчик и пирожок (А. Решетняк)	216
После Победы (В. Пичугин)	217
Слово о муззвезде (С. Фельдман)	221
Песня (И. Гребцов)	223
Я шел в Москву четыре года... (Г. Леонов)	225
О чем молчат курганы (Н. Ведмидский)	227
Двести пятьдесят вторая (С. Фельдман)	228
«Боевая красноармейская». По страницам дивизионной газеты	230

6. Ветераны в строю

Встречи, встречи... (И. Гребцов, А. Годовых, И. Анисимов)	236
Дорогие мои земляки (А. Польшгалов)	240
Сталинградский курс (А. Соколовский)	245
Василь Быков — воин и писатель (А. Пилипенко)	250
Память. Через Днепр (Д. Кугультинов)	252
Поэт Тельканов (И. Гребцов)	257
Художник Калинин (И. Анисимов)	259
Материнский поклон (С. Образцов)	260
Медаль «За отвагу» № 292665 (И. Гребцов)	262
Мемориал нашего села (В. Стодольский)	266
В неоплатном долгу (И. Гребцов)	268
Гордимся отцом и дедом (Л. Онькова)	269
Учусь у отца (Г. Деманов)	271
Присяга (С. Тельканов)	273
Коротко об авторах книги	275

НАША СТРЕЛКОВАЯ

ВETERАНЫ 252-Й ДИВИЗИИ ВСПОМИНАЮТ

Составители:

И. Г. Анисимов, А. К. Годовых, И. Г. Гребцов
Литературная обработка **И. Г. Гребцова**

Фото **Е. И. Беляева**

Портреты художника **А. А. Калинин**

Редактор **М. Пауменко**

Художник **В. Кадочников**

Художественный редактор **С. Можасва**

Технический редактор **В. Чувапов**

Корректоры **Л. Крамаренко, Г. Борсук**

ИБ № 1580

Сдано в набор 15.04.87. Подписано в печать 20.08.87. ЛБ19223. Формат 84×108¹/₃₂. Бум. тип. № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 15,12. Усл. кр.-отт. 16,80. Уч.-изд. л. 15,983. Тираж 10 000 экз. Заказ № 321. Цена в переплете: из ледернна на ткани — 1 р. 10 к., из бумвинила — 95 к. Пермское книжное издательство. 614000, г. Пермь, ул. К. Маркса, 30. Книжная типография № 2 управления издательств, полиграфии и книжной торговли. 614001, г. Пермь, ул. Коммунистическая, 57.

НЗ7 **Наша стрелковая:** Ветераны 252-й дивизии вспоминают / Сост. И. Г. Анисимов, А. К. Годовых, И. Г. Гребцов. — 2-е изд., перераб. и доп. — Пермь: Кн. изд-во, 1987. — 284 с.

Книга воспоминаний ветеранов 252-й стрелковой дивизии о ее славленном боевом пути.

Н $\frac{1304010000-59}{M152(03)-87}$ Без объявл.

ББК 63.3(0)62

Уважаемые читатели!

*В Пермском книжном издательстве
готовятся к выпуску
следующие книги
военно-патриотической тематики:*

БОЙЦЫ ВСПОМИНАЮТ

Очередной сборник воспоминаний ветеранов Великой Отечественной войны.

ЗОЛОТЫЕ ЗВЕЗДЫ ПРИКАМЬЯ

4-е, исправленное и дополненное издание очерково-справочной книги о наших земляках — Героях Советского Союза.

ПРОДОЛЖЕНИЕ ПОДВИГА

Книга документально-художественных очерков о пермских чекистах.

